

антология
пермской
литературы

Олег
ЧЕРНЯК

ДОКОПАТЬСЯ ДО СУТИ

сборник рассказов

16+

«Счастье в мелочах»,
2017 г., холст, масло. —
работа Натальи Лежнёвой

антология
пермской
литературы

Серия «Антология пермской литературы» —
лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства
(номинация «Литература») за 2013 год

Издание сборника рассказов Олега Ароновича Черняка «Докопаться до сути» и подготовка его электронной версии осуществлены в рамках проектов «Пермская библиотека» и «Литературное Прикамье» при поддержке Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru) и при содействии Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России.

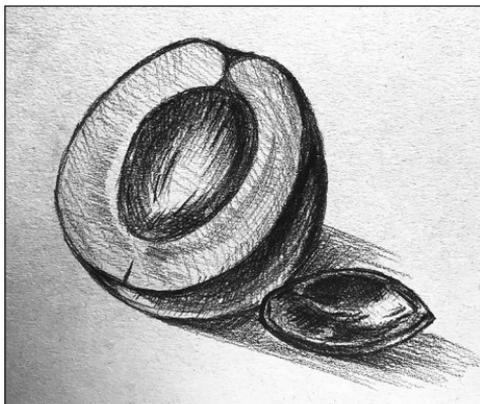

ТОМ тридцать пятый

Олег
ЧЕРНЯК

ДОКОПАТЬСЯ
ДО СУТИ

сборник рассказов

«Пермский писатель»
Пермь • 2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 49

антология пермской литературы • том 35

Олег Аронович Черняк
Докопаться до сути
Сборник рассказов

Черняк О. А.

Ч 49 **Докопаться до сути:** Сборник рассказов / Олег Черняк; ил. Н. Лежнёва. — Пермь: Пермский писатель, 2022. — 256 с.; ил. — (Антология пермской литературы; т. 35).
ISBN 978-5-6044740-9-9

Сборник рассказов «Докопаться до сути» широко известного писателя из Перми Олега Ароновича Черняка составлен из ярких, эмоционально насыщенных новелл. Неожиданные сюжетные повороты каждой отдельной истории лишь с завершающим эпизодом в полной мере удовлетворяют читательское любопытство.

Писатель верит в человека, в возможность человеческого счастья... Надо только преодолеть «обломовщину», сделать усилие над собой — и светлый финал станет достижим. Образы родной земли, современные «авторские мифы» российских городов, душевная красота людей — производят сильное радостное впечатление, заряжают гражданским оптимизмом.

Книга адресована читателям старшего школьного возраста (16+).

ISBN 978-5-6044740-9-9

9 785604 474099

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© О. А. Черняк, текст, 2022
© Н. В. Лежнёва, иллюстрации, 2022
© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2022
© ПКОО «Пермский писатель», 2022

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

На рыбалку

Не знаю, кто как, а я лихие девяностые проскочил легко и, более того, через прошедшие десятилетия вспоминаю те годы с теплом и улыбкой.

Да уж, было время... Народец, отталкивая друг друга локтями, боролся за место под солнцем в «новой» России. Особо одарённые бывшие партийцы и комсомольские вожаки, оставшись не у дел, с азартом растаскивали и приватизировали завоевания социализма, превращаясь в миллионеров. Простые работяги, ошарашенные незнакомым словом «бартер», осваивали азы коммерции. Другого выхода не было: зарплату выдавали не деньгами, а товаром, который выпускало их предприятие. Город превратился в барахолку: погружные насосы меняли на бензопилы «Урал», автоприцепы «Скиф» — на велосипеды «Кама»... Думаю, что проблем не было только у работников фабрики Гознак, которая снабжала всю страну денежными купюрами, ежедневно теряющими свою ценность. Больше всех в то время не повезло врачам и учителям: зарплаты не платили по несколько месяцев. Страна словно проверяла их на прочность: помрут или нет? И они выживали и продолжали работать. Не все, конечно, а те, кто по-настоящему любил профессию, продолжая учить и спасать практически бесплатно, оставаясь людьми, верными своему долгу.

В то время судьба свела меня с настоящими мужиками, врачами одной из больниц нашего города. Они были старше меня,

но мы всегда находили общий язык, и общение наше постепенно переросло в крепкую дружбу. Когда у моих новых друзей выдавалось свободное время после суточных, а порой и полуторасуточных дежурств, мы собирались за кружкой пива, разговаривали, шутили, обсуждали политику. Общались как старые приятели, обращаясь друг к другу только по отчеству: Николаич, Семёныч, Евгенич, Юрич... На одной из таких посиделок и возникло предложение выехать на природу дня на два: половить рыбу, сварганить шашлык и вдохнуть свежего воздуха.

На работе у настоящих анестезиологов-реаниматологов время на раздумья нет. В обычной жизни они такие же: сказано — сделано. Выезд запланировали на следующую неделю. Обязанности распределили быстро: кто отвечает за мясо, кто — за пиво, кто — за удочки. Самое простое оказалось решить, куда ехать. Мы заказали места на базе «Огонёк», принадлежавшей небольшому предприятию. Во-первых, она находилась далеко от города, во-вторых, в будние дни там не бывает отдыхающих и можно разойтись на всю катушку. Но была ещё маленькая проблема. Все мои друзья были людьми женатыми. Учитывая бесконечные дежурства, дома их видели редко. Как отнесётся любимая жена к сообщению, что благоверный два своих выходных проведёт не с ней, а на природе? К тому же словосочетание «база отдыха» вызывает у женщины однозначную реакцию. Согласно женской логике, цепочка выстраивается примерно так: база — шашлык — водка — пиво — баня. А раз баня — значит, бабы. Всё! И если даже биться головой о стену и перечислять пофамильно всю компанию, доказать, что ты не верблюд, не удастся.

После кратких размышлений решение было принято. Про отдых на базе не говорить. Едем на рыбалку, семь человек, на

двух машинах, живём в палатках. В этом случае жена отнесётся к мероприятию с пониманием, ведь у мужа вредная работа, не зря молоко выдают. За день в операционной он вдыхает столько паров закиси азота и фторотана, что свежий воздух хотя бы раз в год ему просто необходим. Ночь в палатке — это прекрасно. Комары, прохлада, бессонница — мужик сразу поймёт, что спать дома лучше. Ну и самое главное — бабы. Какие бабы могут быть на рыбалке? Если только русалки, но у них нет стройных ножек, значит, не конкурентки. На том и порешили.

В дорогу собирались у больницы. В багажник поставили эмалированное ведро с мясом, разную снедь, пару ящиков пива и трёхлитровую банку со спиртом, настоящим на кедровых орешках.

Когда мы грузились в машины, я с радостью заметил, что удочки никто не взял. С радостью, потому что я не любитель рыбалки, мне почему-то всегда жалко извивающуюся на крючке рыбу, ведь у неё такие грустные глаза, блестящие страхом.

«Ну, не взяли и не взяли, — подумал я, усаживаясь на переднее сидение жигулей. — Значит, компания не распадётся. А то один захочет рыбу ловить, другой — ещё что-нибудь, все разбредутся кто куда. А поговорить?..»

Мы выехали с территории больницы.

Солнце поднялось, и на город опустилась жара. В открытые окна машин задувал нагретый ветер. Спина покрывалась потом, прилипала к дерматиновому креслу и начинала надоедливо чесаться. Дорожная пыль цеплялась к влажному лбу и забивалась в нос. Говорят, что всегда есть выбор. Наверное, был и сейчас: поднять стекла и задохнуться от марева в салоне

шедевра тольяттинского завода или терпеть песчинки на зубах, но обдуться, пусть тёплой, но струёй воздуха из окна. Километров через тридцать мы начали принюхиваться. Устойчивый кислый запах всё сильнее и сильнее наполнял машину.

— Чувствуете? — спросил я.

— Уже давно, — ответил Евгенич, сидевший за рулём.

— Может, мясо стухло? — предположил он и резко затормозил.

Вторая машина тоже остановилась, и мы подошли к багажнику.

Евгенич принялся распутывать бинты, которыми закрепили крышку на ведре. Когда он закончил, мы, стучаясь головами, склонились над ведром.

— Что это? — спросил я, затыкая нос.

— Чёрт, ведра перепутал! — воскликнул Евгенич.

Оказалось, что ночью на работе Евгенич замариновал мясо, замотал ведро бинтами, отнёс его в столовую и поставил в холодильник. Дежурство выдалось тяжёлым, «скорые» приезжали одна за другой, вздремнуть не получилось ни минуты. Утром, сдав смену, он помчался в столовую и впопыхах схватил ведро, в которое повариха скидала остатки еды, чтобы утром унести домой и накормить любимого поросёнка Гришку.

— Ну что, дуи обратно, да желательнее побыстрее, пока Гришка не сожрал своего сородича, — сказал Николаич.

— Я мигом, — ответил Евгенич, выдал нам по бутылке пива, прыгнул в машину и умчался в больницу.

— Да-а-а... — глубокомысленно произнёс Семёныч и, передав фразу из известного фильма, добавил: — Утро перестаёт быть томным.

Евгенич вернулся часа через полтора, а ещё через два мы добрались до места.

Судя по тому, что двухэтажный корпус из красного кирпича был обнесён дощатыми строительными лесами, а листы шифера местами зияли огромными дырами, нас тут не ждали.

— По-моему, приехали, — как всегда глубокомысленно заявил Семёныч и достал сигареты.

Мы выбрались из машины. С реки тянуло прохладой. Дорожка к зданию по колено заросла травой. Лёгкий ветерок словно играл с ней: пригибая к земле, затихал, но стоило ей подняться, как он налетал с другой стороны, вновь показывая свою силу.

К нам подошёл крупный мужчина в тельняшке. С загорелой лысины на лоб стекали крупные капли пота.

— Что хотели? — спросил он.

— Мы тут места заказали на два дня, — ответил Иваныч.

Мужик вытащил из кармана замызганную тряпку и озабоченно вытер лицо. Толстый шершень, пристроившийся было отдохнуть на его влажной лысине, резко взлетел и выразил своё недовольство громким жужжанием. Мужик махнул тряпкой вслед улетающему насекомому, равнодушно зевнул и сказал:

— Не может быть. База не работает.

— Как? — гневно спросил я и угрожающе сдвинул брови.

— Так, — категорично брякнул дядька, давая понять, что вопрос исчерпан.

Но не тут-то было. Хотя мы изрядно разомлели, стоя на обочине в ожидании Евгенича, и хорошо протряслись, пропитываясь пылью на ухабистой дороге, желание восстановить

справедливость, подстёгнутое чувством голода, рвалось в бой.

Мы обступили мужика, который сник на глазах. Он уже не только не вытирал лоб, но и не обращал внимания на шершня, который воспользовался ситуацией и нагло полоскал лапки в крупных капельках пота, скопившихся на загорелой лысине.

Разговор был недолгим, но теперь поникли мы. Оказалось, что на развилке, увидев на баннере указатель «Огонёк», мы рванули на одноименную базу, которая принадлежала совсем другому предприятию, а не тому, где мы заказали места.

Из двух вечных вопросов — «кто виноват?» и «что делать?» — нам нужен был ответ на второй. Действительно, что делать? Время подходило к трём. До развилки километров пятьдесят, а от неё ещё примерно столько же. Все, кроме меня, после дежурства, уставшие, невыспавшиеся и голодные.

— Давайте хоть по бутерброду, — предложил Евгений. — Пока жуём, подумаем.

Он открыл багажник, достал завёрнутые в бумагу плавленые сырки и выдал по одному каждому.

— Хлеб на заднем сидении. Налетайте, господа!

Налетать никто не спешил. Все сосредоточенно выковыривали тоненькую фольгу из сырков, которая впаялась в расплавленный жарой сыр.

Евгений, словно бармен за стойкой, орудовал у багажника. Он вытащил из ящика бутылку пива и весело спросил:

— Кому жигулёвского, свеженького, тёпленького?

— Мне! — бойко ответил я и сделал шаг вперёд.

Евгений щёлкнул открывалкой, пробка взлетела вверх, а вслед за ней из горлышка, разбрызгивая мелкие пузырьки, вырвалась густая белая струя. Чтобы не потерять ценные капли

дефицитного напитка, он направил струю в рот. Напор был такой силы, что пиво не успевало проскочить в горло и вырывалось через нос. Евгений, с надутыми щеками, расширенными ноздрями и красным лицом, был похож на огнедышащего дракона, из которого вместо пламени вылетали шипящие струи.

Мы засмеялись, но, постепенно понимая, что произошло, разом заткнулись.

— Что притихли? — улыбаясь спросил Евгений.

Он вытер ладонью лицо и положил пустую бутылку в багажник.

— И как теперь за руль? — спросил я.

Евгений почесал лоб, виновато опустил голову и на секунду задумался.

— Значит, никуда не едем, — прошептал он и, увидев наши осуждающие взгляды, крикнул:

— Ну не мог я по-другому, мужики! Понимаете? Пиво! На землю! Да никогда!

— Вот, теперь точно приехали, — задумчиво произнёс Семёныч. — Надо было палатки брать.

То ли от нервности, то ли от безысходности мы все истерично захохотали.

Так как ответ на вопрос «что делать?» нашёлся сам, нам оставалось выбрать место, где обосноваться. Если моих друзей, привыкших засыпать в любых условиях, перспектива ночевать сидя в машинах не беспокоила, то для меня это была проблема. С тем, что придётся пить горячий спирт и запивать шашлык столь же горячим пивом, я уже смирился, но сидеть скрюченным в машине всю ночь мне катастрофически не хотелось.

Мы с Семёнычем спустились к реке: нужно было найти место, и чтобы проехали машины, и чтобы лесок был рядом, дровишек набрать.

Шли вдоль берега, вдыхая свежий речной ветер. С непривычки кружилась голова.

Вдруг Семёныч остановился.

— Ты чего? — спросил я.

Семёныч приложил палец к губам и шёпотом спросил:

— Слышишь?

Я прислушался.

— Ага, гармошка играет. И?

— А гармошка — это что? — опять спросил он.

— Что? — недоумевал я.

И тут Семёныч своей логикой сразил меня наповал.

— Тундра, — сказал он. — Гармошка — это праздник, где праздник — там люди, где люди — там крыша над головой. Пошли.

И он быстро начал подниматься в горку.

Перед нами стоял обычный деревенский дом, обнесённый почерневшим забором. У забора на широкой, обломленной с одной стороны лавке сидел длиннородый старик и играл на гармошке. У его ног две пятнистые курицы, наклонив головы набок, словно подпевая ему, издавали сдавленно-булькающие звуки. Старик выглядел странновато: дырявая широкополая соломенная шляпа, натянутая до бровей, голубая растянутая майка, чёрные семейные трусы до колен и валенки. Он приотпывал в такт музыке. Его худые, изрисованные синими прожилками вен ноги болтались в широких голенищах, как карандаши в стаканах.

— Здравствуйте, — сказал я. — Пустите на ночлег?

Дед поставил гармошку на лавку, поднялся и, подозрительно прищурившись, оглядел нас.

— Новые русские? — спросил он с интересом.

— Нет, старые евреи, — улыбнулся Семёныч.

Старик захохотал и широко раскрыл рот, демонстрируя жёлтые зубы. Три штуки: два внизу, один сверху.

— Люблю шутников, — сказал он. — Заходите.

— Дедушка, — вкрадчиво сказал Семёныч, — нас семь человек и две машины.

— Ух ты! — закашлялся старик. — У нас и коек столько не будет.

— Мы на полу можем, — вступил я.

— Даже не уговаривай, — старик махнул рукой, уселся на лавку и вновь взял гармошку.

— У нас есть спирт, пиво и мясо на шашлык. Целое ведро, — зашёл с козырей Семёныч.

— Спирт? — дед пальцем через дырку в шляпе задумчиво почесал голову. — Пойду у бабки спрошу. Он взял гармонь и зашёл во двор, курицы кудахтая побежали за ним.

Старик вышел через пару минут. Он по-хозяйски подошёл к воротам и распахнул их, откинув засов.

— Бабка сказала машины во двор загнать, чтобы ночью колёса не сняли. Заботливая она у меня.

— Пять минут, дедушка! Сейчас остальных позовём.

Двор оказался широким и просторным, дом, хотя и потемнел за годы и слегка завалился на одну сторону, выглядел внушительно. Взглянув на женщину, встречавшую нас, я сразу

понял, кто в доме хозяин. Хотя старик и называл её бабкой, выглядела она намного моложе его. Бог наградил её милостивым лицом и могучим телом. Яркий сарафан, размером с поддевальник, хотя и прятал угловатость фигуры, но силищу загорелых рук скрыть было невозможно.

«Может, раньше в шахте работала, — подумал я. — Или шпалы укладывала».

Бабка стояла у стола и нарезала помидоры.

— Заходите, гости! Чем богаты, тем и рады! — сказала она, не выпуская из рук нож.

— Здравствуйте, мы с добром, — ответил я, не отводя глаз от ножа.

Она перехватила мой взгляд, хотнула, вонзила нож в разделочную доску и вытерла руки о передник.

— Перепетуя, но можешь называть тётя Петя. А как тебя величать?

— Игорь.

— Ну давай, Игорёк, устраивайтесь. Когда перепьётесь, Мухомора моего тшедушного не обижайте, а то ноги-руки переломаю.

— Мухомор — это кто? — спросил я. — И почему мы его должны обижать?

— Мухомор — это муж мой, Кешка. Знаю я вас. Все вы, городские, одинаковые. Напьётесь — и в драку. Давеча на базе нажрались и пошли по деревне безобразничать, так я их быстро утихомирила.

— Видал? — Тётя Петя поднесла к моему носу здоровенный кулак, пахнувший чесноком. — Понятно?

— Понятно, понятно, — пробормотал я. — Мы не такие.

— Посмотрим, — тётя Петя довольно улыбнулась.

Работа закипела: кто жарил шашлыки, кто резал колбасу и сыр, полученные в подарок от благодарных пациентов, открывали консервы, чистили истекающую жиром селёдочку иваси. Тётя Петя вышла в огород и притащила целый таз огурцов, помидоров, зелёного лука и чеснока. Мы с дедом Кешей занялись разбавлением спирта ключевой водой и разливанием его по бутылкам. Оказалось, что у старика даже спиртометр имелся, но дед не доверял ему и постоянно дегустировал полученный напиток, контролируя, чтобы он был ровно сорок градусов.

Ужинать сели часов в девять. Хозяева сначала отказывались составить нам компанию, но, заметив на столе продукты, которые в деревнях не видели уже много лет, согласились.

Сначала дед с бабкой сидели тихонечко, прислушиваясь к нашим разговорам. С каждой выпитой рюмкой они становились смелее. Тётя Петя поняла, что ничего плохого от нас ждать не надо, и перестала опасливо поглядывать в нашу сторону. Через пару часов она наяривала на балалайке и пела частушки. Потом дед играл на гармошке, а бабка сорвала с головы платок и, размахивая им, бодро отплясывала барыню в центре комнаты. Мы хлопали в ладоши и хохотали. Окончательно захмелев под аккомпанемент гармошки и балалайки, мы надрывно пели: «Мисяць на неби, зироньки сяють, тихо по морю човен пливе». Судя по вою соседской собаки, наше многоголосье ей не нравилось. Но нам было всё равно. Душа раскрывалась, как меха на гармошке, ей безудержно хотелось праздника.

Дед неожиданно отложил гармонь и посмотрел на тётю Петю.

— Мать, дай одну, — сказал он.

— Нет!

— Ну дай. Пусть ребятки попробуют. Сегодня ведь праздник.

— Какой? — строго спросила бабка.

— Ну это, гости приехали.

— Уговорил, Мухомор, — тётя Петя махнула рукой, поднялась и ушла за занавеску, отделяющую нас от соседней комнаты.

Через минуту она вернулась с поллитровкой, наполненной жёлтой мутной жидкостью, похожей на подсолнечное масло.

— На, старый, угощай гостей, — улынулась она.

Мы с интересом смотрели на деда. Он начал обходить стол и всем наливать из бутылки. Увидев, что у меня не допито, он быстро взял мою рюмку, выпил из неё и налил подозрительно-го вида напиток.

— Что это? — спросил я

— Пейте, пейте. Это мой Кешка гонит, — гордо ответила тётя Петя.

Мы выпили.

Что это такое, определить было невозможно: что-то очень крепкое и сладкое с запахом жареных семечек.

— Натурпродукт! — заявил старик. — Самогон на халве.

— И такое бывает? — спросил я.

— В жизни всё бывает, — вздохнул Семёныч.

— У нас в магазине только халва, дрожжи да хлеб по утрам. А так — голяк, — сказала тётя Петя. — Вот и приспособились. Изобретатель мой дорогой!

Она нежно погладила деда по лысине. Её рука накрыла голову старика, как огромный тяжёлый лопух, на мгновение вдавивший тонкую дедову шею в хрупкие плечи.

Время перевалило далеко за полночь, и мои друзья начали укладываться спать. Они тянули жребий, кому лечь на полу, а кто займёт две кровати. Я в этом не участвовал. После глотка самогона полностью пропало желание спать, зато появилась мечта научиться играть на балалайке. Я даже представил себя, стоящего на сцене в лучах софитов, и рукоплещущий зал. Потому что человек с пятой графой в паспорте, играющий на скрипке, никого бы не удивил, а вот виртуозно справляющийся с русским народным инструментом однозначно произвёл бы фурор!

Тётя Петя погрозила мужу пальцем и тоже пошла спать.

Мы с дедом взяли бутылку разбавленного спирта, закуску, балалайку и устроились на лавке возле забора. После безуспешных терзаний инструмента я решил отказаться от мечты, и мы проговорили до рассвета на неиссякаемую тему: куда катится мир и когда это закончится.

Сколько я спал, сказать не могу. Мне показалось, что я только успел закрыть глаза, как они тут же открылись на шум скрипящей половицы. Первое, во что упёрлись глаза, был грубый носок чёрного резинового сапога, облепленный травой и капельками росы. Я поднял взгляд и увидел, что за голенище засунут нож с ручкой из эбонита. Я моментально очухался и сел.

Передо мной стоял высокий мужик, чуть постарше меня. Длинные тёмные волосы закрывали уши, дугообразные широкие усы, огибающая узкие поджатые губы, спускались к подбородку. И почему-то знакомые мне глаза. У него были широкие плечи и мощные руки с накачанными мышцами. Хотя на улице было солнечно, а тепло через открытые окна заполняло комнату,

на мужчине была штормовка, застёгнутая на все пуговицы. В общем, выглядел он, как настоящий злодей.

Увидев мою тревогу, он наклонился и зашептал:

— Тихо, не кипишуй, людей перебудуишь. Вставай. Пойдём поговорим.

Мы вышли на улицу.

Мужик подошёл к лавке и взял початую бутылку с разведённым спиртом, которую мы с дедом оставили после ночных разговоров. Он налил в рюмки.

— Ну давай за знакомство. Я Андрюха!

— Игорь, — ответил я.

Пить мне не хотелось, но, поглядывая на торчащий из-за голенища нож, отказываться я не рискнул.

Мы выпили и взяли с тарелки по кусочку подсохшего огурца. Андрюха поставил рюмку и протянул мне руку. Я дал свою и почувствовал, что моя ладонь словно попала в огромные тиски и оказалась зажата сильными пальцами.

— Чего, Игорь, хорошо попили вчера с моими родоками? — спросил Андрюха, отпуская мою руку.

«Ну конечно, — подумал я. — Вот почему его взгляд мне показался таким знакомым».

Андрюха был копией тёти Пети. Такой же здоровяк, и глаза такие же, и руки, и ладони эти, похожие на экскаваторный ковш.

Мы присели.

— Поможешь мне, Игорь? — спросил Андрюха.

— А что делать-то надо?..

Андрюха вытащил из-за голенища длинный узкий нож, обтёр его о штанину и положил на лавку. Я невольно вздрогнул.

— Понимаешь, — сказал он, пожёвывая кусочек холодного мяса, — я обещал родокам приехать и свинью заколоть. Мне одному не справиться. Да и не люблю я это дело.

— Так я не умею.

— А тебе делов-то — только верёвку подержать. Мы её через балку перекинем, ты наверху будешь, под крышей, а я внизу. Пока свинья жрать будет, я ей петлю на ногу накину, тебе махну, и всё. Ты только верёвку покрепче держи, чтобы Дашка не убежала и меньше дёргалась. А я уж сам с ней управлюсь.

— Дашка — это кто?..

— Так свинья наша.

От страха у меня затряслись руки. Я почему-то подумал о поросёнке Гришке, у которого мы вчера чуть не отобрали еду.

— Я не смогу, — сказал я. — Может, с отцом заколете?

— С отцом нельзя. В прошлый раз свинюха так рванула, что батя через перила перелетел и грохнулся. Хорошо ещё на сено попал, только руку сломал.

— А с мамой не пробовал? Она вроде женщина сильная, — сопротивлялся я.

— Тоже нельзя. Мама сильно впечатлительная.

Я вздохнул и пошёл за Андрюхой в свинарник. Я, видимо, тоже оказался сильно впечатлительным, потому что после этой истории я долго не мог есть мясо...

Когда я вернулся, все уже встали. Мои друзья и дед сидели за столом, а тётя Петя орудовала у плиты. Запах чеснока, которым она посыпала свежеиспечённые оладьи из кабачков и картошки, вызывал жуткий аппетит. Мы пили чай, заваренный по всем правилам деревенских традиций: только травы и никакой

заварки. Вскоре к нам присоединился Андрюха, он познакомился с моими друзьями, сел за стол, налил себе разведённого спирта и выпил. За разговорами мы узнали, что он живёт в городе. Дети учатся в школе, жена работает на птицефабрике, а сам он главный бухгалтер в проектном институте.

Я обалдел. Как обманчива внешность. Если бы он сказал, что работает грузчиком или слесарем, я бы нисколько не удивился, но бухгалтером — это было что-то!

«Как он на калькуляторе считает? — подумал я. — Он же одним пальцем сразу нажимает на четыре клавиши».

Потом Андрюха посетовал, что у его жены диабет, а инсулин в дефиците. Мои друзья насторожились и притихли, словно стая гончих, почуявших след хищника. Врачи даже на отдыхе врачи.

— Что будем делать, мужики? — спросил Николаич. Он в то время был заведующим отделением и привык брать инициативу в свои руки. На столе появился лист бумаги и ручка. Мои друзья, как знатоки в «Что? Где? Когда?», принялись обсуждать проблему, хотя их никто не просил. Они шумели, что-то записывали на бумаге, размахивали руками и спорили, кто в нашем городе лучший специалист в этом вопросе и кого подтянуть, чтобы обеспечить жену Андрюхи инсулином.

Тётя Петя отозвала меня в сторону.

— Ты помогал Андрюше Дашку колоть, положено с тобой поделиться мясом или печёнкой. Но мы люди небогатые, можно я тебе вместо этого овощей с огорода дам?

— Да что вы, тётя Петя? — удивился я. — Ничего мне не надо, не смешите.

— Не положено так! Примета. А то мясо горчить будет. Так что не спорь. Понял?

— Понял, — согласился я.

Мои друзья закончили обсуждение.

— Ты когда в город собираешься? — спросил Николаич у Андрюхи.

— Да я хоть сейчас могу.

— Сейчас, так сейчас, — сказал Николаич, — едешь с нами.

Будет тебе инсулин.

— Серьёзно? — глаза Андрюхи радостно засветились.

— Серьёзно, — ответил Николаич, повернулся к нам и командовал:

— Собираемся мужики, надо ехать.

Прощание с дедом Кешей и тётей Петей было долгим. У меня было такое ощущение, что я уезжаю от по-настоящему родных людей. Тётя Петя, громко всхлипывая, плакала. Она обняла и поцеловала каждого из нас, а старик подолгу тряс нам руки.

Мы расселись по машинам. Дед взял гармошку и заиграл «Прощание славянки», а тётя Петя, вытирая слёзы, махала нам вслед платочком...

Всю дорогу я думал о них. Пустили в дом семерых незнакомых мужиков. Не побоялись. Простые деревенские люди: добрые, бесхитростные, доверчивые. Ведь первые слова старика о жене были: она у меня заботливая. Так и есть. Я заметил, когда тётя Петя увидела, что её Мухомор тремя зубами не может справиться с шашлыком, она забрала у него кусок, распотрошила его на волокна и положила деду на тарелку. И огурчик помельче порезала, и копчёную колбасу. А как он смотрел на неё? С каким обожанием и теплом. Теперь, оглядываясь

в прошлое, я понимаю, что им в ту пору было лет по шестьдесят, не больше.

До города добрались без приключений. Мы остановились у металлических ворот аптечных складов. Николаич показал охране паспорт и прошёл на территорию. Мы вышли из машин, разговаривали и курили в ожидании. Николаич появился минут через двадцать. Под мышкой он держал свёрток размером с коробку из-под обуви.

— Держи, это инсулин, — Николаич отдал Андрюхе пакет. — Тут много. Хватит надолго. А будет заканчиваться — позвони.

Он протянул Андрюхе листок бумаги.

— Тут я записал наши телефоны, и рабочие, и домашние. Звони, не стесняйся.

— Сколько я должен? — спросил Андрюха. — У меня и денег таких, наверное, нет.

— Никаких денег не надо. Директор склада — мой давний приятель. У нас с ним свои взаиморасчёты. Так что забирай и лечи жену.

Андрюха стоял в растерянности и, словно ребёнок, хлопал глазами.

— Мужики, мужики... Спасибо. Вы же спасли нас, — забормотал он и заплакал.

Нам всем стало неловко, но Андрюха нисколько не стеснялся своих слёз. Он обнял Николаича и сказал:

— Мужики, поехали на птицефабрику. Она недалеко, километрах в двадцати от города. Поехали. Познакомлю вас женой, она скоро смену заканчивает. Я хочу, чтобы она вас, спасителей, увидела.

Мы переглянулись.

— А поехали, — Евгенич махнул рукой. — Дома нас с рыбалки так рано не ждут.

— Кстати, о рыбалке, — сказал Семёныч. — Надо ещё где-то рыбу раздобыть. Чтобы домой не с пустыми руками.

От птицефабрики исходил неприятный запах.

— Да, — Андрюха посмотрел на меня, — к этому надо привыкнуть. Сейчас, мужики, я быстро. Позвоню с проходной, и она выйдет.

Жена Андрюхи Тамара вышла действительно быстро. Он обнял её за плечи и подвёл к нам.

— Вот они, Тома!

Тамара застенчиво улыбнулась:

— Спасибо вам большое, вы нас очень выручили. Подъезжайте, пожалуйста, поближе к воротам, от нас вам тоже подарок.

Из-за ворот появился грузчик, он тащил за собой скрипучую тележку, на которой лежали три лотка с куриными тушками.

— Открывайте багажники! — сказал Андрюха и широко расправил плечи. Теперь он был хозяином положения.

— Спасибо, конечно, — сказал Николаич, но только за деньги.

— Да какие деньги? — воскликнул Андрюха. — Томе уже восемь месяцев зарплату курями выдают. Мы и продаём их, и просто так раздаём, сами уже на них смотреть не можем. У нас дома, наверное, только компот без куриного мяса!..

Мы все громко рассмеялись.

После рыбалки мы вернулись домой без рыбы, но со свежими курицами. Все, кроме меня. Я отказался от своей пайки,

потому что знал: мешка овощей, которым меня снабдила тётя Петя, хватит ещё на долгое время.

Искусство жить вдвоём

Заканчивался обычный летний день. Егор зашёл в подъезд своего дома. Лифты не работали — ни грузовой, ни пассажирский. Егор для верности несколько раз ткнул кнопки, но привычного гула подъезжающей кабины не услышал. Он чертыхнулся и посмотрел на часы.

«Чёрт возьми, без пяти девять. Пашешь по четырнадцать часов, приползаешь домой — и на тебе! Тащись теперь на двадцать второй этаж».

Вяло поднимаясь по ступенькам, он вспоминал знакомые матерные слова и мысленно костерил всех причастных к поломке лифта. Досталось многим: и управляющей компании, и «Лифтремонт», и главе района, и даже мэру. От выплеснутых эмоций легче не становилось, и до своей квартиры он добрался окончательно выжатым и раздражённым. Егор достал ключи, открыл дверь и зашёл в прихожую, залитую ярким светом трёхрожковой люстры. Из комнаты доносился громкий звук включённого телевизора.

«Опять она свет в прихожей не выключила! Три лампы горят, а мне потом платить, — подумал Егор. — Блин, у всех жёны как жёны: пришёл муж с работы — у порога встречают. А моя от телика оторваться не может».

Он швырнул ключи на тумбочку и крикнул:

— Оленька, дорогая! Я пришёл!

Ольга, услышав голос мужа, вздрогнула и схватила пульт.

«Нет, только не это! — подумала она. — Самый классный момент в серии. Ну пришёл бы ты на пятнадцать минут позже. Надо же, невезуха!.. На самом интересном месте».

Она выключила телевизор и вышла в прихожую.

«Кажется, опять забыла свет погасить, — пронеслось в голове. — Сейчас начнёт стонать: нагорает, нагорает...»

Она подошла к Егору, поцеловала в щёку и ласково промурлыкала:

— Прости, милый, не услышала. Я для тебя свет специально в прихожей оставила. В темноту же неприятно заходить.

— Прости, оторвал тебя от кино, — улыбнулся Егор.

«Оторвал, — подумала Ольга, — это мягко сказано, можно сказать, убил. Такой момент не дал досмотреть. Придётся теперь в Интернете серию искать».

Она погладила мужа по голове и сказала:

— Что ты, Егорушка, нисколько не оторвал. Я тебя у окна выглядывала-выглядывала, даже глаза слипаться начали. Дай, думаю, телевизор включу, погромче, чтобы не заснуть и тебя, родного, встретить после работы. Раздевайся и мой руки. Я пойду чайник поставлю.

Егор посмотрел вслед жене и подумал: «Ну неужели она не понимает, что этот мешковатый халат с идиотской расцветкой ей не идёт и все прелести скрывает. Нет бы шортики или трико носила. Футболки или майки. Да в обтяжку, чтобы будоражило меня. А то как старуха!..» Он прошёл за женой на кухню, обнял её сзади за плечи и шепнул:

— Ты такая сексуальная в этом халатике, аж дух захватывает. Пояс затянула, так бёдра стали как у восточной красавицы.

Он поцеловал Ольгу в затылок и пошёл переодеваться.

Двери в шкафу были распахнуты.

«Чёрт побери! — подумал он. — Хоть кол на голове теши. Не понимает, что двери сделаны для того, чтобы их закрывать и открывать. Знает, что ненавижу, когда всё наружу. Всё равно по-своему делает. Ну достала вещь — так закрой дверь! Неисправимая».

Егор повесил костюм и рубашку, достал с полки махровое полотенце и плотно прикрыл двери шкафа. Он закинул полотенце на плечо, подтянул трусы и посмотрелся в большое настенное зеркало.

«А всё-таки я неплохо сохранился для своих пятидесяти лет. Ну конечно, небольшой животик появился, но как без этого», — подумал он и зашёл на кухню.

— Ну как я тебе? — спросил он и замер в позе бодибилдера: сжал кулаки, поднял руки вверх и согнул их в локтях.

Ольга взглянула на мужа.

«Да, — подумала она. — Время беспощадно. Какая у него раньше была фигура, каждая мышца играла. А теперь? Живот над трусами навис, сиськи скоро мои догонят. Эх, время, время!»

Ольга улыбнулась:

— Нечего сказать! Атлет! Каким был тридцать лет назад, таким и остался. Молодец! Иди уже мойся.

— Иду, — сказал Егор. — Хорошо, что двери открытыми у шкафа оставила. Правильно, пусть одежда проветрится.

— Всё для тебя, дорогой, — отозвалась Ольга.

Егор включил душ и направил струю на шею. Горячие колющие капли впивались в кожу и вызывали приятный озноб.

«Как же я устал, Господи, — подумал Егор. — Сейчас бы чайку с бутербродом и лечь, чтобы полчаса с книжкой поваляться. Вряд ли, конечно, получится. Начнёт сейчас меня закармливать и про работу выспрашивать. Не понимает, что я даже языком пошевелить не могу».

Он взял мочалку, налил на неё гель для душа, взбил пышную пузырящуюся пену и начал намывать шею.

Ольга копошилась на кухне. Она поставила на плиту кастрюлю с супом и сковороду с котлетами и пюре. Зажгла газ, убавила огонь и принялась нарезать помидоры.

«Эх, житуха, — подумала она. — Я понимаю, что приходит голодный, ну а мне каково? На ночь глядя всё разогрей, на тарелки разложи, а потом сиди с умным лицом и слушай про его работу. Он поест, а мне потом ещё посуду в сотый раз за день мыть. Хоть бы раз чай с бутербродами попил да пошёл отдыхать! Так нет, всё по полной программе: первое, второе и компот».

Егор надел халат, вышел из ванной и сел за стол на кухне.

— Оль, а может, не надо всего этого? Может, просто чай да пару бутеров с сыром, чего на ночь наедаться?

Ольга посмотрела на мужа.

«Проверяет! — подумала она, удивляясь своей прозорливости. — Нет, дорогой, меня не подловишь».

— Егорушка, ты чего? Весь день в сухоматку, так и желудок испортить можно. Я соляночку сварила, колбаску и мяско в неё тонкими брусочками нарезала, один к одному, как ты любишь. И котлетки по новому рецепту сделала, болгарский перец в фарш добавила. Попробуй, а? По чуть-чуть.

Егор махнул рукой:

— Давай! Ты же мёртвого уговоришь.

Он вздохнул, бросил в солянку несколько оливок, дольку лимона и начал с аппетитом есть.

Ольга села напротив, подпёрла ладонями лицо и спросила:
— Как на работе?

«Ну вот и началось, — подумал Егор. — И зачем это ей надо? Неужели на самом деле интересно? Я же ем. Как в детстве учили? Когда я ем, я глух и нем. Вот что бы мне сейчас больше всего не хотелось, так это рассказывать тебе о работе».

— Нормально, Оленька, всё. Обычная рутина, — сказал он, отодвигая пустую тарелку. — Давай твои котлетки. Только одну, а пюрешки пару ложек, не больше.

Ольга подошла к плите.

«Что это за ответ «нормально»? — подумала она. — Может, опять проверяет? Нет уж, Егорушка, я тебя хорошо изучила за прожитые годы. Скажешь потом, что мне наплевать, как у тебя на работе дела. Не прокатит. Я умная».

Ольга поставила перед мужем тарелку, добавила на неё нарезанные помидоры и вновь уселась напротив, подперев лицо ладонями.

— Что значит «нормально»? — спросила она. — Ты всё подробно расскажи.

«Ну ничего баба не понимает, — подумал Егор. — Ей то что, уши развесила и слушай. А я устал, вот-вот свалюсь».

Егор улыбнулся, посмотрел на жену и, едва открывая рот, принялся рассказывать, как из-за непредвиденного скачка доллара ему удалось за день сделать рублёвую месячную прибыль.

— Ну вот и всё, — сказал он, вытирая рот салфеткой. — Спасибо, дорогая! Наелся, напился. Пойду я, лягу, а то уже ноги не держат.

— Конечно-конечно, — Ольга обняла его. — Иди, труженник. Я сейчас посуду быстро помою, в душ схожу и приду.

Егор зашёл в спальню, бросил халат на пуфик и лёг.

«Что означает это «в душ схожу и приду»? — подумал он. — Намекнула, чтобы я не заснул? Как всё сложно. Ну, будут выходные — я весь твой и днём и ночью. Какой из меня сегодня самец? Вялый и неубедительный. Если до её прихода не засну, прикинусь спящим, вдруг проскочит. Хотя, если она захочет, фиг откажешься».

Ольга стояла в ванне и медленно размазывала по плечам ароматный гель. Струи душа, направленного в сторону, разбивались о стену и отскакивали мелкими капельками, прилипая к её телу.

«Только бы он заснул, — подумала она. — Как-то мне сегодня не до любви. Нет настроения. Готовила, убирала. Устала, а тут ещё пришлось рассказ о его работе слушать. Глаза сами закрывались, чуть не заснула. Постою под душем подольше, и он точно заснёт. А если не заснёт — не отвертеться мне. Ведь если он захочет, так всё равно уговорит».

Егор не спал. Услышав, что Ольга зашла в комнату, он сильнее зажмурился и громко засопел.

«Чур не я, чур не я», — мысленно проговаривал Егор, вспомнив присказку из какой-то детской игры.

Ольга легла и закрыла глаза.

«Что же делать? — подумала она. — Спать охота — сил нет. А вдруг он хочет, чтобы я к нему поприставала? Если сейчас засну — обидится, скажет, что я его не люблю и охладела к нему. Ладно! Всё для тебя, любимый!»

Ольга повернулась к мужу, привстала над ним и поцеловала в щёку.

«Соскочить не удалось», — с сожалением подумал Егор, лениво повернулся к жене и положил руку ей на живот.

— Нет, нет, Егорушка, спи, — прошептала Ольга. — Ты же устал.

— Но ты же меня поцеловала.

— Это я так тебе пожелала спокойной ночи. Отдыхай.

— Ты не обидишься? — спросил Егор.

— Нет, конечно. Спи. Тебе завтра рано вставать.

— Тогда ладно. Что это я? Ты же сегодня тоже устала. Спокойной ночи, дорогая, — сказал Егор и поцеловал жену в лоб.

«Как же славненько всё получилось, какая она у меня умница», — подумал он и повернулся на бок.

«Какой же всё-таки он у меня понимающий», — подумала Ольга и закрыла глаза.

В шесть утра заголосил будильник.

«Яблони в цвету, весны творенье, яблони в цвету, любви круженье», — надрывался телефон.

Егор подскочил с кровати и выключил звук.

«Дебильная песня, — подумал он. — Просыпаться под шум прибора или пение птиц намного приятнее. Давно бы поменял это рингтон, но Оленьке он нравится. Специально же его установил: если её мой будильник разбудит, чтобы настроение не портилось».

Егор накинул халат, достал из шкафа одежду, вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

«Господи, как же достала меня эта музыка, — подумала Ольга, не открывая глаза. — Ну любила я раньше эту песню. Но когда это было, и сколько с тех пор лет прошло? Поменял бы

уже звонок на шум моря или птичек щебетание, хоть не так по ушам бьёт».

Ольга вздохнула и накрыла голову одеялом.

Егор принял душ, позавтракал и оделся. Взял с тумбочки ключи и заглянул в спальню.

«Закуталась вся, замёрзла, наверное, — подумал он. — Милая моя, как хочется тебя поцеловать. Нет, не буду тревожить, пусть спит».

Егор закрыл дверь.

Ольга высунула голову из-под одеяла.

«Ну что за мужик такой, — подумала она. — Пошёл на работу, так зайди, разбуди жену поцелуем! Тридцать лет вместе, а ничего не понимает».

Егор вышел из квартиры и нажал кнопку вызова лифта. Лифт вздрогнул и с привычным гулом поехал на двадцать второй этаж. Сквозь невымытые окна подъезда пробивалось утреннее солнце. Начинался обычный летний день.

Докопаться до сути

Нина впервые в этом сезоне купила спелые абрикосы. Обычно, проходя мимо разноцветных развалов, она окидывала беглым взглядом коробки и ящики с овощами, фруктами и устремлялась дальше. Но сегодня жужжащая стайка взбудораженных пчёл и яркий запах спелости, на секунды отправивший её в детство, заставил Нину остановиться. В картонной коробке,

высланной плотной упаковочной бумагой, лежали абрикосы. Не нынешние — жалкие, с гладкой, словно побритой, блёкло-бежевой кожей, — а настоящие, такие, как раньше: с медовым запахом, крупные, бархатистые, янтарного цвета, с красными подпалинами.

Нина взяла один, поднесла к носу и закрыла глаза. Она вспомнила, как очень давно у бабушки на даче под Киевом она брала абрикос, приоткрывала, прорезав ногтем, вытаскивала косточку и раскусывала её. Доставала ядрышко, закладывала обратно в абрикос и только после этого начинала есть.

— Ну чего? Брать будете? — прервала её воспоминания продавщица. — Отличные абрикосы. Тут с килограмм, примерно. Это всё, что осталось, за час расхватили. Ну?..

— Буду, буду, — откликнулась Нина. — Давайте все.

Сын встретил Нину в коридоре. Французский бульдог Мотька сидел у его ног, радостно похрюкивая и показывая длинный язык.

— Ой, Валерик, я такую вкуснятину купила! Сейчас помою, и будем пробовать.

Валерик с интересом посмотрел на пакет, принялся и спросил:

— Персики, медовые?

— Тундра ты, Валерка! Шесть лет уже, а названий фруктов никак запомнить не можешь! Абрикосы это. И не просто абрикосы, а из моего детства.

Валерик фыркнул:

— Какая разница. Абрикосы, персики... Главное, чтобы вкусно было! А эти точно невкусные. Раз из твоего детства, значит — старые.

Он взял у мамы пакет и, громко топая, поскакал на кухню на одной ноге. Мотыка, заскрежетав когтями по ламинату, бросился за ним.

Нина вымыла фрукты, промокнула полотенцем, положила на тарелку и поставила на стол.

— Начинай, — сказала она сыну. — Пойду переоденусь, машинку стиральную запущу и присоединюсь.

Валерик подвинул табуретку и сел за стол.

Когда Нина вернулась на кухню, на тарелке лежали два помятых абрикоса. Валерик смотрел на неё счастливыми глазами и облизывал сладкие пальцы.

— Вот, оставил вам с папой, — сказал он, — по одному каждому. Я молодец?

— Молодец, — ответила Нина, почувствовав, как обида подступает к горлу.

«Сама виновата, — подумала она. — Не надо было оставлять его один на один с такой вкуснятиной... А косточки?»

— Валерик, а где косточки? — Нина нахмурила брови.

— Выкинул, — улыбнулся сын. — А что?

— Эх, Валерик, Валерик, — Нина закачала головой. — В косточке-то самая суть!

— Что такое «суть»? — спросил сын.

— Ну как тебе объяснить?.. Не знаю даже. Чтобы что-то узнать, надо многое сделать. Ну, например...

Нина взяла с тарелки абрикос.

— Вот перед тобой неизвестный фрукт, и ты хочешь узнать, что там внутри. Ты раскрываешь его и видишь косточку. И думаешь: а что под скорлупой?.. Ломаешь скорлупу, а там — маленькое ядрышко. Ты засовываешь это ядрышко в абрикос

и получаешь вкуснятину. Это твоя награда. За то, что не остановился на полпути, а докопался до сути. Понятно?

— Конечно, понятно, — ответил Валерик.

— Вот смотри, сейчас покажу, — сказала Нина.

Она вонзила острый ноготок в шов абрикоса, слегка надрезала его, положила на тарелку и вытащила косточку.

— Вот видишь? — спросила она, указывая на косточку. — Сейчас я расколю её и докопаюсь до сути, в виде маленького вкусного орешка.

Нина закинула косточку в рот, подпёрла щёку рукой, зажмурилась и резко сжала зубы.

От треска Мотья, дремавший на полу, вздрогнул и открыл глаза.

— Докопалась? — радостно спросил Валерик, вытянул шею и попытался заглянуть маме в рот.

— По-моему, нет, — скорчив недовольную гримасу, ответила Нина.

Она выплюнула на ладонь косточку и осколок отломленного зуба.

«Вот дура», — подумала Нина, поднялась с места, подошла к ведру и встряхнула ладони.

— Мама, — закричал Валерик, — ты же косточку выбросила! А как мы докопаемся до сути?..

Нина сполоснула руки, вытерла их полотенцем и вернулась к столу.

— Папа докопается, когда с работы придёт. Ты же ему оставил абрикосик. Он мужчина, у него получится.

Она нащупала языком острый край оставшегося во рту зуба и тяжело вздохнула.

— А с этим что? — спросил сын и взял с тарелки разрезанный ногтем абрикос, на мякоти которого выступили прозрачные капельки сока.

— Съешь, — ответила Нина. — Пойду я, Валерик, полежу, что-то голова у меня заболела.

— Мам, а можно я планшет возьму?

— Возьми, — бросила Нина через плечо и вышла из кухни.

Мотыка кинулся было за ней, но, налетев на закрывающуюся за Ниной дверь, недовольно гавкнул и остался с Валериком.

Валерик включил планшет и уселся в любимое папино кресло. Но играть не хотелось. Мысли о волшебном орешке, который прячется за скорлупой абрикоса, терзали пытливый детский ум. Валерик вспомнил, что один раз он уже пытался докопаться до сути, когда ему нестерпимо захотелось узнать, что находится внутри мягкого улыбчивого медвежонка, которого мама с папой подарили ему на день рождения. Тогда в этом ему помогла отвёртка.

«Конечно же, отвёртка! — Валерик поразился своей прозорливости и вскочил с кресла. — Это же так просто! Отвёртка железная, не то что мамины зубы!»

Он зашёл в кладовку, достал из ящика с инструментами отвёртку и пошёл на кухню.

Валерик растерянно посмотрел на одинокий фрукт, тосливо лежащий на большой тарелке. Он вспомнил, как делала мама, взял абрикос и вонзил в него маленькие пухлые пальчики, пытаясь разорвать на две части. Но так же, как у мамы, у него не получилось. Ворсистая кожа лопнула, и сладкая липкая мякоть вывалилась на стол. Валерик не растерялся, наклонился и быстро всосал её со стола. Он положил косточку

на табуретку и упёр в неё остриё отвёртки. Прицеливаясь, прищурил один глаз и резко ударил кулаком по рукоятке. Косточка со свистом вырвалась и угодила в лоб спящему в углу Мотьке. Собака испуганно соскочила и залилась яростным лаем.

— Прости, прости! — Валерик схватил пса на руки. — Я же нечаянно. Пойдём со мной.

Мотька не простил обиды, вырвался и убежал в комнату к Нине.

«Надо докопаться до сути, — подумал Валерик. — По табуретке скользит, надо найти что-то мягкое.

Он поднял с пола косточку, взял отвёртку, направился в комнату и огляделся. Положил косточку на мягкий подлокотник кресла, зажал отвёртку в кулачке, размахнулся и ударил. Остриё отвёртки вонзилось в мягкий подлокотник. Старенькая обшивка лопнула, обнажив желтоватый продавленный поролон.

— Они меня убьют... — прошептал Валерик и громко зарыдал.

— Ну-ка, хватит! — прикрикнула забежавшая в комнату Нина. — Хватит. Себя не поранил, и слава богу. Папа придёт и отремонтирует. Успокойся. Пошли лучше чай пить.

Мотька в кухню не пошёл. Он склонил голову набок, открыл пасть, показывая Валерику высунутый язык. Большие чёрные глаза светились победой справедливости.

Вернувшись с работы, папа первым делом увидел раскуроченное кресло.

— Володенька, только не волнуйся, — ласково защebetала Нина. — Всё можно исправить. Я посмотрела, там маленькая дырочка. Ты её починишь. Ты же у нас мастер на все руки. Да,

папусечка?.. Это ерунда. У нас к тебе есть просьба посерьёзнее. Помоги докопаться до сути.

Взгляд Володи потеплел. Докапываться до сути он любил, особенно после пары бутылок пива или соточки-другой чего-нибудь покрепче.

— Сейчас переоденусь, руки помою, и приступим.

— А ужин? — спросила Нина.

— Ужин подождёт, — твёрдо сказал Володя и зашёл в спальню.

Через пять минут он вышел в домашних лёгких штанах и в футболке.

— Ну давайте начнём, — сказал Володя, достал из ящика плоскогубцы и зажал косточку. — Учитесь!

Но косточка не поддалась. Володя побагровел от натуги, пальцы покраснели, но всё было тщетно. Он сжал плоскогубцы обеими руками, и раздался долгожданный хруст. Косточка упала на пол вместе с кусочком сломанных плоскогубцев.

— Вот же инструмент стали делать, — чертыхнулся Володя. — Ну ничего. Нас так просто не возьмёшь. Сейчас мы её дверь расколем.

Он поднял косточку и зажал её между чуть приоткрытой кухонной дверью и косяком.

— Помнишь, Нинка, как мы раньше грецкие орехи раскалывали?

— Помню, Володенька, помню, — азартно крикнула Нина. — Давай дави, дави её, заразу!..

Володя резко дёрнул за ручку.

Раздался такой треск, что Валерик со страху схватился за голову, а Мотька, прижав уши, сиганул в коридор. Китайская

межкомнатная дверь сорвалась с петель и упала на табуретку. Табуретка перевернулась и пробила ножкой картонное дверное полотно, облагороженное текстурной бумагой под морёный дуб.

Косточка лежала на полу — поцарапанная, но не расколота.

Нина закрыла лицо руками.

— Володя, может, ну её к лешему? — прошептала она.

— Нет уж, теперь мы просто обязаны докопаться до сути. Я никогда не остановлюсь на половине пути, — безапелляционно заявил Володя и ушёл в кладовку за молотком.

Вернувшись, он положил на кухонный стол пластиковую разделочную доску, пристроил на неё косточку и тукнул по ней молотком. Стол вздрогнул, цветастая фарфоровая сахарница подпрыгнула и слетела вниз, засыпав пол белым, словно снег, сахаром. Но никто не обратил на это внимание. Все смотрели на расколотую скорлупу, разлетевшуюся по доске. Ядрышка под ней не было, косточка оказалась пустой.

— Как же так? — воскликнула Нина.

— Бывает, — глубокомысленно сказал Володя. Из пробоины в двери он высвободил табуретку и уселся на неё.

Все замолчали. Каждый думал о своём.

Тишину нарушил Валерик:

— Мама, папа, а если бы ядрышко было, мы бы куда его дели? Ведь абрикос я уже съел...

Мотька, цокая по ламинату когтями, побрёл в комнату. Он запрыгнул на кресло, упёрся влажным носом в разорванный подлокотник и громко захрапел. Он был уверен, что сегодня его сон точно никто не потревожит.

Цена мечты

Мечта провести газ к дачному дому в кооперативе «Заря» навязчивой идеей передалась Гене от отца и не отпускала с далёких семидесятых. Тогда государство, решив приобщить горожан к сельскому хозяйству, разрешило предприятиям за копейки наделять своих работников кусочками земли, нашинкованными по четыре сотки. За прошедшие годы Гена значительно расширил свои владения. Он выкупил у соседей несколько участков и построил большой дом. Для полного счастья не хватало чуть-чуть: сбывшейся мечты.

Гена уже месяц наблюдал, как ветка газопровода медленно, словно червяк, тянется к дачному посёлку. Его переполняло непреодолимое желание схватить лопату и броситься на помощь рабочим, чтобы хоть как-то ускорить процесс. Но он, сжав кулаки, сдерживал себя и, приехав на дачу в очередные выходные, начинал отмерять шагами расстояние от своего участка до трассы, рассчитывая, через сколько же дней долгожданный газ появится в его доме.

Ранним утром в субботу, услышав под окнами звук громящей техники, Гена натянул штаны и выскочил на балкон. Метрах в пятидесяти от забора его дачи могучий экскаватор с облепленным сухой глиной ковшом срывал зачерствелый безжизненный грунт. Парни в синих спецовках с надписью «Газпром» выгружали новенькие трубы из КамАЗа с открытым бортом.

«Ну вот, наконец-то и на моей улице праздник. Пойду попрошу, чтобы меня первого подключили», — подумал Гена,

прислушиваясь к радостным ударам сердца, заклокотавшего в груди. Он зашёл в комнату, надел рубашку и пошёл к рабочим.

— Бог в помощь! — громко сказал он.

— Спасибо, — ответили парни. Они закончили разгрузку и отдыхали, устроившись на трубах.

— Старший кто у вас?

— Ну я, — прищуриваясь на солнце, ответил широкоплечий парень.

— Можем поговорить один на один?

— Запросто!

Они отошли в сторону.

— Тебя как зовут? — спросил Гена

— Андрей.

— Я Геннадий.

Мужчины пожали руки.

— Слушай, Андрей, а вы когда планируете дома подключать? — поинтересовался Гена.

— Так заканчиваем. В понедельник сдаём, а к концу недели газ дадим. Вы у нас концевые. Заканчивается трасса. Нам только в узел завести, а от него в дома всё сделано. Уже давно.

Гена замер. Неприятный тревожный холодок пробежал по спине. В горле пересохло.

— Как, в домах всё сделано?.. — сдавленным голосом спросил он.

— Так месяца два назад всё развели и счётчики в домах поставили.

— Нет! — заорал Гена. — Нет! У меня ничего не готово.

— Не может быть, — удивился Андрей. — Я сам все дома сдавал.

— Нет! — лицо Гены покрылось испариной. Он схватил бригадира за рукав спецовки и с силой рванул. — Пошли, покажу!

Андрей оттолкнул его и закричал:

— Ты чего? Псих что ли? Куда ты меня тащишь?

Увидев, что парни из бригады поднялись с места и медленно двинулись к ним, Гена чуток успокоился.

— Прости, прости, — прошептал он. — Нервы ни к чёрту. Я этот газ больше сорока лет жду. Это моя мечта!

Андрей поправил куртку и спросил:

— Так ты из дачного посёлка?

— Ну да! Вот мой дом, — Гена махнул рукой в сторону своего участка.

— Понятно. Так мы не к вам тянем. Мы туда... — Андрей усмехнулся и показал на коттеджи, появившиеся пару лет назад напротив кооператива «Заря».

Гену затрясло.

— А нам? — жалобно спросил он.

— Понятия не имею, — ответил Андрей и крикнул парням: — Рты закройте, представление закончилось. Пошли работать.

Гена вернулся в дом.

— Что с тобой? — спросила жена. — Лица на тебе нет, Гена!

— Всё, Ленка, всё! Конец мечте!

Выслушав мужа, Елена задумалась и махнула рукой:

— Генаша, а ведь ничего не произошло. Не было газа и нет. Мы же ничего не потеряли. Столько лет без него жили. Огород есть, электричество есть, банька вон какая замечательная. Живи и радуйся. Дался тебе этот газ. Наплюй!

Гена стиснул зубы и засопел. Ноздри его заходили, как у взмыленного гонкой коня.

— Ничего ты не понимаешь, — выдавил он. — Не в газе дело. Дело в мечте.

Гена открыл холодильник и положил в полиэтиленовый пакет бутылку водки и пластиковую полторалитровую бутылку кваса.

— Дай стакан, — сказал он. — Всё. Есть не буду. Пойду наверх.

Гена подхватил пакет и молча поднялся на второй этаж.

Он не спеша налил полстакана водки, выпил и запил квасом из горлышка. Посидел минут пять и снова выпил.

Стены, отделанные светлой вагонкой, мягко поплыли перед глазами. Гена взбил подушку и лёг на диван.

«Если они сейчас мне газ не заведут, то уже не заведут никогда, — подумал он. — Второй раз возвращаться сюда они точно не будут. Значит, всё? Мечте конец? А как же газификация всей страны, о которой говорили по телику? Опять обманули. Элитному коттеджному посёлку можно, а мне нельзя? Что же делать? Думай, Генаша, думай!..»

Проснулся он около полуночи. Сумасшедшая идея мгновенно вышибла сон.

«А почему бы и нет! Не я первый, не я последний. Они нас — мы их, — подумал он, взял фонарик и, покачиваясь, пошёл к бытовке, в которой ещё горел свет.

— Андрей! — крикнул Гена. — Андрей, выйди!

Дверь бытовки открылась.

— Чего орёшь?

— Прости, Андрей! Выйди, поговорить надо.

— Чего пристал, людям спать не даёшь?

— Шабашка есть.

Андрей накинул куртку и, отмахиваясь от мотыльков, налетевших на свет, вышел из бытовки и плотно закрыл дверь.

— Предупреждаю сразу, — сказал он, — дёрнешься, врежу и закопаю в траншее вместе с трубой.

— Слушай, — зашептал Гена, — а вы можете мне трубу к дому кинуть?

— Не понял, — нахмурился бригадир.

— Чего непонятного. Тут метров сорок до меня. Сделайте мне отвод на участок. Никто не заметит. Только до дома заведите, а дальше я сам.

— Ты мне сейчас предлагаешь добровольно пойти под уголовку?

— Так никто не узнает. Вы уедете, ищи вас потом. А если, не дай бог что, скажу, что сам врезался. Давай, Андрюха, соглашайся. У нас полстраны в таких врезках. А я хорошо заплачу.

Андрей резко ударил себя ладонью по щеке, стряхнул убитого комара и сказал:

— Жди, пойду с парнями поговорю.

Он вернулся минут через десять.

— Короче, так, Гена! Кинем мы тебе трубу к дому. На конце переходник сделаем и шланг приладим. Шланг хороший с диэлектрической вставкой, но он не вечный. Лет через десять надо менять. Землю расковыряешь сантиметров на тридцать в глубину и заменишь. Так что справишься. А не справишься, то взлетишь в космос, как Гагарин. Цена вопроса триста.

— Триста долларов? — радостно спросил Гена.

Андрей захохотал.

— Триста тысяч рублей.

— С ума сошёл? Триста тысяч! За что? Сорок метров трубы кинуть.

— Не хочешь — как хочешь. По мне, так триста тысяч за мечту — это нормально. Через полгода вместо дома воткнёшь сюда газовую заправку и начнёшь с народа бабки качать. А через год переедешь в посёлок напротив.

— Чёрт возьми! — воскликнул Гена, — Дорого!..

— Как знаешь, — ответил Андрей и повернулся к бытовке.

Гена схватил его за рукав.

— Опять? — возмутился Андрей.

— Нет-нет, — ответил Гена. — Я согласен.

— Тогда слушай, — сказал Андрей, — поступим следующим образом...

Гена вернулся на дачу около двух. Он поднялся на второй этаж, налил полстакана водки. Немного подумав, он перелил водку обратно в бутылку, расправил диван, снял одежду и лёг.

«Всё правильно разжевал Андрей, — подумал Гена, — только хрен с маслом тебе, а не триста тысяч. Во-первых, у меня столько и нет, а во-вторых, если не нравится, иди жалуйся на меня в полицию. Сотни вполне достаточно будет».

Гена дёрнул за шарик, украшающий шнурок бра, и свет в комнате погас.

Неделя в городе показалась Гене вечностью. Каждый вечер он сидел у компьютера и изучал в интернете цены на газовые котлы и бойлеры. Он придумал, где устроит котельную, чтобы

не привлекать внимания соседей. Дождавшись вечера пятницы, они с женой поехали на дачу.

— Аккуратнее, я боюсь, — сказала Лена, когда в очередной раз стрелка спидометра легла за отметку сто сорок, — угробишь нас, и никакой газ не нужен будет. Зря ты, Генаша, ввязался в эту историю. Чует моё сердце. Ох, чует.

— Не каркай, — оборвал Гена, — всё будет нормально. Может, и вправду заправку открыть? Машины нынче у всех, а у половины на газе. Представляешь, начальный капитал зарабатываем, а там и легализуемся как-нибудь... Бог поможет.

У забора дачи стояла серая «Приора». Андрей с парнем из бригады курили на улице.

— А вот и заказчик приехал, — сказал Андрей, увидев Гену, выходящего из машины.

Они поздоровались. Лена ушла в дом, мужчины остались во дворе.

Гена заметил тонкую дорожку, присыпанную пожухлой на солнце травой.

— Нормально траншеею замаскировали? — усмехнулся Андрей.

— Молодцы, — откликнулся Гена.

Около дома у скамейки валялся старый лист профнастила. Андрей отбросил его в сторону. На траве лежал метровый резиновый шланг с прикрученной на конце газовой горелкой, похожей на пистолет, другой конец уходил в землю.

— Принимай работу, хозяин.

Андрей поднял шланг, чуть повернул кран горелки и щёлкнул зажигалкой. Раздался хлопок, и сине-красное пламя с шипением вырвалось из носика.

— Держи — вечный огонь! — улыбнулся Андрей и протянул шланг Гене.

Гену колотило. Он трясущимися руками вцепился в ручку горелки, глаза его радостно светились.

— Ну всё! — Андрей перекрыл кран. — Наигрались и будет. Пора переходить к делу. Работа сделана, требуется расчёт.

От недавнего Гениного бахвальства и желания обмануть Андрея не осталось и следа.

— Андрей, послушай, — сказал он, — так получилось, что у меня нет таких денег. Только сто тысяч.

— Ты чего? Охренел? Мы тут неделю ночами вручную, при фонариках траншею рыли, а у тебя денег нет. Нет, дорогой, так не пойдёт. Гони бабки!

Гена вытащил из кармана пачку тысячных, перетянутых резинкой.

— Вот всё, что есть, — пролепетал он. — Ребята, я же не отказываюсь. Я обязательно отдам и постараюсь поскорее. Я не прячусь, вы знаете, где меня найти. Я же здесь и никуда не денусь.

Рабочие переглянулись.

— Ну что с ним делать, Серёга? — спросил Андрей у напарника. — Не убивать же его за двести штук. Мы же не изверги.

— Когда отдашь? — насупился Серёга и сжал кулаки.

— Не знаю, — Гена опустил глаза, — хотите, могу на карту перечислять раз в месяц, как кредит. Поймите меня, ребята.

Рабочие опять переглянулись.

— Сделаем так, Гена, — сказал Андрей. — Нам сейчас некогда, приедем через неделю и порешаем. Но помни, ты живёшь, как на пороховой бочке, а вернее, на газовой трубе. Решись

кинуть, в одну из ночей в воздух взлетишь. Вместе с женой и домом. Понял?

— Понял, понял, — закивал Гена, — сотню-то возьмите.

Андрей взял деньги и хлопнул приятеля по плечу:

— Пошли, Серый.

У калитки Андрей оглянулся, прищурился и погрозил Гене пальцем.

— Смотри у меня, Гена, — злобно прошептал он и вышел со двора.

Гена расправил плечи, с облегчением выдохнул и присел на скамейку.

— Ленка! — закричал он, — принеси мне кваску холодного! Пожалуйста!

Лена занялась работой на грядках. Краем глаза она с интересом наблюдала за мужем. Гена, словно малое дитя, игрался с горелкой. Он сидел на скамейке и наводил пламя на всё, что попадало под руку: то подождёт валяющуюся на траве щепку, то направит огонь на торчащий из земли сорняк, то крутанёт барашек и уменьшит пламя, то вновь прибавит ему силы.

— Слушай, Прометей, ужинать будешь? Время-то уже к десяти подходит.

— Да, Леночка, давай. Я и не заметил, как время пролетело.

— А это ещё что за хрень? — воскликнул Гена и уставился на горелку.

Только что ярко светящееся пламя начало терять силы. Шипение становилось тише, огонёк становился короче и через секунды погас окончательно. Гена остервенело крутил барашек, но горелка безжизненно молчала.

— Лопату! — заорал Гена. — Лопату!

Лена, ничего не понимая, рванула в сарай.

Гена отбросил шланг и вонзил остриё лопаты в рыхлую землю: свежевскопанный грунт поддавался легко. Он копнул ещё несколько раз и услышал, что лопата заскрежетала по металлу. Гена упал на колени и сунул руки в неглубокую ямку. Ухватив железяку, он рванул её на себя.

— Господи! Что это? — воскликнула Лена.

Гена держал в руках пошарпанный пятилитровый газовый баллон с ржавым редуктором, примотанным толстым слоем синей изоленды.

Гена медленно поднялся с колен и в тот же момент бабахнул взрыв: один, за ним другой, потом третий. От неожиданности Гена присел. Небо озарилось разноцветными огнями яркого салюта. Жители коттеджного посёлка праздновали подключение к газовой магистрали. Загрохотала музыка. Голос ведущего, орущего в микрофон, разносился эхом над кооперативом «Заря»:

— Газпром! Мечты сбываются!..

Гена бросил баллон и сел на скамейку. «Так это что получается? — подумал он. — Я Андрею больше ничего не должен?..» Гена улыбнулся. На душе стало удивительно легко и хорошо.

Круговорот проблем

Диме снился конь караковой масти. Он мчался по пшеничному полю, грациозно выбрасывая мускулистые чёрные ноги. Шелковистая, блестящая на солнце грива то взлетала, то опускалась, словно взбудораженные ветром языки пламени разго-

рающего костра. Внезапно конь остановился, задрал голову к небу и заржал. Надрывно, истошно, как в последний раз. Дима вздрогнул, открыл глаза и огляделся: ни коня, ни поля. Только темнота комнаты да спящая рядом жена. Он взял телефон.

«Два пятьдесят две, — подумал Дима, глядя на часы. — Чёрт возьми, и надо было проснуться! Интересно, почему конь остановился? Так красиво бежал... Вот бы досмотреть».

Он положил телефон на тумбочку, повернулся набок и закрыл глаза. Лёгкий ветер всколыхнул тонкую штору, и с улицы через приоткрытое окно донеслось громкое ржание. Не такое красивое, как во сне, но такое же надрывное и истошное.

Дима поднялся с кровати, тихонько отодвинул штору и выглянул в окно. Со второго этажа, несмотря на полумрак, двор был как на ладони. На скамейке у подъезда сидели трое парней, асфальт около них был заставлен бутылками с водкой и пивом. Четвёртый из компании стоял перед собутыльниками и, запрокинув голову, хохотал. Он как будто заливался в истерике: задирает голову и набирает воздух. Его хохот отзывался эхом в ночном дворе, и от этого становился ещё громче. Дима лёг и накрыл голову одеялом.

«Кто догадался поставить скамейку у подъезда? — подумал он. — Это в наше-то время! Для старушек, наверное, старались. Зачем?.. Бабульки нынче у подъездов не сидят. Они, вооружившись лыжными палками, изображая скандинавскую ходьбу, шарашатся в скверах в надежде убежать от болячек. А вот для алкашей — самое то! Ночное кафе «Ветерок» работает без перерыва на учёт и обед. И плевать им, что народ спит. Окурков накидают, бутылки разбросают, наблюдают и уйдут. А мы живи потом в этом дерьме».

Дима высунул голову из-под одеяла. Ржание прекратилось, а в комнату долетали только обрывки фраз и сдавленные звуки, похожие на хрип медной трубы, в раструб которой затолкали тряпку.

«Эх, выйти бы да накостылять им по мордам, — подумал Дима. — Да где уж мне! Вот была бы у меня сила, как у Поветкина...Эх!»

Он закрыл глаза и увидел себя: широкие округлые плечи, мощная грудь, кулаки с набитыми костяшками. Выходит он к подъезду, и раз — одному, раз — другому!..

Дима выставил из-под одеяла тонкую руку и сжал кулак. Придирчиво оглядел его и, убедившись, что шансов на победу в предстоящем бою нет, тяжело вздохнул и повернулся на другой бок.

Теперь к доносившемуся с улицы «бу-бу-бу» и похожему на лошадиное ржание хохоту прибавились хрюкающие смешки и повизгивания.

«Так значит, — подумал Дима, — ещё один допился до поросычьего визга. А мне что делать? Спать хочу, а сна нет. Да-а-а, проблема. Надо было в детстве на бокс ходить. Сейчас, наверное, уже мастером спорта стал бы. Не простым, а международного класса. Тренировал бы ребят, может быть, и олимпийского чемпиона вырастил бы. Без сомнения, вырастил бы. И тогда совсем другая житуха: не в хрущёвке на окраине в провинции, а в Москве, на Арбате или на Рублёвке!.. Нет. Не так: квартира на Арбате, а дом на Рублёвке. Прислуга и красавица жена. Стоп. А Светку куда девать? Нет, нет, Светку никуда девать не буду, пусть со мной живёт. За пятнадцать лет она уже все проверки выдержала — настоящая жена, в трудную минуту не бросит...»

На улице раздался глухой стук и послышался звон рассыпавшегося стекла.

«Понятно, — подумал Дима, укладываясь на спину. — Бутылку разбили, судя по мату, полную. Ладно с пивом, а если с водкой? С водкой жалко. Интересно, сколько у них ещё осталось?.. Ведь пока всё не допьют — не уйдут. Это факт. А может, выглянуть и спросить: „Эй, мужики! Много ещё у вас бутылок? Допивайте скорее, а то я спать хочу“».

Дима взял телефон. «Три сорок. Ясно. Про сон надо забыть. Ладно, завтра суббота — отосплюсь. Завтра? Уже сегодня. А что если правда спросить? Нет! Пока люди в таком состоянии, с ними разговаривать не стоит. Они же потом не отвяжутся. Начнут орать: „Выходи, выходи!“ Не выйду — начнут камни в окна кидать или ещё хуже — бутылки... Стекло разобьют, а мне потом жить с дырой в окне, да и врагов себе наживу. Так что придётся выйти — это в моих интересах. Если выйду, то, конечно выпью с ними. Обязательно. Алкаш, он же в душе философ, а после двухсот грамм ещё и сентиментальным романтиком становится. Сто процентов найдёт повод уговорить, типа: давай выпьем за здоровье мамы или детей. Разве можно отказать? Выпью раз, другой. А потом мы с ними подружимся. На века. И я тоже начну пить. Каждый вечер, на лавочке. А утром на работу как идти? А идти придётся, хоть и с похмелья. Шеф заметит, пожурит и простит. Ну это на первый раз. А второй? Третий?.. Потом он не выдержит и уволит меня. На работу не устроиться, а ипотеку платить надо. И сразу начнутся проблемы. Нет, пить я с ними не буду».

На улице стало намного тише. Дима опять повернулся набок и закрыл глаза.

«Наверное, кто-то из них заснул, — подумал он. — Это прекрасно! Можно выйти и предложить помощь. Выйду и скажу: „Давайте, мужики, спящего домой отнесём, а то вдруг с лавочки упадёт“. А что, хорошая идея! Их как раз трое осталось. За руки, за ноги возьмём и потащим. Ага, они-то пьяные, вдруг уронят? Упадёт, башкой об асфальт шмякнется и умрёт. А тут, будто назло, как в кино: или любитель спорта на пробежку соберётся или бабулька собачку пойдёт выгуливать. А это уже свидетели, которых придётся валить. Я, конечно, убегу, а их арестуют. И они скажут, что это я их дружка убил. Их трое, им и поверят. А меня арестуют и посадят. Лет на десять. Что Светка без меня будет делать? Как она Вовку одна на ноги поставит? Девятый класс. Опасный возраст. Мать слушаться перестанет, с сомнительной компанией свяжется — и всё. Вслед за мной на Колыму. Да, проблема!»

Дима перевернул подушку и ударил её кулаком. Услышав с улицы радостные крики и смех, он облегчённо вздохнул. «Слава Богу, проснулся. Значит, тащить его никуда не надо, и в тюрьму я не сяду. И чего я переживаю? Решил же, что днём выплыву. А если и днём не засну? До вечера дотяну, лягу, а они опять придут. И снова не дадут спать. И так все выходные. Это же я почти трое суток без сна буду. Кошмар, так и крышу может снести. Издёргаюсь, разнервничаюсь и сойду с ума. Перестану узнавать близких: ни Вовку, ни Светку. Даже кошку Муську не признаю. И положат меня в психушку... а однажды придёт меня навестить незнакомая женщина и скажет, что она моя жена. И перепишу я на неё квартиру. А потом Светка будет с ней судиться и доказывать, что именно она моя единственная и законная. Господи, сколько же проблем у меня впереди».

Дима тяжело вздохнул, подвинулся поближе к жене и засопел ей в ухо.

Света нехотя открыла глаза.

— Дима, — зло процедила она. — Сколько можно ворочаться? Сам не спишь и мне не даёшь.

— Светочка, — Дима обнял жену. — Я хочу тебя предупредить. Возможно, меня ждут большие проблемы, и ты должна об этом знать заранее...

— Послушай, — Света откинула его руку и села на край кровати. — Единственная твоя проблема — это лень.

Она поднялась, подошла к окну, с силой захлопнула его и повернула ручку.

В комнате стало необычайно тихо.

— Всё, Дима, или спи, или иди ворочаться на диван в гостиной, — сказала Света, взбила подушку, легла и накрыла голову одеялом.

Дима закрыл глаза. «Как же всё просто. Раз — и нет проблем», — подумал он и заснул.

Диме снился длиннохвостый суслик, впавший в спячку: он мирно посапывал, удобно расположившись в глубокой норе, выстланной сухой травой, листьями и шерстью.

Добрые драники

Сева проснулся от злости. Он открыл глаза, чувствуя, что его трясёт от настоящей внутренней ярости, которая захлёстывала волнами и пыталась вырваться из сковывающего тела.

«Это ещё что за фокусы? — подумал он, повернулся на бок и посмотрел на часы. — Ёлы-палы! Проснуться в шесть утра! Да ещё в субботу!»

Ему показалось, что сердце, печень и желудок, не стовариваясь, пустились в пляс, трепыхаясь в разных музыкальных ритмах.

Сева резко поднялся и рванул на кухню. Дрожащей рукой вытащил из пачки сигарету и закурил. Ожидаемое успокоение не пришло, голова закружилась, а внутренности задёргались ещё сильнее. Он затушил сигарету и тихонько зарычал.

«Может, разбить что-нибудь или врезать кому? Как выплеснуть из себя эту злобу?» — подумал он, сжал кулак, размахнулся и со всей силы ударил по стене: стена не шелохнулась, а ярость только усилилась от боли в припухшем кулаке.

Кошка Муся со страхом выскочила из-под стола, оскалилась и недовольно уставилась на хозяина, демонстрируя крючковые клыки.

«Нет-нет, тебя не трону. Только не тебя», — испуганно прошептал Сева и сунул кулак под струю холодной воды.

Шальная мысль моментально подкинула ещё один вариант, но Сева тут же отмёл его: во-первых, жена Зинуля ещё спала, а во-вторых, она в юности занималась гиревым спортом, поэтому любая ссора с ней могла закончиться для него плачевно.

Сева подошёл к окну и упёрся носом в стекло.

«Как назло, во дворе никого, — подумал он. — Ни дворника, грохочущего мусорными баками, ни гуляющих алкашей. Тишина. Жаль, сейчас бы кулаками помахать, чтобы пар выпустить. Поеду по городу, может, успокоюсь».

Сева быстро оделся и вышел на улицу.

— Только попробуй не заведись, я тебе устрою, — пригрозил он выдавшей вида «восьмёрке». Он открыл дверь, сел в продавленное кресло, обтянутое выцветшим чехлом, и повернул ключ. Двигатель нехотя чихнул и завёлся.

«Ёлы-палы, когда надо — не заводится, а тут с полоборота!» — подумал Сева, прислушиваясь к непроходящей внутренней трясучке.

Сева неспешно ехал по дороге. Он, как хищник, озирался по сторонам, выискивая жертву. Но сонное субботнее утро бабьего лета действовало на водителей, как успокоительное. Никто не гнал, не подрезал, не суетился. Машины вяло тащились в своих рядах, соблюдая правила движения.

Поколесив по городу минут сорок, Сева вернулся во двор и припарковал машину. Заглушил двигатель, откинул назад спинку сиденья и закрыл глаза.

«С чего вдруг я такой раздражённый? — подумал он. — Да ни с чего. Просто так. Глаза не успел открыть, а уже злой. И сон вроде снился прекрасный. Ёлы-палы! Мне же бабушка снилась. Точно! Моя бабуля!»

На минуту трясучка успокоилась.

Сева открыл глаза и улыбнулся. Он вспомнил, как в детстве, летом приезжал к бабуле в небольшую деревню под Минском и бабушка каждое утро готовила драники: мягкие, нежные, румяные. Когда она тёрла картошку, то постоянно пела какую-то весёлую песню о девах с длинной, туго заплетённой косой.

— Почему ты поёшь, бабуля? — спрашивал Сева.

— Это я своё сердце от злости освобождаю, чтобы она в драники не попала. И тогда они получаются вкусными. Я называю их добрыми...

Сева вышел из машины. На время затихшая тряска принялась за своё, но уже не так бурно. Воспоминания о бабуле утихомирили её.

Он быстро поднялся в квартиру и заглянул в спальню: Зинуля ещё спала. Сева переоделся, зашёл на кухню и закрыл за собой двери. Достал из пакета восемь крупных картофелин, бросил их в раковину и принялся чистить. Он ловко орудовал ножом, вымещая злобу на воображаемом неприятеле. Картофельная кожура, сопротивляясь, поскрипывала, но сдавалась и плюхалась в наполненную водой мойку.

Почищенные картофелины выстроились на разделочной доске, как шеренга врагов.

— Сейчас, сейчас я с вами справлюсь, — проговорил Сева и достал из висящего на стене шкафчика тёрку. — На какой же стороне тереть?

В памяти всплыли слова бабули, ему даже на секунду показалось, что он вспомнил её лицо и услышал тихий вкрадчивый голос: «Драники — это рваная бульба. Городским всё надо быстро, быстро! Вот и трут бульбу на крупной тёрке. А надо на острой, тогда деруны будут мягкие и нежные».

— О как! — воскликнул Сева. — Спасибо тебе, бабуля!

Он покрутил тёрку и провёл пальцем по острым торчащим зубцам:

«Да уж! Сколько содранной кожи и ногтей видело это чудовище, — подумал Сева, — но меня так просто не возьмёшь».

Он достал эмалированную миску и с остервенением начал тереть в неё картошку. Заданный ритм никак не ложился на лирическую мелодию, и Сева шёпотом запел «Интернационал» — любимую песню отца.

Когда все клубни были превращены в расплывшуюся жижу, Сева облегчённо вздохнул. Хотя внутренняя трясучка почти прошла, Сева вошёл в раж и остановиться уже не мог. Он вытряхнул из пакета последние четыре картофелины, быстро почистил их и натёр. Достал дуршлаг, постелил в него марлю, поставил в пустую кастрюлю и перелил из миски натёртую кашу.

«Пусть сок стекает, — подумал Сева. — Жаль, картошка закончилась, ещё бы пару килограммов, и я бы точно успокоился. Ёлы-палы, чуть не забыл! Лук! Бабуля говорила, что без лука дерунов не бывает. Как же она лук называла? Забыл...»

Крупная тугая луковица зашуршала по тёрке. Терпкий сок разлетелся по сторонам махонькими капельками. В носу защекотало, Сева зажмурился, но слёзы сдержать не удалось. Он всхлипнул и тихонько запел:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

От жалости к солдату слёзы потекли ещё сильнее. Вместе с ними уходила злость.

Сева прислушался. Внутри ничего не тряслось.

— Ну вот и славно, — улыбнулся он и ткнул пальцем в натёртый картофель. — Всё! Переходим к самому главному.

Сева, как заправский повар, расколочил яйцо о край кастрюли и добавил его в миску с луком. Туда же выгреб содержимое дуршлага, добавил ложку муки и хорошенько перемешал.

Кусок сливочного масла заскользил по разогретой сковороде. Сева подгонял его деревянной лопаткой. Масло, раскидываясь брызгами, шипело, пока не превратилось в сотни маленьких, моментально лопающихся пузырьков.

Он выложил драники на сковородку и, почувствовав дразнящий аромат жареной картошки, перевернул их и уменьшил огонь.

Готовые драники, накрытые бумажным полотенцем, лежали на блюде.

— Так-так! — сказал Сева. — Теперь надо сметанку заправить. Как там бабуля говорила? Погоди-погоди, сейчас вспомню. «Цыбуля и чеснок — родные братья». Ёлы-палы! Вспомнил. Лук на белорусском — цыбуля!

Он наполнил соусник сметаной, выдавил туда два зубчика чеснока, перемешал и поставил на стол.

Сева вздрогнул от неожиданности: на кухню вошла Зинуля.

— Ну, Севка, ты даёшь! Глаза не открываются, но не выйти на такой аромат я не смогла. Что это ты тут наготовил?

— Доброе утро, Зинуля! Это сюрприз. Умывайся, сейчас завтракать будем!

— Нет-нет, — ответила Зинуля, убирая со лба прядь нависших, спутавшихся волос. Пока не попробую, с кухни не уйду.

Она села за стол, взяла двумя пальцами тёплый драник, макнула его в сметану и откусила.

— Господи! Какая вкуснятина... Ой, спасибо, Севочка, умешь же ты сделать утро по-настоящему добрым!

— Это не я, это добрые драники, — засмеялся Сева.

Кошка Муся, мягкая, тёрлась о его ногу. Надежда получить порцию сметаны сделала и её утро добрым.

Чахохбили по-грузински

В воскресенье Сева проснулся поздно. Он бы мог ещё поспать, но его разбудила Зинуля. Усевшись на край кровати, она, зажав мочку двумя пальцами, тихонько дёрнула его за ухо.

— Вставай, засоня, я пошла, — улыбнулась Зинуля, увидев, что Сева открыл глаза.

— Куда? — удивился он.

— Севочка. Сегодня же воскресенье, мой день: зал, бассейн, сауна, а я ещё записалась на стрижку и маникюр. Так что приду часов в шесть. Красивая, но голодная.

Она перестала теребить ухо мужа и положила руку ему на грудь. Острые ногти нежно впились в кожу и ласково, по-кошачьи, начали щекотать, вызывая мурашки и смех.

— Всё, всё, проснулся, — захохотал Сева, кутаясь в одеяло. — Говори сразу, что надо сделать?

— Севочка, — Зинуля кокетливо хлопнула ресницами. — Я бёдрышки куриные из морозилки вытащила. Может, приготовишь что-нибудь вкусненькое? Я не успеваю.

— Так я же не умею, — удивился Сева.

— А ты попробуй. Драники раньше тоже никогда не делал, а вчера прямо поразил своими способностями!

Она посмотрела на часы и чмокнула Севу в щёку

— Всё! Мы договорились. Я побежала. Дверь хлопну. Пока!

Сева поднялся и, почёсывая живот, отправился на кухню. Кошка Муся дремала в коридоре, уткнувшись мордой в его кроссовки. Увидев хозяина, она бросилась к нему и, громко мурлыча, начала тереться о ноги.

«И что это вы сегодня все такие ласковые? — подумал Сева. — Неужели вчерашние драники так подействовали? Как же мало вам нужно: приготовил от души — и получай любовь и ласку».

Сева умылся, сделал пару бутербродов с сыром, налил чай и быстро перекусил.

«Что-нибудь вкусенькое, что-нибудь вкусенькое... — передразнил он Зинулю и ткнул пальцем в пакет с замороженными куриными бёдрами. — Ёлы-палы, так сто лет размораживаться будут!»

Сева переложил бёдра в кастрюлю и поставил её в раковину под струю холодной воды.

«И что же мне приготовить? — задумался он, надавил на экран телефона и сказал:

— Привет, Гугл. Блюда из курицы... Ёлы-палы! — Сева широко открыл глаза. — Почти миллион рецептов. Жесть. Курица с грибами, курица с картошкой, курица с ананасами. Курица, курица, курица...

Он открыл холодильник.

«Так, что мы имеем? Ага, овощи тёща с дачи привозила. Помидоры, огурцы, петрушка, укроп, два сморщенных зеленоватых перца и лук. Всё! С таким набором курицу с ананасом сто процентов не приготовить. Может, её просто зажарить и салат забабахать? Но это очень повседневно. Есть вариант: немного изменить рецепт. Вместо ананасов — помидоры или лук, а вместо грибов, например, огурец или перец... Нет, так не пойдёт. Это у нас Зинуля мастерица».

Сева рассмеялся, вспомнив случай, о котором Зинуля уже несколько лет мечтала забыть.

Решила как-то она приготовить средиземноморский салат по рецепту из Интернета. Нужных продуктов дома не было, а салата захотелось так, что зубы сводило. И решилась Зинуля на эксперимент, заменяя необходимые продукты на то, что оказалось под рукой. Вместо креветок нарезала ветчину, вместо «Адыгейского» сыра взяла «Костромской», рукколу заменила укропом, а оливковое масло холодного отжим с лёгкостью меняла на краснодарское подсолнечное, с обволакивающим запахом жареных семечек. Получившееся блюдо Зинулиных надежд не оправдало. «Не понимаю! — возмущалась она. — Почему его назвали средиземноморским? Салат как салат, ничего необычного». Больше она в Интернете рецепты не смотрела.

Сева выключил воду.

— Давайте, оттаивайте, — сказал он бёдрышкам, — а я пока подумаю, что с вами делать.

Он подошёл к окну. У подъезда сосед Давид выгуливал рыжего карликового шпица. Собачка в поисках местечка поукромнее носилась по двору. Её короткие ножки проскальзывали по сухим листьям, покрывавшим землю. Шпиц плюхался на живот и визгливо тявкал. Давид с семьёй жили этажом ниже. Между соседями сложились неплохие отношения: Зинуля с женой Давида Мананой захаживали друг к другу выпить кофейку и перемыть косточки соседям. А Давид угощал Севу чаечей, которую ему привозили из Грузии.

«Ёлы-палы! Вот кто мне сейчас нужен! — обрадовался Сева, вспомнив, что, проходя по подъезду, он частенько останавливался у квартиры Давида и вдыхал восхитительные запахи готовившейся еды.

Он открыл окно.

— Привет, Давид! — крикнул Сева.

— Привет, дорогой! — откликнулся сосед.

— Можешь подняться ко мне?

— Конечно. Сейчас Малыша домой закину и поднимусь.

Давид пришёл минут через десять.

— Что случилось, дорогой?

— Ничего, слава Богу, не случилось. Помощь твоя нужна.

Они зашли на кухню.

— Смотри, Давид. Есть куски куры и овощи. Скажи, что можно из этого вкусенького приготовить? Ваше. Национальное.

Сева достал оттаявшие окорочка и положил их на разделочную доску. Вынул из пакета овощи и зелень.

Глаза Давида засветились азартом.

— Вай, дорогой! — воскликнул он. — Это же чахохбили, Сева! Надо ещё хмели-сунели, кинзу и чеснок.

Сева порывлся в шкафчиках и развёл руками.

— Нету! Слушай, ты мне рецепт напиши, может, без приправы сделаю.

— Вай, дорогой! Грузинская еда без специй — это как праздник без вина, как небо без солнца, как женщина без любви. Понимаешь?

— И что делать? — растерялся Сева. — Ничего теперь не получится?

— Всё получится, не переживай. Сейчас приду, — сказал Давид и ушёл домой.

Вернулся он быстро, но не один, а со шпиром.

— Держи, — сказал Давид и протянул Севе увесистый пакет. — Манана уборку затеяла, сказала, чтобы Малыша с собой забрал. Пусть с твоей Муськой поиграет, пока мы готовим.

Муся, увидев собаку, злобно зашипела, выгнула спину и выпустила коготки. Через секунду она узнала давнего приятеля, но на всякий случай решила напомнить Малышу, кто в доме хозяин, и ударила непрошеного гостя лапой по морде. Малыш взвизгнул, закурился, как юла, и шмыгнул под диван.

— Пошли, — сказал Давид. — Без нас разберутся.

В пакете лежал обвязанный ниткой пучок кинзы, головка чеснока с крупными зубцами, бумажный пакет с хмели-сунели, пластиковая полуторалитровая бутылка белого вина и гроздь винограда. Виноградины были мясистые, плотные и настолько прозрачные, что сквозь натянутую кожу просвечивали косточки.

— Скворода есть большая? — спросил Давид. — А то Мана на казанок подруге дала на время.

Сева вытащил сквороду, Давид деловито осмотрел её, постучал пальцем по днищу и утвердительно кивнул.

— Пойдёт. И глубокая, и дно толстое. В самый раз.

— Ну что, начнём готовить? — нетерпеливо спросил Сева.

— Вай, дорогой, куда ты торопишься? Готовка не терпит суеты, а чахохбили особенно. Это же колдовство, а для колдовства настрой нужен. Доставай стаканы.

Пока Сева ходил за бокалами, Давид вымыл виноград и положил его на большую тарелку. Он налил вино и сказал:

— Ты знаешь, Сева, что, когда Бог распределял земли между народами, грузины не участвовали в этом суетливом процессе. Им было некогда. Они готовили чахохбили. Господь был сильно удивлён таким поведением людей, но когда он попробовал это блюдо, то был потрясён его вкусом и ароматом

и не раздумывая отдал им Грузию — землю, которую приберёт для себя. Так выпьем, дорогой, за Всевышнего, за мудрость его и справедливость.

Они звякнули бокалами, выпили и закусили виноградом.

— Вот теперь начнём, — сказал Давид.

Увидев, что Сева начал снимать с бёдрышек кожу, Давид закричал:

— Вай! Ты что делаешь?

— Зинуля всегда так делает, говорит, что там холестерин, — ответил Сева.

— Что понимает твоя Зинуля в чахохбили? Холестерин-малестерин! В грузинской кухне одно правило: приготовлено с открытым сердцем — значит вкусно, а раз вкусно — значит полезно! Итак, сначала нужно всё приготовить.

Сева надел фартук, который висел на кухне за дверью. Зинуля его сшила сама, но ни разу так и не надела.

Он промокнул бёдрышки бумажным полотенцем и разрезал каждое на две части. Нашинковал лук, болгарский перец, зелень и разложил всё в глубокие тарелки. Надрезал помидоры, подержал в кипятке, снял с них кожицу и разрезал на кубики.

Давид молча наблюдал, как неумело Сева орудует ножом, и качал головой. Когда в очередной раз Сева сунул палец в рот, чтобы слизнуть кровь, он не выдержал.

— Вай, Сева! Ты так без пальцев останешься! Отдохни, — сказал Давид и налил вино.

Он поднял бокал:

— Каждому человеку положено прожить определённое количество лет. В Грузии говорят, что время, которое провёл с другом, при подсчёте прожитых лет не учитывается. Выпьем

за тебя, Сева, ибо ты сегодня, сам того не зная, продлил мне жизнь!

Они чокнулись и выпили.

Из комнаты раздалось истошное тьяканье. Сева рванул туда, за ним припустил Давид. Малыш с Мусей распотрошили пакет, в котором Зинуля хранила мотки шерсти для вязания. Муся размотала их и запуталась, попав в паутину из разноцветных ниток. Под восторженный лай Малыша мужчины освободили пленницу и вернулись на кухню.

— Итак, приступаем к самому главному, — сказал Давид и зажёл под сковородкой огонь.

Сделал он это торжественно и настолько пафосно, что Севе на секунду показалось, что перед ним не Давид, а сам Гефест, который ради приготовления чахохбили спустился с Олимпа.

Сева достал из холодильника бутылку с подсолнечным маслом, но, увидев ужас, наполнивший глаза Давида, испуганно спросил:

— Что с тобой? Сердце прихватило?

— Вай, дорогой! Прихватило! И сердце, и голову! Ни капли масла, ни капли воды! Не дай Бог!

— Так сгорит! — сопротивлялся Сева. — Зинуля всегда на масле жарит.

— Это я сейчас сгорю со стыда за тебя и Зинулю.

Он подошёл к плите, бросил в сковородку куски курицы и начал быстро помешивать их деревянной лопаткой.

— А теперь, Сева, маленький грузинский секрет! Ты сейчас о чём думаешь?

— О курице, конечно, о чём ещё.

— Вай, Сева! Когда готовишь, надо думать о прекрасном. Я вот думаю о женщине. О бледной, измученной уральской зимой женщине, которая приехала в Грузию и отдалась нашему добруму, тёплому солнцу. И её нежная кожа покрывается блестящим бронзовым загаром, так же как наша курочка — прекрасной золотистой корочкой.

Давид отдал Севе лопатку.

— Закидывай лук и продолжай помешивать. Сейчас лук пропитается вытопленным куриным жирком и станет желтеть, а тот в ответ отдаст белоснежный терпкий сок, который сделает курицу мягкой и наполнит её замечательным тонким вкусом.

Когда бёдрышки с луком основательно обжарились, Сева выложил в сковородку болгарский перец и помидоры.

— Накрой крышкой, убавь огонь и садись, — скомандовал Давид и налил вино. — Сейчас помидоры сок дадут, тогда приправы засыплем, зелень и чеснок. Я пока налью, а ты почисти чесночок и мелко нарежь.

Давид поднял бокал.

— Давным-давно у подножья горы Шхары жил человек. Он чем-то прогневил Бога, и Бог страшно наказал его. Человек стал испытывать неутолимую жажду. Он пил из ручьёв, рек, колодцев, пил вино и молоко, но ничего не помогало ему. Но как-то раз зашёл он в селенье и у одного дома попросил напиться. Воду ему вынесла молодая женщина, да такая красивая, что бедный грешник забыл о своей жажде, потому что полюбил её с первого взгляда. Предлагаю выпить за наших жён, которые однажды утолили нашу жажду и остались с нами навсегда!

После очередного бокала Сева почувствовал слабость в ногах.

— Ёлы-палы, Давид! Что-то странное происходит, — сказал он. — В голове светло, в душе тепло, а ноги будто ватные. Так должно быть?

— Вай, Сева, конечно, должно! Значит, хорошее вино привезли из Мухранской долины мои друзья. Ты думаешь, почему в Грузии застолья целый день продолжаются? Да просто из-за стола никто встать не может! Но тебе придётся. Ты же сегодня у очага!

Давид посмотрел на часы.

— Пятнадцать минут прошло, можно всё остальное в сковороду сложить.

Сева поднялся, качнулся, но, схватившись за край стола, смог удержаться на ногах. Он засыпал в сковороду хмели-сунели, молотый чёрный и красный перец, соль, зелень и мелко нарезанный чеснок. Перемешал и закрыл крышкой.

— Всё, дорогой, — сказал Давид. — Теперь остаётся ждать. Минут через тридцать, когда мясо от косточек начнёт отходить, чахохбили готово. Наслаждайся ароматом и отдыхай.

Сева втянул носом воздух.

— Ёлы-палы! Пахнет потрясающе!

— А то! — сказал Давид и налил вино. — Смесь хмели-сунели, чеснока и свежей кинзы — это не только запах, но и божественный вкус! Давай, Сева, выпьем...

— Давид, дорогой, я ног уже не чувствую! Может, подождём, когда приготовится, и закусим нормально.

— Сева! Как говорит древняя грузинская пословица: «Вино любить — раздетым ходить». Но какой же отдых без хорошего вина? Не будем злоупотреблять вином, но все же выпьем его!

Давид прислушался.

— В дверь звонят. Наверное, Манана за мной пришла.

Сева поднялся, шатаясь поплёлся в коридор и открыл дверь. На пороге стояла Зинуля. Она зашла в квартиру и повела носом.

— Это что за восхитительный аромат?

Сева расплылся в улыбке.

— Это мы с Давидом чахохбили приготовили. А ты что так рано?

— Представляешь, воду в спорткомплексе отключили, — ответила Зина. — Всех выгнали. Есть хочу, сил нет. Ты не видел, где мой второй тапок?

— Не видел, может, Муся утащила. Они с Малышом играют. Я к очагу, а ты переодевайся и приходи.

Сева зашёл на кухню и сказал:

— Давид, звони Манане, пусть поднимается, кушать будем.

Он выключил газ, надел варежки-прихватки, взял сковороду и замер в ожидании Зинули.

Зина в одном тапке зашла на кухню.

— Здравствуй, Давид! Скажи Малышу, пусть тапок отдаст, он меня не слушается, — сказала Зинуля и подняла крышку.

— Вот это да! — воскликнула она. — Давайте скорее есть.

— Малыш, ко мне! — крикнул Давид.

Шпич с тапком в зубах рванул к хозяину. Поскользнувшись на гладком ламинате, он не смог остановиться и, прижав уши, ударился о Севины ноги. Сева покачнулся и от неожиданности разжал руки: сковорода с грохотом плюхнулась на пол.

— Ёлы-палы, — прошептал Сева, сел за стол и обхватил голову руками.

— Поели... — сказала Зинуля и достала из шкафчика полиэтиленовый пакет для мусора.

На шум прибежала Муся. Она опасливо посмотрела на растёкшийся по полу соус, осторожно сунула в него лапу и облизнула её.

Малыш схватил кусок дымящейся курицы, утащил его под стол и бросил у ног Давида.

— Сева, дорогой, не расстраивайся. — Давид поднялся из-за стола. — Мы с тобой ещё не раз приготовим что-нибудь вкусненькое. Я тебя всем премудростям научу. Обещаю. Зинуля, ты тут всё закончишь, и приходите к нам. Жду вас через пятнадцать минут. Приходите, и без возражений! Понятно?

— Понятно, — вздохнула Зинуля.

— А тебе понятно? — спросил Давид у Севы.

Тот в ответ молча кивнул.

Манана открыла двери и воскликнула:

— Проходите, проходите, гости дорогие. Мы вас ждём.

Посередине просторной кухни стоял накрытый стол, он был заставлен тарелками с едой.

Сева с Зинулей переглянулись.

Рулетики из баклажанов с чесноком и орехами, сыр сулугуни, нарезанный тонкими кусочками, украшали веточки петрушки.

В глубоких салатницах — лобио и сациви.

На глиняном блюде лежала красная острая капуста, маринованные перцы и чеснок.

Пятилитровый бочонок с вином стоял на отдельном столике, рядом бутылка чачи и несколько стеклянных бутылок боржомом.

— Присаживайтесь, друзья! — улыбнулся Давид. — Манана уже воду поставила, закипит — и будем хинкали варить.

— Когда вы всё успели? — удивилась Зинуля.

— Успели? — хмыкнул Давид. — Да у Мананы всегда два холодильника забиты.

Давид налил всем вино.

— Послушайте меня!..

...В древние времена в океане затонул фрегат. И только один грузин смог спастись. Он ухватился за длинную доску и остался на поверхности воды. Через полчаса неизвестно откуда вынырнул ещё один человек и ухватился за другой конец этой же доски. Грузин начал плакать.

Человек спросил:

— Ты почему плачешь?

Грузин сказал:

— Вай, вай! Как не плакать! У меня гость, а угостить нечем!..

Так выпьем за то, чтобы в наших домах всегда было, чем угостить гостей, пришедших в любое время!

За столом сидели долго.

Манана постоянно подкладывала закуски на тарелки гостей, а Давид следил, чтобы в бокалах всегда было налито вино.

На кухне становилось душно.

Манана положила голову на плечо Давида и запела. И хотя она пела на русском, её низкий, с хрипотцой, голос и грузинский акцент придавали песне «Тбилисо» нежности и печали. Давид улыбнулся и тоже запел.

Зинуля с Севой слов не знали, поэтому они вполголоса просто напевали мелодию.

У дверей в коридоре подвывал Малыш. То ли ему нравилась песня, то ли он уже скучал по Мусе...

С Новым годом, соседи!

Рассеянные лучи уличных фонарей скупо осветили вечерний город.

Сева остановил машину у супермаркета, повернулся к Зинуле и спросил:

— Ну и где праздник? Где иллюминация?

И мгновенно, словно услышав его слова, вспыхнули огни новогодних гирлянд, развешенных над парковкой плотной паутиной. Мерцание лампочек отражалось в лобовом стекле и попадало в такт звучащей из магнитолы музыке.

— Вот тебе праздник, — засмеялась Зинуля. — Ты у меня, наверное, волшебник. Захотел — и пожалуйста!

— Ну что, пойдём? — спросил Сева.

— Подожди, надо поговорить, — сказала Зинуля и взяла Севу за руку. — Ты меня любишь?

Сева удивлённо посмотрел на неё.

— Ёлы-палы! Ты что, мать, совсем? Что за вопрос? Конечно, люблю.

— Скажи, Сева, за пять лет совместной жизни мы уже проверили наши чувства?

— Проверили.

— Тебя всё устраивает?

— Да.

— А меня — нет. Хочу штамп в паспорте! Хочу свадьбу! Хочу называть тебя мужем. Понял?

Сева сглотнул слюну и открыл рот.

— Я что-то не то сказала? — спросила Зинуля и поджала губы.

— Всё то, всё то, — спохватился Сева. — Просто неожиданно как-то. Завтра Новый год, вкусняшки готовить надо, а ты бац — и о свадьбе...

Зинуля демонстративно отвернулась к окну.

Сева стянул с её головы капюшон пуховика и начал ласково перебирать взлохматившиеся волосы.

— Зинуля, Зинуля, ты чего? Я же только за!

— Вот это другое дело, — улыбнулась Зинуля.

Сева с любовью посмотрел на неё и задумался.

С тех пор как он взялся за приготовление обедов и ужинов, Зинуля сильно изменилась. Сева увидел, что она избавилась от большой проблемы: начала чаще улыбаться, стала намного нежнее и заботливее. К большой Севиной радости, Зинуля перестала жаловаться на головную боль, когда он игриво подмигивал ей, указывая взглядом на спальню. Сева окончательно осознал, что путь к сердцу женщины точно такой же, как и к сердцу мужчины: через желудок. Главное — правильно подобрать меню. А все выводы, что женщина любит ушами, — это сказки, если, конечно, на эти ушки не навесить правильно сваренную, приправленную специями лапшу.

— Ау! Ты чего завис? — спросила Зинуля.

— А? — вздрогнул Сева. — Задумался. Так, со свадьбой мы решили. Теперь о главном! Что завтра готовить на праздничный стол?

— Не знаю! Ну честно, не знаю.

— Давай на закуску сделаем салатик, лёгонький, а на горячее — плов, — предложил Сева. — Тахир рецепт дал, можно попробовать. Да и казанок новый надо испытать, а то стоит без дела.

— Можно и плов. А Тахир — это кто?

— Да дворник из нашего двора. Он во втором подъезде комнате снимает.

— Сева! Я крабов хочу! — неожиданно заявила Зинуля.

— Ёлы-палы! Какие крабы? Знаешь, сколько они стоят?

— Ну, Сева, ну хотя бы креветки, пожалуйста!

— Ладно, ладно! Пошли закупаться.

Домой они вернулись поздно.

Поставив пакеты с продуктами на пол в коридоре, Сева вытер пот.

— Ёлы-палы! Такое ощущение, что руки вытянулись до пола, — выдохнул он. — Ещё один такой поход, и смогу ботинки зашнуровывать, не нагибаясь.

— Не ворчи, — Зинуля хлопнула его по спине. — Отдыхай, а я пока всё в холодильник уберу.

Сева перенёс пакеты на кухню, вымыл руки и устался в ноутбук в поиске рецепта приготовления креветок.

Зинуля быстро разобралась с продуктами и ушла в душ. Минут через двадцать она вышла из ванной и встала в проёме кухонной двери, упёршись ладонью в косяк.

— Сева! Пора спать, — сказала она.

— Иду, иду, — ответил Сева, не отрываясь от ноутбука. — Я рецепт креветок ищу.

— Знаешь, дорогой, даже в поправках к Конституции много внимания уделено семейным ценностям. Или ты против поправок?

Сева поднял глаза. Сквозь тонкий пеньюар отчётливо просвечивала прекрасная фигура Зинули. Он захлопнул ноутбук и вышел из кухни.

Наутро резко потеплело и пошёл крупный мокрый снег, который моментально таял под колёсами машин, темнел и превращался в коричневую кашу.

Сева съездил за ёлкой. Он установил её на подставку и достал со шкафа коробку с игрушками, мишурой и гирляндами.

Когда с украшением ёлки было покончено, Зинуля затеяла уборку, а Сева отправился на кухню готовить плов. Для хранения Севиного поварского инвентаря Зинуля освободила две полки в навесном шкафу.

Сева снял с полки казан, достал ножи и шикарную разделочную доску из дерева оливы. Почистил четыре крупные луковицы и три морковки. Мясо промыл, хорошенько обсушил и положил на доску. Теперь надо было подготовить рис. Сева вспомнил слова Тахира: «Расчёт простой. Один на один. На сто грамм мяса — сто грамм риса».

Он взял глубокую миску, высыпал в неё килограмм пропаренного риса и залил холодной водой из-под крана.

— Так! Пусть намокает, — сказал Сева и взялся за подготовку овощей.

Он с хрустом разрезал луковицу пополам. Лезвие ножа заскользило по сочному срезу, и тонкие полукольца посыпались на разделочную доску, укладываясь ровными белыми ступеньками. Сева сосредоточенно кромсал лук, а высунутым языком пытался поймать стекающие по щекам слёзы.

Морковку он нарезал ровными брусочками, а мякоть говядины — небольшими прямоугольниками.

На запах мяса прибежала Муся. Она жалобно посмотрела на хозяина и начала тереться о его ноги, требовательно мяукая.

— Соображаешь. Когда я лук резал, тебя не было, а как мясо — ты тут как тут! — усмехнулся Сева и кинул кошке кусочек говядины.

— Ну ёлы-палы, приступаем к главному! — торжественно объявил Сева и надел фартук.

Он хорошо прогрел казан, вылил в него полстакана масла и деревянной лопаткой начал размазывать его по чугунным стенкам. Сева пристально смотрел на округлое дно казана: Тахир говорил, что нельзя пропустить момент, когда масло начнёт закипать. Как только на масле появились мелкие пузырьки, он засыпал в казан лук, затрещавший, как подброшенный в печку сухой хворост. Сева, увернувшись от ударившего в лицо пара, начал быстро перемешивать лук. Полукольца пропитывались маслом и превращались в прозрачные длинные полоски. Когда лук засветился карамельным окрасом, Сева разровнял его лопаткой, засыпал мясом и продолжил мешать. Мясо, касаясь раскалённых стенок казана, истекало соком, и через некоторое время кусочки полностью затянулись коричневым загаром.

— Сева! Это выше моих сил! — в кухню вошла Зинуля. — Эти запахи сводят меня с ума. Слюни текут, как у английского бульдога.

— То ли ещё будет! — засмеялся Сева и кинул в казан морковь. В небольшую розетку для варенья он насыпал зиру, куркуму и шафран. Ровно по чайной ложке, как научил Тахир, добавил молотого красного и чёрного перца, засыпал смесь в казан и залил это всё кипящей водой.

— Вроде правильно всё делаю, — почесал голову Сева. — Сейчас надо добавить горсть барбариса, соль, закрыть крышкой, уменьшить огонь и оставить на часик потомиться.

Он зашёл в спальню. Зинуля уже закончила уборку и приняла душ. Она сидела в халате на краю кровати с тюрбаном из полотенца на голове и намазывала кремом лицо.

Увидев Севу, она игриво улыбнулась и, придавая голосу эротичную хрипотцу, с придыханием прошептала:

— Господин, сделайте мне массаж! Умоляю.

Сева нахмурил брови.

— Зинуля, ты не понимаешь? Я в процессе. Оторваться не могу.

— Ай, кто бы сомневался, — Зинуля надула губки. — Вечно на меня у тебя времени нет.

Сева подошёл к ней, встал на одно колено, взял ладонями её лицо и поцеловал.

Поднялся, приложил два пальца к виску, отдавая честь, и отчеканил:

— Всё, что могу, госпожа!

Поклонился и вышел из спальни.

На кухне он пересыпал рис в дуршлаг, промыл холодной кипячёной водой и хорошенько встряхнул. Снял с казана крышку, аккуратно, большой ложкой, равномерно выложил рис поверх мяса и, не перемешивая, слегка утрамбовал. Вытянутые блестящие рисинки с едва заметными тёмными прожилками были похожи на обработанные речные жемчужины.

«Красота!» — подумал Сева и воткнул в рис помытую, но нечищеную головку чеснока с крупными зубьями. Вскипятил в ковшике воду, добавил в неё соль и аккуратно, чтобы не взбурячить рис, начал медленно заливать её в казан.

— Чтобы скрыла головку чеснока, — повторял он про себя слова Тахира. — Ну вот, ёлы-палы, и всё.

Сева накрыл казан крышкой, до минимума убрал огонь и довольно выдохнул:

— Минут тридцать-сорок поварится, потом газ выключу, а ещё минут через двадцать можно перемешать и попробовать. Время уже три, пойду отдохну, мне же ещё креветки жарить...

Из комнаты раздался истошный вопль Зинули:

— Се-е-е-е-ева! Се-е-е-е-ева!

Сева бросился в комнату.

Зинуля стояла перед зеркалом с глазами, полными слёз. Диван был завален вытащенными из шкафа вещами.

— Сева, беда! — крикнула Зинуля. — Мне нечего надеть.

— Тьфу ты, ёлы-палы! — выругался Сева. — Напугала. Полный шкаф одежды, а надеть нечего.

— Да, — Зинуля капризно топнула ножкой. — Двадцать первый год — год Белого Металлического Быка. Нужно встречать в белом, сером или металлическом.

— Класс! — воскликнул Сева. — В металлическом? Давай тебя в фольгу пищевую завернём, у меня три рулона есть, на тебя как раз хватит.

— Я не шучу! Эти цвета — цвета удачи и счастья на весь год, — решительно заявила Зинуля. — Поехали в магазин, покупать платье или блузку.

— Ты с ума сошла? Я отдохнуть хотел: мне же ещё готовить. Кто просил креветки? Ты или я? А?..

— Не нужны мне твои креветки, и плов не нужен. Я вообще за стол не сяду. Всё! Объявляю голодовку.

Сева покачал головой, махнул рукой и сказал:

— Одевайся, я пошёл машину греть.

Из торгового центра они вернулись около восьми часов вечера. Зинуля схватила телефон и включила камеру. Ей не терпелось сфотографировать обнову и похвастаться приятельникам белой шёлковой блузкой с серебристыми вкраплениями в виде крошечных молний.

Сева зашёл на кухню, достал тетрадку и ещё раз перечитал списанный из Интернета рецепт жареных креветок:

— Ну что? Всё ясно. Делать проще простого.

Он высыпал на дуршлаг размороженные чищенные креветки, слегка прижал их рукой, выдавливая влагу, просушил бумажным полотенцем и скинул в кастрюльку. Посолил, поперчил, насыпал три столовых ложки муки и закрыл крышкой. Напевая, он взял кастрюльку за ручки и, придерживая пальцами крышку, начал трясти, перемешивая муку с креветками. Сева включил газ, разогрел сковороду и налил в неё масло.

Пока оно накалялось, Сева почистил три зубчика чеснока, разрезал их вдоль на тонкие пластинки и бросил в закипающее масло, следом высыпал креветки. Брызги взметнулись над сковородкой праздничным салютом. Дразнящий, аппетитный аромат ударил в нос. Сева с наслаждением вдохнул его и зажмурился. Когда он открыл глаза, то увидел Зинулю.

— Ты меня сегодня решил доконать этими запахами? — спросила она.

— Не уходи, — сказал Сева. — Через пять минут можно будет пробовать.

Зинуля села за стол, вбежавшая на кухню Муся с разбегу запрыгнула ей на руки.

Сева лопаткой перемешал поджарившиеся креветки, а когда они покрылись тонкой коричневой корочкой, скинул их

в чистую кастрюлю. Достал из холодильника устричный соус, открыл его и добавил к креветкам. Накрыл крышкой и немного потряс. Затем положил одну креветку на блюдце и воткнул в неё зубочистку. Корочка хрустнула, и из места прокола выкапталась крупная прозрачная капля горячего сока.

— Ну вот, теперь можно пробовать, — сказал он и протянул блюдце Зинуле.

Зинуля сунула креветку в рот, закрыла глаза и, медленно покачивая головой, начала жевать.

— М-м-м, — причмокивая, сказала она. — Это шедевр. Сева, ты реально волшебник.

Сева улыбнулся.

«Получать удовольствие от процесса приготовления разных блюд — это, конечно, кайф, — подумал он. — Но наблюдать, с каким удовольствием еду потом уплетают другие, — это вообще улёт».

В дверь позвонили. Сева быстро прошёл в коридор. На пороге стоял Давид. С ног до головы он был облеплен снегом. Сидящий на руках Малыш тыкался носом в холодные снежинки и радостно фыркал.

— Привет, Сева!

— Ёлы-палы, Давид, привет! Ты что, под снегоуборочную машину попал?

— Сева, дорогой, ты видел, что на улице творится? Настоящая сказка. На градуснике минус четыре, ветра нет, а снег стеной валит.

— Проходи, Давид! — в коридор вышла Зинуля.

— Нет, друзья. Я чего зашёл: сегодня к нам должны были друзья из Грузии прилететь на Новый год. А вчера постановление

вышло, все аэропорты закрыли из-за вируса проклятого. Представляешь, дорогой, — все! До конца января: и в Тбилиси, и в Батуми, и в Кутаиси... А у Мананы еды наготовлено — человек на двадцать. Вай, дорогой, что теперь с этим всем делать? И я придумал: давайте Новый год на улице встретим всем подъездом. Я уже соседей обошёл. Почти все согласны. Весь год на карантине просидели, а без общения, дорогой, никак нельзя. Вы как?

Сева с Зинулей переглянулись.

— Здорово ты придумал, Давид! Мы за. У нас плов есть, креветки, шампанское, фрукты.

— Отлично! — воскликнул Давид. — Все еду возьмут. У нас такой шикарный стол получится! Шашлык пожарим. Весело будет. Бабу склеим!

— Чего? — Зинуля нахмурила брови.

— Вай, не склеим, а как это по-русски? О! Слипим. Бабу-снеговика. Короче! Одевайтесь, сбор во дворе через полчаса.

Через некоторое время со двора донёсся шум. Сева выглянул в окно. Снегопад прекратился. Под фонарём, около дощатого заброшенного теннисного стола копошились люди. Из открытых окон припаркованной рядом старенькой «Ауди» доносилась громкая музыка.

Сева взял казан, Зинуля положила в пакет шампанское с фруктами, и они вышли на улицу.

Сначала соседи вяло топтались у импровизированного стола, скромно рассказывали анекдоты и негромко смеялись. Давид разжёл длинный мангал и установил на него казан с приго-

товленным Севой пловом. Оглядев собравшихся, он наполнил всем стаканы и произнёс тост. С ролью тамады он справился великолепно, и через несколько минут разразилось настоящее веселье. Из окон дома высовывались люди, живущие в других подъездах.

— Можно к вам? — кричали они и махали руками.

— Конечно! Приходите! — орали в ответ стоящие у стола.

Люди всё подходили и подходили. В мисочках и кастрюльках они несли салаты, выкладывали на тарелки бутерброды, открывали бутылки и знакомились, пожимая друг другу руки.

Дети лепили снежную бабу, а взрослые распевали песни под аккомпанемент принесённого кем-то аккордеона.

Сева увидел Тахира.

— Тахир! Иди к нам! — крикнул он.

— Спасибо, спасибо, мне снег убирать надо.

— Какой снег, Тахир? — крикнул кто-то из соседей. — Праздник сегодня. Иди сюда!

— Сейчас приду, — улыбнулся Тахир и зашёл в подъезд. Вернулся он с широкой невысокой коробкой, поставил её на стол и открыл.

— Кушайте, пожалуйста, — смущённо сказал он. — Это пахлава. Мама из дома прислала. Сама делала. Кушайте, пожалуйста. Я ей скажу, она довольная будет.

— Люди! — заорал Давид. — Люди! Без пяти двенадцать. Открывайте шампанское, наполняйте бокалы.

Загрохотали пробки открывающихся бутылок.

— Я хочу сказать тост, — продолжил Давид. — Дорогие! Мы все живём в этом доме и встречаемся почти каждый день. Киваем друг другу, здороваемся, проходим мимо, а потом даже

не помним об этой встрече. У каждого из нас свои проблемы и радости. Мы ничего не знаем друг о друге. А ведь если бы знали, то смогли бы в нужную минуту помочь в беде или разделить радость. Давайте дружить, любить и уважать друг друга. Пусть в новом году сбудутся все наши мечты. Уйдут болезни и несчастья. И пусть мы станем чуть-чуть добрее! С Новым годом, соседи!

— С Новым годом! С новым счастьем! — закричали все...

— Молодец Давид, здорово придумал, — сказала Зинуля, когда они с Севой зашли в квартиру.

— Да, прекрасно получилось. Тахир, кстати, плов похвалил. Сказал, что так приготовить мог только настоящий узбек.

— Я же говорила, что ты у меня волшебник, — усмехнулась Зинуля.

Сева разделся и лёг в кровать.

— Ты скоро? — спросил он.

— Конечно, — ответила Зинуля и вышла из спальни.

Вернулась она быстро, скинула халат и нырнула под одеяло. Прижалась к Севе, положила руку ему на грудь и спросила:

— Скажи, мы после новогодних праздников идём подавать заявление в ЗАГС?

— Конечно, идём, — улыбнулся Сева и выключил ночник.

За окном светил фонарь, его мягкий жёлтый луч падал на приоткрытую дверцу шкафа, за верхний край которой были зацеплены тонкие деревянные плечики. На них висела шёлковая блузка белого цвета. Цвета удачи и счастья в год Белого Металлического Быка.

Форель в духовке

Сева проснулся. Не открывая глаз, протяжно зевнул и потянулся.

— Подъём! — скомандовал он сам себе. — Нас ждут великие дела, времени на раскачку нет!

Он быстро поднялся с кровати, подтянул трусы и, шлёпая по полу босыми ногами, поплёлся в ванную. Кошка Муся, отчаянно урча, смотрела на Севу тоскливо просящим взглядом.

— Сейчас, сейчас, — сказал он и легонько оттолкнул её в сторону. Муся недовольно фыркнула и выгнула спину.

С тех пор как Сева впервые почувствовал неукротимую тягу к приготовлению еды, прошёл год. Достаточно поднаторев в этом деле, он без страха принимался колдовать у плиты под чутким руководством ролика из Интернета.

Зинуля светилась от счастья. Теперь, уходя на весь воскресный день в зал, бассейн, сауну и салон красоты, она была уверена, что муж не ускользнёт к друзьям в гараж якобы ремонтировать машину. А когда она вернётся домой, то сразу окупётся в приятный аромат приготовленного Севой блюда. А дальше — сплошная романтика: свечи, ужин и озорно блестящие глаза.

Сева зашёл на кухню и насыпал кошке корм. Вытащил из пакета кусок хлеба и открыл холодильник.

— Ёлы-палы! Это не хочу, это тоже не хочу, — приговаривал он, шныряя глазами по полкам. — О! — Его взгляд упёрся в толстый, надкусанный кружок чуть заветренной любительской колбасы, недоеденный во время ночного блуждания по квартире.

— Самое то, — улыбнулся Сева, шмякнул кусок на хлеб и, откусывая на ходу, отправился в комнату.

Он уселся у компьютера, доел бутерброд и понял, что не наелся. Готовить на сытый желудок Сева не любил. Ощущения не те: нет томного подсасывания под ложечкой, нет бархатно-то-скливого урчания в животе, а значит, нет и любви к готовяще-муся блюду. А как же без любви-то?

Сева быстро застучал по клавишам в поисках подходящего рецепта.

— Что бы тебе, Зинулька, приготовить? — пробормотал он, глядя на экран.

— Отлично! Вот то что надо — форель в духовке! И вкусно, и без особой канители.

Сева взял ручку и записал: форель радужная, лимон, перец, соль, веточка тимьяна и фольга. Из нужных ингредиентов дома были только соль и перец.

— Ноу проблем! — вскрикнул Сева, откатился на кресле и пошёл собираться в магазин.

В ближайшем рыбном магазине на прилавке лежала форель. На заляпанном чешуёй ценнике корявым крупным почерком было выведено «Рыб охлаждённый».

Сева улыбнулся и обратился к продавцу, колоритному туч-ному мужчине кавказской наружности, в белом, с красными разводами халате.

— Уважаемый, а почему рыб, а не рыба?

Продавец снисходительно взглянул на Севу и одарил его презрительным взглядом.

— Э-э! Ты что не видишь, какой он измождённый? Значит, мужик!

Сева хмыкнул.

— У вас написано «охлаждённый», а им можно гвозди забивать!

— Зачем обижаешь? — насутился продавец. — Конечно охлаждённый! Посмотри на него: сам замёрзший, глаза печальный. Ну конечно, охладел. Бедный мальчик!

— А девочек нет? — улыбнулся Сева. — Только не замороженных, а свежих?

Продавец огляделся по сторонам и перешёл на шёпот.

— Есть! — ответил он, полез под прилавок и протянул Севе визитку с надписью «Интим-услуги». — Позвонишь и скажешь, что от меня. Скидка будет!

Сева хлопнул себя по лбу ладонью и, громко смеясь, вышел из магазина.

В других торговых точках форель тоже оказалась замороженной. Рисковать Сева не хотел. Если в рецепте написано «свежая или охлаждённая», значит надо найти именно такую.

Уже два часа он безуспешно колесил по городу. На заднем сиденье тосковали щербатый толстокожий лимон, веточка тимьяна и рулончик фольги. Чувство голода перешло в наступление. Не обращая внимания на тоску в желудке и нервные сигналы попутных машин, он ехал медленно, зыряка по сторонам в поисках рыбных магазинов. На одном из столбов Сева увидел указатель с надписью «МЕТРО» и резко затормозил.

— Ну я баран! Как же я сразу не подумал? «МÉТРО»! Там-то точняк всё есть!

В магазине было довольно зябко. Потолочные кондиционеры гудели, выплёскивая на головы посетителей потоки холодного воздуха. Вместительные корзины, уткнувшись носами

друг в друга, стояли у стены блестящей изогнутой дугой. Выдернув одну, Сева быстро покатыл её в рыбный отдел. Полки, забитые деликатесами, блестели в свете ламп и манили яркостью этикеток. На мгновение заглядевшись на стеклянные банки с очищенными крабами, Сева остановился, прислушался к бурчанию в животе и вытер рот. «Наверное, со стороны я похож на английского бульдога с сырыми от слюней брылями», — подумал он.

Сева опустил взгляд на ценник, и во рту мгновенно пересохло.

Он повернулся и медленно побрёл к прилавкам, на которых в кусочках искрящегося льда лежала охлаждённая рыба. Палтус, сёмга, дорада, сибас — чего там только не было! Казалось, есть всё, кроме форели.

— Твою мать, делать-то что?! Больше ехать некуда!

Тут он увидел два больших аквариума, в которых плескалась рыба: медлительные карпы, шустрые стерлядки, величественные осетры и розовобочая форель.

Сева облизнулся и ринулся к продавцу.

— Дай мне скорее одну форелину покрупнее! — обратился он к пареньку в белой куртке с эмблемой магазина.

Продавец не спеша сунул в аквариум сачок и подцепил увесистую рыбку.

— Пойдёт? — равнодушно спросил он.

Сева кивнул. Парень швырнул форель в лоток, стоящий на весах.

Ничего не понимающая рыба яростно колотила хвостом, отчего стрелка на весах бегала взад-вперёд. Было понятно, что форель явно набивает себе цену.

Продавец отбил чек, приклеил его на прозрачный пакет и сунул в него рыбу.

— Воды набрать? — спросил он.

— Зачем? — удивился Сева.

— Ну как зачем? — улыбнулся парень. — Довезёте до места в целости и сохранности.

— Мне не надо в целости, — испугался Сева. — Я думал Вы её — того...

Он провёл ребром ладони по горлу.

— Нет-нет, это Вы сами! — покрутил головой продавец. — Убивать нам запрещено.

— Кем? — вытаращил глаза Сева. — Религией?

— Не-е, начальством. Такова политика магазина. Да Вы сами справитесь. Деревянным молотком или скалкой ей по башке тихонько тукните, и всё — готова. Ну что, надо воду?

Сева выдернул пакет из его рук и направился к кассе.

— Ёлы-палы, гуманисты! — ворчал он. — Надо же такую хрень придумать! Политика магазина... У вас, значит, мораторий на смертную казнь, а я должен стать убийцей! Что теперь делать?

Расплатившись в кассе, Сева побрёл к выходу. У дверей он увидел скучающего охранника, грозный вид которого заставил содрогнуться.

— Слышь, друг, помощь нужна! — позвал его Сева.

Глаза охранника радостно блеснули, и он с готовностью выхватил из-за пояса дубинку:

— Слушаю!

Сева показал ему пакет, в котором бунтовала не желающая сдаваться форель.

— Друг, — взмолился он, — выручи! Сделай доброе дело — убей рыбу!

Охранник тоскливо вздохнул:

— Я не могу!

— Тебе трудно что ли? — не унимался Сева. — Или тебе тоже начальство не позволяет?

— Мне начальство всё позволяет, даже спецсредства применять, — гордо ответил охранник.

— Ну вот и тюкни её по башке дубинкой! Ты же, наверное, в горячих точках бывал и врага доводилось убивать. А тут форель — делов-то на минуту! А я тебе заплачу, а?

— Ты не равняй, — прохрипел охранник. — Врага-то понятно, а рыбу не смогу! Жалко. Так что не обессудь!

Он сунул дубинку за пояс и пошёл прочь.

Сева вышел к машине, положил пакет за водительское сиденье и отъехал от магазина. Рыба не переставала бить хвостом. Звук от шелестящего пакета казался Севе металлическим скрежетом.

Подъехав к дому, он взглянул на часы: до прихода Зинули оставалось совсем мало времени. Сева выскочил из машины схватил пакет, швырнул в него лимон, тимьян и фольгу. Лицо его озарила улыбка — форель больше не трепыхалась.

Забежав в квартиру, Сева скинул ботинки и прошёл на кухню. Бросил куртку на табурет, включил духовку и кинул рыбу в раковину. Он вымыл руки и, постоянно поглядывая на настенные часы, принялся за готовку.

Рецепт действительно оказался простым. Сева почистил форель, разрезал ей брюшко, тщательно вычистил его и убрал

жабры. Он хорошенько промыл рыбу под струёй холодной воды и положил её на разложенный кусок фольги. Затем засунул в брюшко веточку тимьяна и обложил форель кружочками лимона, истекающими прозрачным соком. Укутал рыбу в фольгу, положил на противень и поставил его в разогретую духовку.

— На двадцать минут при ста семидесяти градусах, — говорил он, вспоминая рецепт.

Муся нетерпеливо тёрлась об ноги в предвкушении шикарного ужина.

Сева отыскал в холодильнике слегка поникшие листья пекинского салата, разложил их на большой плоской тарелке и улыбнулся. Салат хотя и был довольно морщинистым, но ещё сохранял остатки прежнего зелёного оттенка.

Сева вытащил противень, резанул ножом по фольге и зажмурился: душистый пар вырвался наружу, заволакивая кухню острым, пряным ароматом тимьяна. Обжигая пальцы, он по сильней разорвал фольгу и снова засунул рыбу в духовку.

— Ещё десять минут подрумянится — и готово!

— Ой, как вкусно пахнет! — раздался радостный голос Зинули.

Сева вышел в коридор и помог жене снять плащ.

— Пока ты переодеваешься, будет готово, — заключил он. — Всё, дорогая, я побежал! Сама понимаешь, процесс.

Зинуля зашла в кухню, завязывая пояс лёгкого короткого халатика.

— А ты чего куртку тут бросил? — спросила она.

— Так торопился же. Расскажу, какой денёк у меня был — обхохочешься! Давай унесу.

— Я сама, — сказала Зинуля и взяла куртку. — А это что?

Она подняла с пола визитную карточку, выпавшую из кармана. Брови её вскинулись вверх надломленной дугой, глаза округлились и наполнились слезами. Лицо посерело. Зинуля тяжело задышала и, едва ворочая языком, прошипела:

— Ну и гад же ты, Сева!

Она бросила визитку на стол, резко развернулась и, громко всхлипывая, медленно пошла в комнату.

— «Интим-услуги», — прочитал Сева на визитке. — Ёлы-палы! Как же это я её в карман-то сунул? Да уж, ситуация!

Он опустил голову и поплёлся за Зинулей.

После двадцатиминутного подробного Севиного отчёта на тему «Как я провёл день» она, конечно, поверила ему. Да и хлипкое вещественное доказательство — замызганная визитка с прилипшей чешуёй не источала запаха французских духов, от неё на метр разило рыбой. Но раз уж так получилось, Зинуле очень хотелось доиграть спектакль до конца: она надувала губки, тяжело вздыхала и всячески отбивалась от настойчивых попыток Севы её поцеловать. Поняв, что муж всем сердцем осознал свою вину, она напоследок одарила его презрительным взглядом и сдалась.

На улице стемнело. Они сидели за столом на кухне и уплетали запечённую форель. Сева виновато посматривал на Зинулю.

«Вот умеет же она всё так перевернуть! Чист, как после бани, а ощущение, что повинен во всех грехах. А ведь мне никого, кроме неё, не надо».

Словно услышав его мысли, Зинуля улыбнулась:

— Всё равно с тебя цветы! — сказала она, облизнув пальцы.

— Ни фиги себе! — удивился Сева. — С чего бы это?

— Да с того, — Зинуля потянулась за очередным куском. — Все вы, мужики, как ни крути, те ещё кобеляки!

Муся лениво шевелила пушистым хвостом, растянувшись у холодильника. Полузакрыв глаза, она наблюдала за хозяевами, бережно прикрыв растерзанную рыблю голову когтистой лапкой.

Экстрим

Декабрь разошёлся не на шутку и резвился, как хотел: щедро засыпал землю снегом и хлестал ветрами по лицам людей. Украшенный к Новому году город растерялся и от неожиданности замер в огромных пробках на нечищенных дорогах.

Лёва, чертыхаясь, счищал с машины снег. Ему казалось, что небо затеяло с ним игру, шансов выиграть в которой у него не было. Стоило щётке оставить на крыше ровную чистую дорожку, как лохматые снежинки вновь ложились на неё. Лёва открыл дверь, и машина взвыла. Его пальцы судорожно перебирали кнопки пульта в поисках нужной — той, которая открывает сигнал. Жена Лёвы, Татьяна, продавала противоугонные автомобильные системы и каждую пришедшую новинку опробовала на семейном автомобиле.

За рулём обычно ездил Лёва, и в каждой поездке Татьяна испытывала не только новую систему, но и Лёвины нервы.

К пятидесяти годам Лёва научился жить ровно: ездил одними и теми же маршрутами и избегал новых знакомств. Отношения поддерживал только с двумя одноклассниками — с Серё-

гой и Колей. Но и эти отношения ограничивались короткими телефонными разговорами и встречами в дни рождения. Лёва всегда огибал острые углы и обходил стороною собак, даже плетущихся на поводках.

Доверие вызывала только Веста, немецкая овчарка Серёги, которую Лёва подарил ему три года назад. Лёва не играл в карты и не ввязывался в сомнительные сделки. Он очень дорожил душевным равновесием и собственным спокойствием. Звук новой сигнализации, а вернее то, что он не знает, как его отключить, привело его в бешенство.

Лёва забрался в машину, установил кондиционер на предельную мощность и принялся ждать, когда горячий воздух нагреет салон. Не успел он устроиться поудобнее, как накатил тоска — хотелось чего-то необычного. Это напоминало чувство, когда стоишь перед переполненным холодильником и не знаешь, что бы такого съесть. И это не хочешь, и то не хочешь, но знаешь точно, что чего-то хочешь. Но чего? Вот вопрос. Однообразие и размеренность сделали жизнь серой и пресной.

Уже месяц Лёва не находил себе места. Желание испытать новые эмоции буравило душу. Хотелось яркой вспышки адреналина, и как можно скорее. Лёва перебирал в голове возможные варианты. Можно было бы сыграть в русскую рулетку, но не было револьвера. Или познакомить любовницу с женой, но где взять любовницу? Был вариант позвать в гости тещу хотя бы на неделю, но она жила в далёком Анадыре, а тратить деньги на её перелёт он не хотел. На ум пришёл незатейливый народный способ изгнания хандры, и Лёва купил две бутылки виски. Однако получить желаемого удовлетворения не удалось. Тоска

не прошла, а лишь затаилась на денёк, уступив место страшной головной боли.

— Танечка! — молил Лёва жену. — Ты же всегда знаешь, как и когда поступить. Помогии. Подскажи. Может, с парашютом прыгнуть? Или на тарзанке сигануть? Ну не знаю я, чего хочу.

— Может в прорубь? — предположила Татьяна.

— Ага. Точно! Только в прорубь и остаётся. Подальше от людей и с камнем на шее.

Лёва вышел из машины. Мёрзлый снег больше не цеплялся за крышу. Касаясь её, он мгновенно таял и стекал по лобовому стеклу бойкими прозрачными ручейками.

Лёва поднял голову. В окне на втором этаже он увидел Татьяну. Она вскинула руки и стучала пальцем по часам на запястье.

— Ну что ещё? — прошептал Лёва.

Татьяна распахнула створку и прищурилась от летящего в окно снега.

— Ты чего не едешь? Дорога неблизкая. Тебя же ждут, — крикнула она.

— Еду, еду! — ответил Лёва и помахал ей рукой.

Лёву ждали в лесничестве. Один из клиентов подарил Татьяне сертификат на вырубку какой-то суперэлитной пихты. В глубине души Лёва не видел особой разницы между ёлкой, купленной на ближайшем развале, и пихтой, за которой надо было тащиться в лес за сто пятьдесят километров от города, которую ещё и самому рубить. Но он не любил спорить с женой и надеялся, что дальняя поездка по заснеженной дороге может выплеснуть адреналин и отвлечёт от грустных мыслей. Лёва настроил навигатор на телефоне и минут через сорок, намаявшись в пробках, он вырвался за город.

Трасса была пустой. Редкие фуры вываливали кудлатый вонючий дым и, обгоняя Лёву, мчались вперёд. Лёва не хотел торопиться. Он ехал спокойно, слушал музыку и всматривался в сизую бесконечную даль.

— Через сто метров поверни налево, — проговорил навигатор голосом Гарика Харламова.

— Как скажешь, — согласился Лёва, включил поворотник и съехал на дорогу, идущую через лес.

— Прямо тридцать километров, — напутствовал Харламов.

— Спасибо, — ответил Лёва.

Телефон тревожно завибрировал и издал два дребезжащих сигнала.

«Батарея разряжена! Подключите зарядное устройство», — высветилось на экране.

Лёва остановился.

— Подключим, подключим, — хмыкнул он и полез в бардачок за проводом. Но зарядку там не обнаружил.

У Лёвы каждая вещица знала своё место и ни при каких обстоятельствах не могла оказаться в другом.

«Наваждение какое-то, — подумал он, в третий раз выкладывая мелочёвку из бардачка. — Ну и чёрт с тобой, — Лёва махнул рукой. — До лесничества одна дорога — не заблудиться, да и домой как-нибудь доберусь».

Машину кидало из стороны в сторону на заваленной снегом колее, проторённой тяжёлыми лесовозами. Лёва вцепился в руль и яростно крутил его. Паркетник, легко преодолевавший городские заносы, не подчинялся на лесных ухабах, а превратился в самокат, которым управляла дорога. Машина то буксовала, раскидывая снег, то кренилась на бок, пытаясь перевер-

нуться, а то, оторвавшись от земли, подлетала, ломая крышей торчащие над дорогой длинные крючковатые ветки деревьев.

Лёва стиснул зубы. Его раскрасневшееся от напряжения лицо покрылось потом. Машина в очередной раз подскочила, плюхнулась на землю и замерла. Стало тихо. Двигатель заглох, магнитола выключилась, светодиоды на панели погасли.

«Это ещё что такое?» — испуганно подумал Лёва.

Он вышел из машины и вскрикнул. Снег, доходивший до колен, медленно посыпался в короткие полусапожки, тут же пробрался к носкам и обжёг ноги холодом.

— Валенки! — вскрикнул Лёва и начал пробираться к багажнику.

Катанки, шарф и двойные варежки посоветовала взять Татьяна.

— Как ты собираешься за пихтой идти? — спросила она. — В тоненьких сапожках и замшевых перчатках?

«Умничка», — подумал Лёва, засовывая ноги в валенки.

Он открыл капот, включил фонарик на телефоне и подёргал за провода аккумулятора.

— Вроде всё нормально. Ничего не понимаю, — пробормотал он.

Лёва в принципе не мог ничего понять. Из того, что находилось под капотами, он знал только две вещи: аккумулятор и горловину для заливки незамерзайки.

Телефон задребезжал.

«Заряд батареи ноль процентов», — высветилось на экране, телефон ещё раз пискнул и отключился.

Лёва сел за руль. Он нервно крутил ключ, но машина не реагировала.

«Это конец», — подумал Лёва.

Гнетущие мысли выстраивали в голове безжалостную цепочку грядущих событий, в финале которых Лёва обязательно должен был умереть. И неважно от чего: голода, холода или жажды. И чем дольше он размышлял, тем печальнее была развязка. Ему виделись огромный бурый медведь с клочковатой шерстью, который сильными лапами разрывает машину, а потом и его, и стая диких визжащих кабанов, втыкающих острые клыки в его замерзающее тело.

Чувство голода подступало постепенно. Сначала внизу живота появилась нудная тягучесть, потом лёгкое урчание, а примерно через час Лёве казалось, что внутри него собрался целый оркестр начинающих трубачей, которые, не попадая в унисон, фальшиво наигрывали грустную мелодию.

В салоне становилось всё холоднее. Лёва вышел из машины, зачерпнул пригоршню снега и сунул её в рот.

«Надо развести костёр, — подумал он. — Но как? Ни спичек, ни дров. Хотя, ветки я, конечно, наломать смогу, но на сколько их хватит? Нужны настоящие дрова. Ну, допустим, и дрова найду. А разжечь чем? Не палку же о палку тереть. Это только в кино про индейцев бывает. Чёрт! И зачем я бросил курить? Сейчас бы зажигалка очень даже пригодилась. Надо порыться в салоне, а вдруг с тех времён завалилась куда-нибудь и лежит ждёт своего часа. Лёва открыл заднюю дверь и увидел за водительским креслом стоящую на полу чёрную спортивную сумку.

— Не понял! — воскликнул он, поставил сумку на сидение и открыл её.

— Ни хрена себе, — пробормотал Лёва.

В сумке находились свёрток с десятком бутербродов, метал-

лический термос с кофе и полуторалитровая бутылка воды. На самом дне лежал топор, ножовка, баллон с бензином для зажигалок Zippo и пять коробков спичек.

Лёва разорвал пакет, вытащил бутерброд, откусил половину и принялся быстро жевать.

«Вот Танька! Молодец, что собрала сумку. Всё правильно сделала. Я же в лес поехал, а в лесу всякое может случиться. Вот и случилось. Да! Но как можно было меня не предупредить? Я уже два часа тут мёрзну, голодный. Ещё бы чуть-чуть, и всё. Заказывайте поминки».

Лёва съел ещё бутерброд, выпил кофе и убрал еду в сумку.

«Надо экономить, мало ли сколько здесь придётся куковать, — подумал он. — А вдруг до утра? Завтра в любом случае машины за ёлками поедут и меня найдут».

От мысли, что придётся ночевать в лесу, по спине побежали мурашки.

Начинало смеркаться. Усталое небо опустилось совсем низко. Лёве показалось, что оно уже касается верхушек высоченных деревьев. Ещё немного, и оно окончательно свалится на землю и придавит её свинцовой тяжестью темноты.

Лёва принялся за работу. В паре метров от машины он утоптал снег и начал заготавливать дрова. Неумело орудуя ножовкой, он свалил пару тонких берёзок, напил их и обрубил ветки. Сложил в кучу, плеснул бензин из баллончика и поджёг. Бензин сторел так быстро, что огонь не успел зацепиться за влажные ветки.

«Нужна бумага», — решил Лёва и подошёл к багажнику. Под сумкой с инструментами лежал толстый потрёпанный атлас автомобильных дорог.

«А я ведь его ни разу не открывал, — улыбнулся Лёва. — Ну что, вот и пригодился».

Он вырывал страницы, комкал их и подкладывал под дрова. Костёр вспыхнул с четвёртой попытки. Огонь набирал силу, расползлся по веткам, они, сопротивляясь, дымили и изгибались, но пламя наступало, и ветки подчинялись, наполняя лесную тишину прощальным треском.

Лёва наткнулся на толстое поваленное дерево, присыпанное снегом, и опять взялся за ножовку.

Пот застилал глаза и струился по спине, пропитывая рубашку и свитер. Страх подгонял. Рука затекала, но Лёва пилил и пилил.

Темнота полностью окутала лес. С разных сторон изредка доносились тревожные звуки. Они пугали и наводили ужас.

Он сел в машину и налил кофе в крышку от термоса.

— Нужно больше дров, — размышлял в слух Лёва. — В машине колотун, у костра намного теплее. Да и пока работаешь, точно не замёрзнешь. Но насколько ещё хватит сил топором махать? Да чёрт с ним. Чем больше огонь, тем меньше шансов, что зверь подойдёт. Всё, дорогой, за работу.

Он с силой хлопнул дверью машины и взял топор.

Лёва прислушался, ему показалось, что он услышал лёгкий хруст. Он насторожился и прищурился, вглядываясь в темноту. Хруст повторился.

Во рту пересохло. К нему, поблёскивая глазами, приближался волк. Шёл он странно: пробежав вперёд, волк останавливался и оглядывался назад. Выждав пару минут, он снова двигался в сторону Лёвы. Не отводя взгляд, Лёва наклонился, зачерпнул снег и вытер им лицо.

«Стаю дожидается, — подумал он, не в силах сдвинуться с места. — Сейчас все соберутся и...»

Лёва тяжело задышал, лицо вспыхнуло, страх мгновенно растворился. Он сильнее сжал топор, выдернул из костра длинную, охваченную огнём ветку и заорал, срывая голос:

— Что встал, зверюга! Иди сюда! Посмотрим, кто кого!

Волк словно ждал команды. В два прыжка он оказался перед ним, на секунду присел, оттолкнулся и бросился на Лёву, заваливая его на спину.

И топор, и ветка выпали у него из рук. Вспыхнул яркий свет. Лёва зажмурился от ужаса и схватил волка за жилистую шею.

Пальцы зацепились за ошейник. Лёва открыл глаза. Немецкая овчарка Веста лизала ему лицо.

— Весточка! Весточка! — кричал он, обнимая собаку. — Это ты! А я-то думал...

— Веста! Ко мне! — услышал Лёва голос Серёги. — Веста, кому сказал! Хватит. Залижешь его до смерти.

Лёва поднялся и растерянно смотрел по сторонам. В свете ярких фар Колиного джипа он увидел Татьяну и обоих друзей.

Лёва заплакал. Он старался обнять всех сразу и не переставая бормотал:

— Ребятки, вы нашли меня... Ребятки...

— Пошли в машину, — сказал Коля. — Замёрз, наверное?

Они забрались в джип. Веста, перемахнув через заднее сидение, устроилась в просторном багажнике. Серёга открыл бутылку водки и налил в два пластиковых стаканчика.

— Давай! — сказал он. — За нас и за экстрим!

Они выпили и закусили жареной курицей из промасленного пакета.

Лёва выдохнул и спросил.

— Как вы меня тут разыскали? Рассказывайте. Я ведь думал, что всё. Не выберусь.

— Может, лучше рассказать, как мы тебя сюда заманили? — рассмеялась Татьяна.

— Вы? — удивился Лёва. — Не понял!

— Ну ты же места себе не находил! «Не знаю, что хочу да не знаю, что хочу», — продолжила Татьяна. — Вот мы и придумали создать тебе экстремальную ситуацию.

— Не понимаю, — проговорил Лёва и протянул Серёге стакан. — Наливай.

— Я вчера поставила на нашу машину спутниковую сигнализацию. Она позволяет, если машину угоняют, не только отслеживать её на компьютере, но и нажатием одной кнопки блокировать двигатель. Коля с Сергеем съездили в лес, посмотрели тихое местечко. Потом договорились в лесничестве и завалили большое старое дерево, но так, чтобы ты мог распилить его на дрова. А дальше дело техники. Ты всё время был у меня под присмотром, я от ноутбука взгляд не отрывала. А когда ты приехал сюда, я просто заглушила двигатель. Вот и вся история. Мы только не ожидали, что ты Весту за волка прирешь.

Лёва с жадностью выпил, занюхал рукавицей и опять протянул Серёге стакан.

— Таня, как ты могла? Я же тут чуть с ума не сошёл от страха. А если бы я замёрз и подох?

— Исключено. Мы были от тебя в пятистах метрах и отлично слышали, как ты тут ножовкой орудуешь. Если бы затих, то сразу бы примчались. Согласись, что это безопаснее, чем

прыгнуть с парашютом или полететь на тарзанке. А ты, Лёвушка, молодец. Прямо герой! Я тобой горжусь.

Коля с Серёгой достали лопаты и закидали костёр снегом. Татьяна разблокировала двигатель, завела машину и сунула Лёвину зарядку от телефона в бардачок.

— Ну что, — сказала она. — Можно возвращаться.

Всю обратную дорогу Лёва проспал на заднем сидении. А когда он поднялся в квартиру, то увидел украшенную ёлку, купленную Татьяной на соседнем развале.

Женщина в окне автомобиля

Погода измучила капризами. Вела она себя непредсказуемо, словно женщина в примерочной магазина одежды: и это не так, и то не эдак. Снег сменялся дождём, дождь — снегом. Температура на улице отплясывала вприсядку. Ночью падала до минус двадцати, а к полудню взлетала до ноля, а то и выше. Я застрял в мёртвой нескончаемой пробке на нечищенной дороге, размышляя о преимуществах больших машин. Но недостаток у высокого автомобиля всё же есть: сверху хуже просматривается салон соседней машины. А когда от сигарет уже тошнит и о купленном на заправке кофе остались лишь воспоминания да коричневая засохшая пенка на стенках картонного стакана, хочешь того или нет, начинаешь крутить головой и изучать то, что происходит в салонах стоящих рядом машин. И хотя, возможно, это напоминает подглядывание в окна дома напротив, в борьбе между этичностью и любопытством побеждает второе. Конечно, можно закрыть глаза и слушать радио, но когда

на всех программах одни и те же новости, а любимая волна в третий раз за час ставит «не наточены ножи», то кроме того, как выключить магнитолау и глазеть по сторонам, ничего не остаётся.

На пассажирском сидении стоящего слева замызганного «Рено» сидела женщина лет тридцати пяти и смотрела в окно. Вздёрнутый нос и плотно сжатые губы. Воротник серого пуховика чуть прикрывал её подбородок, кроткие тёмные волосы, торчащие встрепенувшимся ёжиком, придавали образу кокетливое озорство. Сначала мне показалось, что она рассматривает переднее колесо моего авто, но потом я понял, что взгляд её устремлён в никуда. Бывает такой взгляд: смотришь, но ничего не видишь. Мелькнула мысль, что она просто мечтает, и, хотя стекло с мутной паутиной грязи сильно искажало, я рассмотрел слёзы в её широко открытых глазах. В какое-то мгновение слезам не хватило места и они покатались по щекам. Женщина, не обращая на это внимания, продолжала смотреть в пустоту.

«Почему она плачет?..» — подумал я.

На это вопрос у меня найдётся масса ответов, от банальных «умер кто-то из близких» до абсурдных «не разрешили лететь в космос»... Но здесь мне ни банальностью, ни абсурдом отделиться не удалось. Не знаю почему, но мне кажется, что женщины в разных ситуациях плачут по-разному. Эта плакала из-за любви, а вернее, из-за того, что её нет.

Женщина упёрлась лбом в стекло, которое тут же начало запотевать, скрывая нос и губы. И остались только глаза, большие и печальные. Она протёрла стекло рукой, и я заметил на правой руке обручальное кольцо.

Желание узнать, кто же сидит за рулём, толкнуло на риск. Я двинулся вперёд и чуть не поцеловал кенгурятником бампер впереди стоящей машины. Женщина заметила манёвр, скользнула по мне безучастным взглядом и снова уставилась на колесо. Сколько же печали было в этом взгляде! Водителя я толком не разглядел. Мне были видны лишьдвигающийся вверх-вниз острый подбородок и правая рука с массивной печаткой. Судя по подбородку, водитель что-то быстро говорил и с силой колотил ладонью по ободу руля. Чем чаще двигалась его рука, тем сильнее женщина вжималась лбом в стекло.

Минут через тридцать пробка продвинулась на пару метров вперёд.

«Что же она такого сделала? — подумал я. — Мужик явно её за что-то отчитывает. Ну всякое бывает, но стучать по рулю в течение получаса и при этом постоянно что-то говорить — это уже перебор. Тут два варианта: или мужик псих, или она сотворила нечто невообразимое, за что остаётся только убить».

Сизый дым из выхлопных труб урчащих машин тянулся вверх, сливался в едкое облако и накрывал пробку душным туманом.

Неожиданно женщина открыла дверь и вышла на дорогу. Валивший с неба крупный влажный снег моментально прилип к волосам и ресницам, превратив её в Снегурочку. Она накинула капюшон, подошла к задней двери, открыла её и схватила с сидения сумочку с длинным тонким ремешком. Забросила его на плечо и уверенно пошла вперёд между плотными рядами машин.

Мужчина высунулся в открытое окно и что-то кричал. Снег набивался ему в рот, словно старался заткнуть его.

Не оборачиваясь, женщина небрежно отмахнулась от несущихся ей вслед криков. Обручального кольца на пальце уже не было.

Из открытых дверей «Рено» грохотала музыка:

*Я на тебе, как на войне,
А на войне, как на тебе.
Но я устал, окончен бой,
Беру портвейн, иду домой.
Окончен бой, зачах огонь,
И не осталось ничего...*

Любовь с первого взгляда

Джулис любили, и она была счастлива. Она тоже любила и от этого была счастлива вдвойне. Стёрлись в памяти детали первой встречи. Осталась только общая размытая картинка: его удивлённо-восторженный взгляд и лёгкое прикосновение руки. Ей тогда этого было достаточно. А когда он склонил голову, чуть коснувшись её носом, вдохнул едва уловимый аромат, Джулис стало неловко.

«Странно, мы же не зверюшки, чтобы принюхиваться друг к другу», — подумала она, но, почувствовав прикосновение его гладко выбритой щеки, успокоилась.

Илья тоже помнил их знакомство. Как-то он зашёл в летнее кафе, уселся за столик на улице и заказал большой капучино в широкой белой фарфоровой чашке с золотистым ободком. Илья сделал глоток, посмотрел по сторонам и увидел её.

В магазине через дорогу, у большого панорамного окна, стояла Джулис. Лучи небольших ярких лампочек, освещавших витрину, попадали на неё, делая её кожу блестящей, как у моделей на фотографиях в роскошном глянцевом журнале.

Джулис тоже сразу заметила его. Так бесцеремонно её никто ещё не разглядывал. Ей хотелось улыбнуться, но сделать это не позволяло строгое воспитание. Вот если бы он подошёл, говорил, тогда, конечно, другое дело. Она прекрасно понимала, что надо держать душу на замке и не открываться первому встречному. А порой так хотелось...

Илья допил кофе и расплатился. Он покрутил между пальцами банковскую карту и ещё раз взглянул на Джулис. Илья почувствовал, что сердце застучало необычно волнительно, словно в предвкушении чего-то нового и необыкновенного. Ему показалось, что Джулис едва махнула удивительно тонкой ручкой, на которой блеснуло кольцо.

«Ну уж точно не обручальное! — улыбнулся он и сунул карту в кошелёк. — Хватит раздумывать, а то потом жалеть буду».

Илья поднялся и решительно направился в магазин.

Джулис сияла от радости: «Идёт, идёт! Точно ко мне. А он милый, и даже очень!»

Покупателей в зале не было. Несмотря на прохладу, Илья почувствовал, как на лбу проступили крупные капли пота. Он посмотрел вверх и встал под струю воздуха, вырывающуюся из натужно гудящего кондиционера. Достал носовой платок, промокнул лицо и, набрав воздух, громко выдохнул.

Из магазина они вышли вместе. Илья, взяв Джулис под руку, гордо вышагивал по разогретому солнцем асфальту в сторону парка.

Раскидистый куст прикрыл тенью одиноко стоящую лавочку. Лучи солнца пытались пробиться сквозь густую зелень, но им это не удалось, и в отместку они мучили листву палящим жаром.

Устроившись на лавочке, Илья рассматривал кольцо на изящной ручке Джулис. Конечно, оно было не обручальным: простенькое, покрытое лёгкой позолотой. Мелкая, едва заметная гравировка Julis дополняла его незатейливой элегантностью.

Обычно разговорчивый Илья молчал. Ему казалось, что он растерял все слова, а может, их и вовсе больше не существует. Остались только чувства и прикосновения. Мимо сновали люди. Проходящие мужчины, сбавляли шаг и украдкой поглядывали на Джулис, которая не обращала на них никакого внимания. Рука Ильи едва касалась её, но в этом прикосновении чувствовалась уверенность и надёжность.

Через час они были у него в квартире.

Илья, оставив Джулис в комнате, молча ушёл в ванную и встал под душ. Вода ударила прохладными колючими струями. Они стекали по голове и плечам, смывая лёгкую нервозность. Напевая, Илья вытерся, обмотался мягким, тонким полотенцем, сунул ноги в шлёпанцы и зашёл в комнату.

Она вальяжно лежала на столе. Блёклый луч дневного света, пробившись через сетчатый тюль, блуждал по её нежной коже. Илья придвинул стул, сел к столу и взял её в руки.

«Хорошо всё-таки, что купил! — подумал он, расстёгивая молнию. — Зря сомневался! Пусть дорого, но она этого стоит. Надо это дело обмыть!»

Он поднялся, прошёл на кухню и достал моментально запотевшую бутылку пива.

Стильная кожаная папка для бумаг фирмы «Джулис» с тонкой плетёной ручкой осталась лежать на столе. Золотистое колечко с гравировкой отражало солнечный свет и разбрасывало его по стенам мелкими брызгами солнечных зайчиков.

Лепёшки из тандыра

Левон вышел из здания городской администрации, перешёл дорогу и сел на тенистую скамейку небольшого сквера. Встревоженная стайка ленивых голубей, зашелестев крыльями у его ног, на миг взметнулась, но тут же опустилась на землю. Левон вытащил из файла несколько листов бумаги, усеянных водяными знаками, и, стараясь ничего не упустить, начал внимательно читать. Закончив, он облегчённо выдохнул и позвонил жене.

— Асмик, привет! Всё в порядке, документы получил, пристрой наш!

— Слава Богу, слава Богу! — затараторила Асмик. — Ты когда будешь?

— Скоро, солнце! Я в сквере. Сижу и ещё не могу поверить, что у нас всё получилось.

— Левончик, не расслабляйся! Всё только начинается. Приезжай скорее, я жду. Целую!

— И я, — ответил Левон, отключил телефон, поднялся и пошёл к припаркованной на стоянке машине.

Старенькая «шестёрка» долго чихала, ворчала и не хотела заводиться.

— Ну давай, родная! — уговаривал её Левон. — Ты же меня

всегда выручаешь! Понимаю: возраст и тебе давно пора на пенсию. Потерпи немного. Пойдёт бизнес, куплю другую и отстану от тебя. Обещаю.

Машина, словно поверив его словам, громко выстрелила выхлопной трубой и завелась. Левон выехал на дорогу и пристроился в хвост вереницы автомобилей.

«А ведь Асмик права, — подумал Левон. — Всё только начинается. Купить заброшенное помещение — это лишь полдела. Я и представить не мог, что эта эпопея затянется на девять месяцев. Какая-то никому не нужная развалюха пустовала и ветшала лет пять, но как только я проявил к ней интерес, она сразу понадобилась всем, кто раньше от неё открещивался. И администрации, и магазину, к которому она пристроена. Да ладно, теперь пристрой мой. Кредит одобрен. Надо делать ремонт, покупать оборудование и начинать работать. У Асмик золотые руки! За нашими лепёшками из тандыра очередь будет выстраиваться. Дела наладятся, и кредит выплачу, и машину поменяю. Квартиру надо купить, полтинник скоро, хватит на съёмной жить».

Через час Левон приехал домой. Услышав щелчки открывающегося замка, Асмик вышла в коридор и обняла мужа.

— Я горжусь тобой! — вскрикнула она. — Ты — победитель!

— Без твоей поддержки я бы давно руки опустил, — улыбнулся Левон. — Всё, что я делаю в этой жизни, всё для вас. Для тебя, дорогая, и для нашего Сурена.

— Он уже два раза звонил, — сказала Асмик. — Тебя не стал беспокоить, вдруг занят. Просил, как приедешь домой, набрать его. Так что позвони и мой руки. Будем праздновать! Я кюфту приготовила.

— Кюфту?! Отлично! И когда ты всё успеваешь?

Асмик загадочно улыбнулась и ушла на кухню.

Левон набрал номер.

— Привет, сынок! Как дела? Как учёба?

— Привет, пап! Дела норм. Мама сказала, что всё получилось и у тебя скоро будет пекарня. Поздравляю! Я подумал: может, мне взять академ и приехать? Помогу тебе и с ремонтом, и с другими делами. Всё-таки семейный бизнес! Запустим, а потом вернусь и доучусь.

— Суренчик, спасибо, конечно! Но пекарня — это моя цель. Твоя — закончить университет и добиться успеха в Москве. Главное — научиться преодолевать трудности. Ты, конечно, не помнишь, мал ещё был, но когда мы в Россию перебрались, нам первое время очень тяжело было. Но мы смогли, а теперь даже своё дело открываем. Учись сынок и ни о чём не беспокойся.

— Хорошо, папа. Беру с тебя пример. Не забудь на открытие пригласить.

— Как без тебя, сынок! — засмеялся Левон. — Обнимаю! Будь здоров!

Пекарню открыли без лишнего шума, пафоса и разноцветных шариков.

— Какие же у вас сияющие лица! — восторгался Сурен, фотографируя родителей.

Левон и Асмик в белоснежных халатах и высоких поварских колпаках держались за руки, стоя у прилавка, и счастливо улыбались.

— Ну, начинаем! — сказал Левон и открыл входную дверь.

Первую неделю покупателей было немного. Жители соседних домов заглядывали ради любопытства — разузнать, кто обосновался в заброшенном пристрое, шум от ремонтных работ в котором не давал им покоя около полугода. Осматривались и, поддавшись на уговоры Асмик, нехотя покупали тёплые, благоуханные лепёшки.

Левон затосковал. Подходило время выплаты взноса по кредиту, но денег на это не было. Асмик, глядя на мужа, заметно нервничала и потирала виски, чтобы разогнать накатывающую головную боль.

— Не волнуйся, — успокаивал Левон. — Ты же меня знаешь! Я обязательно что-нибудь придумаю. Это мои проблемы, и мне их решать.

— Левончик, это наши общие заботы, но я не знаю, что делать. Остаётся только молиться.

— Согласен! — Левон обнял жену. — Ты молись, а я буду думать.

Через пару дней рабочие закрепили над козырьком пристроя пузатые ярко-зелёные пластиковые буквы «Лепёшки из тандыра». В окружении серых домов эта надпись смотрелась притягательно-маняще, словно огромные сочные зелёные листья на фоне промозглой осенней сырости. Они не оставляли прохожим шанса проскочить мимо. И народ пошёл. Редко кто покупал по одной лепёшке, брали по две-три. А хозяин соседнего ресторана восточной кухни, пользующегося огромной популярностью, ежедневно заказывал по тридцать-сорок штук. И хотя Левон как заводной раскатывал тесто, мастерски прилеплял его к стенкам тандыра и большой деревянной лопатой

снял готовые лепёшки у прилавка, в ожидании свежей выпечки порой скапливалась очередь. Левон решил нанять помощников, ему хотелось освободить Асмик от тяжёлой работы.

Два молодых повара, недавно приехавшие из Армении, принялись за работу. Кроме лепёшек начали выпекать самсу, покрытую золотистой корочкой, таявшие во рту булочки с зеленью, рогалики с сочными кусочками курицы, обильно приправленными перцем, и сладкий назук. Левон мотался по продуктовым складам. Гружёная как навьюченный ишак «шестёрка», скрежеща по асфальту просевшим багажником, устрещающе ревела под непосильным весом мешков с мукой и лотков с курицей. Асмик занялась учётом. Опыта в этом деле у неё не было. Расчертив толстую тетрадь на колонки, она, словно первоклассник, тяжело дыша от усердия, аккуратно заполняла их цифрами. Раз в неделю она посвящала мужа в таинства своей бухгалтерии.

Левон, окрылённый успехами, строил планы на будущее.

— Знаешь, Асмик, — сказал он, — мне нужен твой совет. Зачем нам такой большой торговый зал? Может, передвинуть стенку и расширить цех? Поставим ещё один тандыр, купим печи. Поваров ещё возьмём, а то парни уже с ног валяются. К нам и так со всего города люди приезжают. Я прикинул: раза в два доход увеличится, тогда и кредит быстрее отдам. А потом машину поменять можно и о покупке квартиры задуматься. Ты согласна?

— Левончик, как я могу не согласиться с тобой? Ты всё делаешь правильно, — улыбнулась Асмик.

Через полгода кредит был погашен.

— Какие же мы молодцы! — ликовал Левон.

Он подхватил жену на руки и закружил по комнате.

— Хватит, хватит! — заливаясь смехом, закричала Асмик.

— Пльвёт уже всё перед глазами. Поставь, а то ещё телевизор снесёшь!

Левон, тяжело дыша, остановился и обнял Асмик.

— Пошли обедать, — предложила она и пошатываясь пошла на кухню.

Левон сел за стол и повёл носом, принюхиваясь к аромату.

— Отгадаю с одного раза, — сказал он. — Сегодня у нас лобашу. Угадал?

— Конечно, угадал, — кивнула головой Асмик, наливая в глубокие тарелки густой суп из красной фасоли. Она украсила его мелко нарезанным зелёным луком и поставила перед Левоном.

Он дождался, когда Асмик сядет, и сказал:

— Мне кажется, что нам пора «захватывать» город!

— Та-а-ак... — Асмик удивлённо посмотрела на мужа и положила ложку на стол. — Это что-то новенькое!

— Понимаешь, — продолжил Левон, — сейчас по нашему опыту многие захотят открыть подобные цеха. Надо всех опередить. Нам нужна сеть. Небольшие пекарни во всех районах. Я уже название придумал — «Выпечка из Армении». Как тебе?

Асмик покачала головой.

— Левончик, делай как считаешь нужным. Ты давай-ка ешь, пока суп не остыл.

— Да, и ещё, — не унимался Левон. — Бывает, что к закрытию кое-что остаётся непроданным. Мы же не можем встретить первых покупателей старой выпечкой! Не наш метод. Как думаешь, а?

— Левончик, давай поедим спокойно, — ответила Асмик и принялась уплетать суп.

Когда они закончили, Асмик вымыла посуду и заварила чай в пузатом, расписанном восточным орнаментом чайнике. Она села за стол и подпёрла лицо ладонями.

— Я подумала. Знаешь, Левон, я постоянно молю Бога о помощи, и, судя по всему, он слышит меня. Значит, и ты должен помогать людям. Ты весь в делах, и не замечаешь, что творится вокруг. Я на днях такое увидела, что слёзы навернулись, а ночью вообще не спала — словно гиря на сердце повисла. Всё тянула и тянула.

— Что случилось? — нахмурился Левон.

— В магазин наш ходила, а там охранник к контейнерам мусорным повёз тележку с просрочкой, так бабульки его атаковали, в сторону оттеснили и на продукты набросились. Хватали не глядя. Что получилось зацепить, то и ладно, лишь бы успеть быстрее других. Ужас! Бабульки-то эти из ближайших домов. Так вот, Левон, начинай-ка каждый день с доброго дела, раздавай то, что осталось, пенсионерам. Они тебе благодарны будут, да и Господь добрые дела видит.

Левон задумался.

— Верно говоришь, но не всегда же товар остаётся.

— А ты специально для них побольше пеки. Им изысков не надо, а лепёшка — какое-никакое подспорье. А от нас не убудет.

Прошло совсем немного времени, а Левон уже знал в лицо всех живущих поблизости пенсионеров. Встречая их на улице, он учтиво раскланивался, а те с благоговейной преданностью заглядывали ему в глаза.

— Левончик наш! — шептали они и крестили его вслед.

Новость об удивительном человеке, который бесплатно раздаёт хлеб, промчалась по городу со скоростью сходящей с гор лавины. Её подхватили журналисты и взхлёб растиражировали в своих репортажах. Утром, к открытию, у пекарни собралось человек пятьдесят. Увидев пенсионеров, Левон остолбенел.

— Господи, — прошептал он, — это конец! Что теперь делать?!

Протиснувшись через толпу, он поднялся на крыльцо и поднял руку. Гул как по команде стих.

— Дорогие мои, — громко сказал Левон. — Лепёшек на всех не хватит. Вы неправильно поняли. Да, я помогаю старикам, но только живущим в соседних домах. Я не могу обеспечить весь город, поймите меня!

На мгновение повисшую тишину прервал дребезжащий, визгливый крик:

— Почему одним бесплатно, а другим нет? Мы, что, не люди? Или другого сорта?

— Что вы, что вы! — замахал руками Левон. — Я бы рад помочь всем, но я не могу работать в убыток.

Толпа недовольно загудела и, смятая первые ряды, двинулась на Левона. В ужасе он заскочил в пекарню, запер дверь изнутри и заорал:

— Ашот, вызывай полицию, нас сейчас разорвут!

Разъярённые пенсионеры колошматили кулаками в двери, и только треснувшее от ударов стекло чуть остудило их пыл. Приехавший участковый с большим трудом оттеснил разбушевавшихся людей. Немного пороптав, старики разошлись.

Полицейский тяжело выдохнул, вытер со лба пот, зашёл в пекарню и на всякий случай закрыл за собой дверь.

Он положил фуражку на прилавок и прошипел сорванным голосом:

— Налей-ка водички, Левон.

Осушив стакан двумя большими глотками, участковый покачал головой.

— Ох, Левон, ну и заварил ты кашу! Не знаю даже, как теперь выкручиваться будешь.

— А чего выкручиваться? Разошлись все, и ладно.

— Налей ещё водички, — попросил участковый.

Он снова залпом выпил.

— Не знаешь ты, Левон, стариков. У них же закалка — ух! Привыкли писать в партком, горком. Да и обиды они больше не прощают. Натерпелись. А внуки у некоторых — хоть сейчас в колонию. Так что держись теперь! Ну, будь здоров! Пошёл я.

— Что теперь делать будем? — спросил Ашот.

— Работать! Других вариантов нет, — ответил Левон и распахнул входную дверь.

Участковый оказался прав, спокойная жизнь у Левона закончилась. Проверки, как штормовые волны, нахлынули на пекарню. Не успевал Левон очухаться от одной, как его накрывала другая. Проверяющие оформляли акты, строчили предписания, выписывали штрафы.

В один из вечеров за ужином Левон сказал жене:

— Теперь я знаю, что чувствует белка в колесе. Мне кажется, этот кошмар никогда не закончится. Асмик, у меня больше нет сил оправдываться. Теперь в прокуратуру вызывают, говорят, что поступила жалоба, якобы я присвоил бюджетные деньги,

которые выделили на хлеб для пенсионеров. Ты представляешь? Я устал воевать, я устал менять битые стёкла витрин, ремонтировать сломанный дверной замок. Почему они такие злые? Мы же хотели как лучше...

Асмик сильно изменилась за эти трудные месяцы проверок. Всё чаще болела голова, она осунулась, появившиеся морщины мгновенно состарили её, превратив в старуху. Она, чувствуя вину за происходящее, изводила себя беспокойными мыслями. Испытывая жуткую сонливость, Асмик почти не спала ночами. Она уходила на кухню и, не включая свет, садилась у окна, пристально глядя в тревожную темноту.

В больницу её увезли на скорой.

— Что с ней? — Левон схватил доктора за рукав халата.

— Я повторяю Вам, — нахмурился врач, — все ответы — после обследования. Езжайте домой, Вашей жене нужен покой. Здесь она будет под присмотром.

Результатов обследования Асмик не дождалась. Она умерла через два дня от геморрагического инсульта...

Левон встретил Сурена в аэропорту. Они ехали по широкому шоссе в свете ярких придорожных фонарей. Старенькая «шестёрка», не привыкшая к большим скоростям, грохотала как танк, уничтожая тишину пустой трассы громкими выстрелами из выхлопной трубы.

Домой приехали около четырёх утра. Левон накормил сына и постелил ему на диване.

— Отдыхай, сынок.

— Как мы теперь, папа? — нахмурил густые брови Сурен.

— Что теперь? Теперь всё. Послезавтра прощаемся с мамой, ты уедешь учиться, а я продам пекарню и поеду в Арме-

нию. Подхороню урну с маминым прахом к могилке её отца. А в Россию я больше не вернусь. Меня тут больше ничего не держит. Ты ложись, Суренчик, поспи, а я пойду.

— Куда ты, папа? Такая рань!

— Понимаешь, сынок! — закричал Левон. — Я хочу сегодня в последний раз замесить тесто!

Он вытянул руки ладонями вверх и широко растопырил пальцы.

— Сам замесить, вот этими руками. Я вложу в него всё своё добро, всю скорбь и обиду. Это будет самое лучшее тесто. И пусть те, кто будет есть мои лепёшки, почувствуют это, и, может быть, тогда они всё поймут и станут хоть чуть-чуть добрее.

Он поднялся, обнял сына и быстро ушёл.

Левон вышел из машины, вытаращил глаза и схватился за голову. От выгоревшей пекарни остался искорёженный огнём, закопчённый металлический каркас. Лёгкий ветерок лениво разгонял остатки едкого дыма. Уставшие пожарные неторопливо скатывали рукава, которые хлюпали, выплёвывали остатки воды и становились похожи на спящих змей, свернувшихся в клубок. Левон в ужасе попятился и натолкнулся на молодого лейтенанта, который курил, положив шлем на подножку красного с белыми полосами КамАЗа. Лицо его было перепачкано сажей, с прилипших ко лбу волос стекал пот.

— Аккуратней, — пожарный подхватил Левона за локоть.

— Прости, — прохрипел Левон, едва сдерживая слёзы.

— Ты бы шёл отсюда, дядя, — сказал лейтенант. — Нахватал дыма в глаза, потом болеть будут.

— Да что там! Уже всё равно.

— Чётко мы сработали, — улыбнулся пожарный. — Ещё чуть-чуть, и пламя бы на магазин перекинулось. Отлично справились: очаг ликвидировали и никто не пострадал.

— Очаг? — переспросил Левон.

— Ну да. Тут пекарня была. Сожгли.

— Сожгли? — удивился Левон.

— Как пить дать, сожгли! И без экспертизы понятно. Попыхало со всех сторон. Ровнёхонько. Видимо, вкруговую бензином облили.

Пожарный бросил окурок и вдавил его в землю пыльным сапогом.

— Ладно, дядя, пойду к ребятам. А ты глаза промой хорошенько тёплой водой.

Он оглянулся и, увидев «шестёрку», хмыкнул:

— Твоя?

— Да.

— Классная! У деда моего такая была, и цвет тот же — какао. Сгорела. Вот я в пожарные и пошёл. Такую же возьму, люблю в машинах копаться.

Левон на секунду задумался, полез в карман и достал ключи от машины.

— Держи, — сказал он и сунул ключи лейтенанту в руку. — Забирай, она твоя! Документы под козырьком. Прощай!

— Дядя, ты чего? — забормотал пожарный. — Дядя, так нельзя. Подожди...

Но Левон не слушал, он быстро уходил от сгоревшего павильона, над козырьком которого совсем недавно светились ярко-зелёные пластиковые буквы «Лепёшки из тандыра».

Волшебная луна

Никита закрыл ноутбук, выключил в гостиной свет и зашёл в спальню.

— Ничего себе колотун! Проветрил так проветрил! — возмутился он, подскочил к окну и с силой захлопнул его. — Как же я забыл? Надо завязывать бухать. Фиг заснёшь теперь.

Поёживаясь, Никита быстро разделся, юркнул под одеяло и погасил ночник. Он закрыл глаза, но сонливость, накопившая десять минут назад, исчезла, не оставив и следа. Никита повернулся на бок и уставился в окно.

Выщербленная луна тусклым прожектором подсвечивала кудлатые облака. Мелкие снежинки опадали блестящими искрами.

«Ну прямо как в сказке, — подумал Никита. — Видимо, там, наверху, плевать хотели на земные проблемы. Или эксперимент какой-то замутили. Натё, жалкие людишки, головняк, а мы тут с высоты посмотрим, справитесь или нет.

Он взглянул на наручные часы. На чёрном табло светились красные жирные цифры.

— Блин, — пробормотал Никита, — двадцать три пятьдесят пять, ещё чуток — и первое декабря. Жесть. Месяц до нового года. Скорее бы уже. Надоело. Чёртов високосный год, когда он уже закончится?..»

Проблемы у Никиты начались в первых числах апреля.

Небольшая типография, в которой он проработал около десяти лет, начала терять клиентов. Ещё в феврале по договорам с театрами, ресторанами и кинотеатрами они пачками печатали

рекламные буклеты и афиши, но с началом карантина заказчики затащили потуже ремни и притихли.

Шеф вызвал Никиту к себе.

— Всё, Никита Сергеевич, конец нам пришёл. Не справлюсь я. Кто бы мог подумать, что вот так, в один день, я потеряю всё. Мне уже сегодня за аренду нечем платить. И съехать не получается. Оборудование-то куда деть? Короче, труба дело. Ты мне за эти годы как родной стал. Но делать нечего.

Шеф взял со стола конверт с логотипом типографии и протянул его Никите.

— Держи, это отступные. Полтинник. Больше не могу, хоть убей. Одно обещаю: если вдруг каким-то чудом выкарабкаюсь, сразу тебя найду. Ты большой специалист. А сейчас — прости.

— Спасибо, — ответил Никита, пожал шефу руку и, прислушиваясь к глухим ударам сердца, вышел из кабинета.

Впервые за тридцать прожитых лет он испытал жгучую потребность выпить.

Проблем со спиртными напитками в доме не было. Благодарные клиенты щедро одаривали Никиту дорогими экзотическими напитками, а уж бутылок коньяка и виски накопилось столько, что можно было запросто напоить грандиозную свадьбу.

И Никита запил...

Из-за карантинных нововведений шансы найти новую работу с каждым днём уменьшались, небольшие сбережения таяли, и жизнь медленно, но уверенно меняла окраску: яркие цвета превращались в нудную серость. Через пару месяцев ушла Лена. Она собрала вещи и разразилась гневной тирадой, из которой Никита узнал о себе много нового.

— Три года ты украл из моей жизни! Три года! Хорошо, что ещё не расписалась с тобой, паспорт штампом не испортила. Права была мама, ох, права! — крикнула она напоследок и пошла к двери.

У порога Лена оглянулась и презрительно окинула Никиту взглядом.

— Какой же ты жалкий... Хочешь на прощание совет? — с придыханием прошипела она. — Сбрей эту мерзкую бороду! Хотя нет. Оставь. Ты с ней похож на обезьяну!

«Ну что? Значит, не судьба», — подумал Никита и закрыл за Леной дверь.

Он покачиваясь добрёл до небольшой кладовки, взял веник и тщательно подмёл пол.

С тех пор в квартире он не убирал...

За окном раздухарился ветер. Ленивые снежинки больше не казались блестящими искрами, они радостно металась из стороны в сторону и, слипаясь друг с другом, превращались в лохматые клубочки. Никита снова посмотрел на часы.

«02:02», — высветилось на экране.

Никита довольно улыбнулся: он считал, что в таком совпадении чисел есть что-то магическое, а значит, притягательное-волшебное.

«Может, пойти коньячка хлебнуть? Так, чисто для сна. Или не пить? Сколько раз зарекался? И каждый день опять начинаю по чуть-чуть, а к вечеру — в хлам ... А страх-то всё равно не проходит. Как же дальше жить? А главное — на что?»

Он поднялся, сунул ноги в тапки и пошёл на кухню. Начатая бутылка коньяка и рюмка стояли на столе в боевой

готовности. Никита налил, поднёс рюмку к носу, втянул запах, зажмурился и залпом выпил. Коньяк обжигающей дорожкой прокатился вниз и горячей волной растёкся по телу. Никита закупорил бутылку, но, подумав секунду, открыл и сделал несколько больших глотков из горлышка.

— Ну теперь точно хватит, — сказал он и ушёл в спальню.

Коньяк сделал своё дело, и вязкая дремота принялась успокаивать гнетущие мысли, которые сопротивлялись и отбивали в висках барабанную дробь.

Никита лежал и глядел на мутную луну. Ему показалось, что она тоже смотрит на него. Смотрит пристально, выжидающе.

— Эй, — прошептал Никита. — Эй! Я не знаю, кто ты, но прошу, услышь меня и вытащи из этой ямы. Слышишь? Вытащи. Давай договоримся? А? Помоги мне. Я даю слово, что больше никогда не буду пить, только вытащи. Обещаю. И пусть этот поганый год поскорее закончится.

Утро началось с головной боли. Беспокойные мысли колотились, как невменяемые, пытаясь разорвать мозг. Никита босиком доковылял до кухни и протянул трясущуюся руку к бутылке. В глазах потемнело, и он увидел бледнолицую луну. Она смотрела на него ехидным взглядом и беззубо улыбалась.

Никита сел на стул.

— Так, значит мне это не приснилось? — подумал он. — Это я ночью спяну на самом деле кому-то слово дал? Кому-то... Понятно кому. А его обманывать нельзя. И что теперь делать?..

Он облокотился на стол, зажал голову ладонями и, подвывая, начал раскачиваться взад-вперёд.

Через пару минут выть надоело, и Никита встал.

— Что делать — что делать? Терпеть. Не зря говорят: Бог терпел и нам велел.

Он взял бутылку, открыл её и решительно вылил коньяк в раковину. Налил в кружку холодной воды из-под крана и с жадностью выпил.

Никита, уже не раздумывая, позвонил в парикмахерскую и записался на стрижку.

Половина кресел в просторном зале была обмотана сигнальной лентой, будто это была не парикмахерская, а место преступления. Жеманный барбер в медицинской маске посадил его на свободное место и накрыл пеньюаром. Усевшись поудобнее, Никита с интересом наблюдал, как в большом, подсвеченном яркими лампами зеркале преобразается его внешность. Мастер, оттопырив мизинцы, ловко орудовал ножницами и не переставая что-то говорил. Никита задремал. Проснулся он, когда с причёской всё было закончено и барбер принялся за бритё.

Всю неделю Никита наводил порядок в квартире. Стирал, пылесосил, вытирал пыль и мыл полы. Когда на улице темно, он выносил к мусорным бакам пустые бутылки, уложенные в заранее натасканные из магазина коробки.

В понедельник утром зазвонил телефон. Увидев на дисплее надпись «Шеф», Никита схватил трубку.

— Здравствуйте, — сказал он.

— Привет, Никита Сергеевич! Как жив-здоров?

— Спасибо, здоров.

— Это хорошо. Работаешь?

— Нет.

— Отлично. Значит так, Никита Сергеевич: бери ноги в руки и приезжай в типографию. Жизнь продолжается. Друзья помогли выиграть тендер. Теперь на ближайшие три года работой обеспечены, а там, глядишь, и наладится всё. Готов к труду и обороне?

— Готов! — воскликнул Никита. — Спасибо. Через час буду. Он улыбнулся, посмотрел в окно и сказал:

— Работает, луна, работает!

Вечером Никита заехал в супермаркет. Дорожка к кассиру была обозначена хромированными переносными столбиками с натянутой сигнальной лентой. Такая же лента была наклеена на полу, с шагом в два метра, чтобы покупатели соблюдали положенное расстояние друг от друга. Надписи с просьбой надеть маски и соблюдать дистанцию висели над каждой витриной.

Никита подкатил тележку к кассе и выложил продукты на стойку. Кассир быстро пробил товар и сложил его в пакет.

Дразнящий и волнующий запах духов пробивался через маску. Никита принюхался. Повернулся и увидел рядом молодую женщину. Не обращая внимания на объявления, призывающие соблюдать дистанцию, она стояла вплотную к нему. Лицо женщины разглядеть было невозможно. Отороченный мехом капюшон пуховика полностью прятал лоб. Розовая маска с красными сердечками плотно закрывала нос и рот. Видны были только чуть раскосые глаза: зелёные с коричневыми крапинками.

Никита решил пошутить.

— Вы знаете, — начал он. — Я и представить себе не мог, что когда-нибудь скажу эту фразу симпатичной женщине. Но сегодня, в разгар пандемии, решусь. Отойдите от меня на полтора метра!

Во взгляде женщины мелькнуло озорство. Улыбнулась она или нет, Никита заметить не мог — губы прикрывала маска.

— Смешно! — сказала она.

«Ни фига не смешно. Наоборот, как-то коряво получилось», — подумал Никита, расплатился и вышел из магазина.

Он сложил пакеты с продуктами в багажник и посмотрел на часы.

«Девятнадцать часов девятнадцать минут», — показал циферблат.

Никита довольно потёр руки, сунул их в карманы и устоялся на дверь супермаркета.

«Как всё относительно, — подумал он. — Мы смотрим на губы и верим фальшивой, приклеенной, бездушной улыбке. А на глаза не обращаем внимания. Настоящая правда и искренность в глазах. Её не сыграть и под маской не спрятать».

— Подождите! — крикнул он вышедшей из магазина женщине и подошёл к ней. — Простите меня за тупую шутку. Мне просто хотелось Вам что-нибудь хорошее сказать. И вот, как-то неловко получилось.

— Не страшно! — женщина сняла маску и улыбнулась. — В наше время все такие затурканные, что любой намёк на шутку вызывает радость. Так что мне понравилось. Я — Аля.

Она протянула ему руку.

— Никита.

Он скользнул взглядом и заметил, что у Али на пальце нет обручального кольца.

— Теперь после всего случившегося я просто обязан довести Вас до дома, — сказал Никита.

— Спасибо, не надо. Я в доме напротив живу, да и пакет у меня не тяжёлый: килограмм яблок.

— Тогда, может, по кофе?

— Так где сейчас попить? Лимит нынче на общение. Везде кофе с собой, а посидеть в зале в это время не получится, места заранее надо заказывать.

— Тогда, давайте, я в магазине возьму, мы в машине попьём?..

Он усадил Алю на переднее сидение, завёл двигатель и включил печку.

— Я ключи в машине оставляю. Не уезжайте далеко, — сказал Никита и ушёл в магазин.

Кофе закончился, и Никита отвёз Алю домой. На следующий день они снова встретились. До Нового года оставалось двадцать три дня...

Новый год они встречали у Никиты. Аля добавляла последние штрихи к закускам, украшая их веточками зелени. Никита смотрел в окно на падающий снег.

«Ещё месяц назад я хотел, чтобы это год скорее закончился и всё плохое осталось в прошлом, но теперь я хочу, чтобы он длился вечно. Какая разница, какой год? Любой приносит испытания и дарит счастье. Главное, не раскисать, а бороться, верить и улыбаться. Улыбаться искренне, душой и глазами. И тогда всё обязательно сбудется».

Никита посмотрел на луну и улыбнулся.

«Спасибо тебе за чудо! А на две тысячи двадцатый год я обиды не держу. Он ни в чём не виноват. Слышишь, луна? Я решаю ему не заканчиваться».

Аля оглядела тарелки с закусками и вытерла полотенцем руки.

— Вроде всё успели? — спросила она.

— Думаю, да! — ответил Никита.

Он обнял Алю за плечи и посмотрел на часы.

На чёрном табло ярко светились красные жирные цифры: «23:51».

Привычка

Наверное, у каждого наступает момент, когда вдруг ни с того ни с сего нас озаряет мысль о том, что мы живём как-то не так, делаем что-то не то. И в одно мгновение, схватившись за голову обеими руками, мы пытаемся всё изменить. И неважно, в каком возрасте это происходит: в двадцать, сорок или шестьдесят лет. Главное — понять и успеть всё исправить.

Вот и Виталий Иванович, проснувшись как-то утром, понял: больше так жить нельзя, надо что-то менять. Ведь уже пятьдесят, и пора уgomониться. Пора найти ту одну-единственную, которую он будет любить и лелеять. С которой будет коротать вечера, сидя у потрескивающего дровами камина. Ту, прикасаясь к которой, он по-настоящему сможет ощутить тепло, уют и спокойствие. Наверное, дело в том, что с годами Виталий Иванович изменился: стал тучным, ленивым, у него даже появился второй подбородок. Но несмотря на это, он так

же, как и раньше, ловил на себе заинтересованные взгляды дам всех возрастов.

Господи, сколько их было!..

Но одно дело решить, а другое — сделать, и расстояние между этими двумя определениями — вечность. Сложно избавиться от пристрастия, которое стало привычкой. Ведь многие годы всё шло по инерции, без особой любви, просто так, от нечего делать, а порой и от тоски. Вот так, день за днём, год за годом Виталий Иванович привык уходить от повседневных проблем, погружаясь в разовое мгновенное наслаждение, хотя отлично понимал, что последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми. Но жить по-другому уже не мог и чуть что хватался за каждую как за спасительную соломинку. А потом, тяжело дыша, думал: «Всё! Надо уgomониться! И прекратить раз и навсегда». Но проходило два-три дня, и всё закручивалось вновь.

Но в этот раз Виталий Иванович решил окончательно: возврата не будет! Первые три дня прошли относительно спокойно, но через неделю его начало трясти. Словно загнанный зверь, он шараялся из угла в угол, не находя себе места. Он готов был убить любого, но не убил лишь потому, что не знал, с кого начать. Ночью, просыпаясь в поту, он вырывался из-под прилипшей простыни, брёл в ванную комнату и вставал под душ.

«Это болезнь, — уговаривал он себя. — Болезнь, которая обязательно пройдёт».

Примерно через месяц стало легче. Запахи сочной весны вытеснили из души ощущения промозглой зимы.

А же где найти ту, ради которой можно бросить всё? И как понять, что это именно она? По выходным Виталий Ивано-

вич оставлял машину на парковке и часами слонялся по тихим переулкам и шумным улицам, заходил в мелкие лавчонки и торговые центры. Перед глазами мелькали лица людей и бесконечные отделы: парфюмерия, бижутерия, нижнее бельё. Где ещё можно было найти её, он не знал.

Проходя мимо отдела «Табачный дом», Виталий Иванович наконец увидел её и замер. Она была настолько красива, что даже он, видевший в жизни многое, растерялся. Если бы ему пришлось сейчас заговорить, то он бы не смог — во рту пересохло. Он отвернулся, быстро вышел на улицу и присел на лавочку в парке. И опять сомнения начали рвать сердце: «А может, зря я это всё задумал? Может, продолжать жить, как жил? Пока хватит здоровья и сил. Но в моем возрасте и с таким ритмом можно долго и не протянуть».

Неожиданно вспомнились слова из песни: «Но вы, вчерашние подружки, напрасно плачете по мне...»

Виталий Иванович махнул рукой, поднялся с лавочки и вернулся в магазин. Он зашёл в отдел, словно победитель, преисполненный достоинства, — неторопливо и надменно. Поздоровался с продавцом, повернулся к красотке и прошептал:

— Ты будешь моей!

А дома ждал сюрприз. Виталий Иванович, оставив красотку в комнате, зашёл на кухню и увидел одну из тех, с кем решил разорвать навсегда. Она лежала на подоконнике, закатившись за цветочный горшок. Ему даже показалось, что он почувствовал её аромат. Виталий Иванович вспомнил, как прикасался к ней губами, а она, наполняя его дурманом, сгорала от истлевающей её страсти. А что бывало потом? Стук в висках, горечь послевкусия и больше ничего.

«Как она здесь оказалась? — подумал Виталий Иванович. — Ведь уже месяц, как я избавился от них всех!»

Он аккуратно взял её двумя пальцами, поднёс к носу и втянул воздух. От высохшей сигареты ничем не пахло. Он скомкал её и выбросил в открытую форточку.

— Решил больше не курить, значит решил! — уверенно заявил он и вошёл в комнату.

Виталий Иванович сел в кресло и раскрыл бархатную коробочку, в которой лежала его красotka — изящная трубка «Данхилл», с которой он изредка собрался коротать вечера, сидя у потрескивающего дровами камина.

Караван

Какую профессию выберет их ещё не родившийся ребёнок, родители знали заранее. Его судьба была предрешена. С незапамятных времён во всех поколениях ветвистого рода были только зубные врачи. Поэтому уже через неделю после рождения Бориса началось бурное обсуждение, какую специализацию стоматологии он будет осваивать. Многочисленные родственники, вступив в ожесточённую дискуссию, разделились на две группы. Одна, как и папа Бориса, считала, что ребёнок должен быть протезистом. Мама же с группой поддержки доказывала, что лучше терапевтом. Началось настоящее противостояние двух кланов. И неизвестно, чем бы это всё закончилось, но вмешался дедушка Яша, негласно считавшийся в семье третейским судьёй. Он пригладил курчавую седую бороду и прекратил спор одной фразой:

— Мальчик вырастет и сам решит!

Родственники опешили: как же они сами не дошли до такого простого, но мудрого решения?!

На беду, зубы у Бори болели часто. Опасаясь причинить сыну боль, мама за лечение собственного чада не бралась. А поручить эту работу родственникам она боялась, полагая, что их квалификация недостаточно высока. Доверить сына она могла только заведованием, женщине с золотым характером и умелыми руками. К большому сожалению, лицо заведующей не соответствовало её внутреннему обаянию. Она была похожа скорее на ехидно улыбающегося французского бульдога. Медицинскую маску докторша не надевала, так как искренне верила, что её растянутые в улыбке, пухлые, ярко накрашенные губы успокаивают пациентов. Но отталкивающая внешность делала своё дело, ввергая больных в панику. Эта душевная женщина и представить себе не могла, что её слова «Открой ротик, солнышко», сказанные от чистого сердца, вызывали у них жуткое чувство страха, да такое, что они замирали с открытым ртом и боялись его закрыть. После очередного посещения доктора Боря понял, что ненавидит стоматологов, и с ужасом думал о предстоящем, пусть и нескором поступлении в медицинский институт.

К большой радости всей родни, у Бори оказался абсолютный слух. Часто на семейных праздниках он веселил близких, выстукивая вилкой по салатницам, рюмкам и фужерам различные мелодии. Разглядев в этом талант, родители отдали его в музыкальную школу. Учился Боря с удовольствием — музыка завораживала его. Как и вся молодёжь того времени, запоем слушал «Битлз» и «Роллинг Стоунз». А в день окончания

музыкальной школы родители устроили ему сюрприз: один очень предприимчивый пациент достал им билеты на группу «Арсенал», гастролирующую в городе.

Вечером папа, мама и Боря отправились на концерт. Боря вначале не понял, почему, когда на сцену вышел Алексей Козлов, люди поднялись с мест и стали аплодировать. Козлов приладил мундштук к саксофону, и зал в мгновение наполнился тишиной. Маэстро закрыл глаза и заиграл «Караван» Дюка Эллингтона. Боря, который никогда ранее не слышал саксофон, был на грани обморока. Бархатный звук, издаваемый инструментом, лёгким ветерком гнал озноб по всему телу. Ничего подобного Боря в жизни не испытывал, ну если только при первом поцелуе в шестом классе. Домой после концерта Борис шёл молча. Он боялся открыть рот, чтобы не растерять чувства, наполнившие его.

Боря заболел музыкой, заболел всерьёз. Родители поддались на уговоры и купили саксофон, наняли дорогого преподавателя, и вскоре Боря начал вполне прилично играть. Он занимался каждую свободную минуту. Прибежав из школы, зашвыривал портфель под стол и хватался за инструмент. Раз в неделю родителям звонила классный руководитель с жалобами.

— Понимаете, — визжала она в трубку, — Боря вроде бы на уроке есть, но его нет! Он смотрит не на доску, а в окно или в потолок, а в тетрадях вообще ноты пишет. Или покажите его психиатру, или после восьмого класса он пойдёт в ПТУ!

Перспектива не закончить школу родителей испугала, и тогда дома были поставлены жёсткие условия: или только четвёрки и пятёрки, или саксофон переезжает в папин сейф с охотничьим ружьём.

Убедившись, что родители не шутят, ультиматум Боря принял. Теперь, придя домой, он быстро делал уроки и мчался к репетитору, который работал преподавателем в музыкальном училище и видел в нём своего будущего студента. Первая серьёзная композиция, выученная Борей, была, конечно же, «Караван» Дюка Эллингтона.

Дома разразился давно зреющий скандал. Сдавать документы в медицинский институт Борис отказался наотрез.

— Я хочу быть музыкантом! — утирая выступившие слёзы, сопротивлялся он.

— Нет! — гремел на всю квартиру папин голос. — Музыкантом — только через мой труп! Ты будешь стоматологом и не прервёшь выстроенную годами династию!

Отчаявшись, Боря позвонил дедушке Яше, которому в то время хотя и было за восемьдесят, но он, как и прежде, разруливал все семейные конфликты, принимая соломоновы решения.

Выслушав внука, он сказал:

— Мой дорогой! У нашей семьи есть традиции, и ты не должен их нарушать. Получи на радость родителям медицинское образование. Пока учишься, оттачивай мастерство, а потом занимайся музыкой в своё удовольствие.

— Дед, — ответил Борис, — я не буду стоматологом, я ненавижу эту специальность!

— Хорошо, — согласился старик. — Выбери ту, которая более-менее по душе. Главное — в медицинском институте.

Ставить под сомнение решение дедушки Яши не мог никто.

Вечером Боря объявил:

— Если вам необходимо, чтобы я был врачом, то я буду гинекологом.

— Господи! — ужаснулась мама. — Почему гинекологом?!

— Мама! Сколько раз к тебе на улице подходили знакомые, открывали рот, тыкали пальцем в зуб и просили поставить диагноз?

— Да постоянно, — улыбнулась мама.

— Вот я и прикинул, — продолжил Борис, — на свете есть два врача, к которым на улице никто и никогда не подойдёт с таким вопросом — это гинеколог и проктолог. Проктологом я точно не буду, остаётся гинеколог.

На том разговор был закончен, и больше эта тема в семье не обсуждалась.

Боря учился. Вечерами играл в ресторане и сочинял пьесы для саксофона. И всё бы хорошо, но муза приходила к нему в самые неподходящие моменты, и это порой плохо заканчивалось.

Борин папа лет десять восстанавливал в гараже старенькую «Победу». Двигатель он отдал специалистам, сиденья на перетяжку, а тут подошла очередь на покраску. Папа поймал грузовичок и зацепил «Победу» тросом. Боря оглядел пустой салон, поставил вместо сиденья треснувший деревянный ящик из-под пива и насадил руль на торчащий стержень.

— Готов! — отрапортовал он, устроившись в машине.

— Поехали! — с улыбкой Гагарина крикнул отец и забрался в грузовичок.

Трос натянулся, и машина медленно выехала из гаража.

Боря делал всё, как учил отец: плавно тормозил и следил, чтобы трос не сильно провисал.

Вдоль дороги плавно тянулись деревья. Они словно приветствовали Борю, размахивая ветвями с раскрашенными бабьим летом листьями. Эти взмахи напомнили ему руки дирижёра, и в голове зазвучала музыка, протяжная и волнительная. Борис нервно захопал себя по карманам, вспоминая, в каком из них лежит лист нотной бумаги и ручка. В этот момент незакреплённый руль соскочил со стержня, и машина въехала в ближайшее дерево. Рассказать папе, что он разбил машину из-за внезапно нахлынувшей музыки Боря не смог. Такое известие добило бы отца окончательно.

Были и другие случаи внезапного появления музы. Но самый вопиющий произошёл после окончания института.

Борю распределили в гинекологическое отделение городской больницы. На первое время ему дали вести одну палату на восемь человек. В тот злополучный январский день Борис открыл окно в смотровой и отправился в палату за очередной пациенткой. Он уже довёл женщину до двери, как услышал первые звуки мелодии. Музыка доносилась издалека, нарастая всё сильнее и сильнее, захватывая его и подчиняя своей силе. Он взглянул на пациентку мимолётным равнодушным взглядом и нахмурил брови.

— Заходите, устраивайтесь на кресле, я сейчас подойду, ждите, — пробормотал он и рванул в ординаторскую. Там Боря плюхнулся на стул, вытащил из ящика стола папку и начал быстро набрасывать ноты. Но что-то не клеилось: музыка то исчезала, то появлялась вновь. Боря грыз ручку, почёсывал голову и нервно дёргал ногами. Закончив наконец, он удовлетворённо

выдохнул, сложил листок с записанной мелодией и направился в смотровую.

Каково же было его удивление, когда он зашёл в кабинет! На кресле, голая по пояс, сидела пациентка. Её раскинутые ноги, усеянные зябкими пупырышками, покрылись синевой. Морозный порывистый ветер через открытое окно закидывал женщину охапками мелких снежинок.

«Вот так номер! — подумал Боря и посмотрел на часы. — Забыл ведь про неё! Сорок минут просидела, бедняжка».

— Что же ты не слезла, дурёха? — с улыбкой спросил Боря, помогая пациентке выбраться из кресла.

— Потому что очоценела и пошевелиться не могла, придурок! — крикнула женщина и ковыляя вышла из кабинета, напоследок хлопнув дверью.

А уже через пятнадцать минут Бориса вызвали к главному врачу.

Медленно вышагивая по кабинету, тот сообщил, что, к большому сожалению, сегодня же уволить молодого специалиста нельзя, но по окончании интернатуры — чтобы ноги Бориной в больнице не было.

Борис сидел в полупустом баре, слушал джаз и потягивал кисловатое мутное пиво.

«Ну ведь неправильно всё! — думал он. — У меня же должна быть врождённая тяга к медицине, а не к музыке. Как же так получилось и что теперь делать? Столько лет сохранялась ди-настия, а сейчас из-за одного недотёпы всё рухнет! Я не могу так поступить. Ну а музыка? А музыка — потом. Я стану успешным врачом, пусть через силу, но стану, и родители будут мной

гордиться. Решено: саксофон к папе в сейф, а завтра же к главному врачу просить прощения».

Вечером Бориному папе позвонила дальняя родственница из Америки. Настолько дальняя, что о её существовании уже никто и не помнил.

— Ты шо, Марик, так и не узнаёшь меня? — скрипел в трубке её старческий голос. — Таки да, это я, Цива. Твой Боря переезжает ко мне. И не вздумай спорить! Мы с Яшей уже всё решили. Мне нужен медицинский уход, а Яша сказал, что Борюсик — идеальная кандидатура. Если есть возможность вырваться из вашей «эсэсэсэрии», таки пусть это будет он. Я сказала — не спорь, Марик! Отлично, шо гинеколог. Стоматолог мне не нужен, я уже сорок лет с протезами. Ты хочешь серьёзный разговор с Яшей? Так и я думаю, шо нет. Собирайте мальчика, я уже оформила все документы и отправила вам. Скоро получите.

Побледневший папа положил трубку.

Перед отъездом Боря пришёл попрощаться с дедом Яшей.

— Я сделал для тебя всё, что мог, — негромко сказал старик. — Ты настоящий музыкант, но при живых, дай им Господь здоровья, родителям тебе из медицины не вырваться. Ты уважаешь их, но при этом наступаешь себе на горло. Это не дело! Пусть закончится на твоём отце династия, езжай с Богом, и всё у тебя будет хорошо. И знай, в мире только двое так талантливо исполняют «Караван» — это ты и Козлов. Я горжусь тобой!

Американская тётушка оказалась довольно энергичной старушкой, не нуждающейся в помощи врачей. Она лихо прожигала жизнь и с лёгкостью расставалась с деньгами, оставшимися после смерти седьмого мужа. К тому же она очень любила

музыку и с удовольствием аккомпанировала Боре, с трудом нажимая клавиши рояля изуродованными артритом пальцами.

В одном из задушевных разговоров тётя Цива сказала:

— Ты знаешь, Борюсик, это ведь твой дедушка Яша меня разыскал и попросил за тебя. Моя семья обязана ему, и я не могла отказать в его просьбе. И нисколько не жалею об этом. Ты прекрасный мальчик, я рада, что ты тут со мной. Я завещаю тебе всё, что у меня есть. Поверь, это немало. Но при одном условии: на моих похоронах — никакого Шопена. Только ты и саксофон!

Рассказать, почему семья Цивы обязана деду Яше, тётушка так и не успела, поскольку через полгода ушла в мир иной.

Народу на кладбище набралось немало. Борис расстегнул футляр, достал саксофон, приладил мундштук и закрыл глаза. Томная, бархатистая мелодия, теряя силу, устремилась в небо. Люди, пришедшие проститься с тётушкой Цивой, мгновенно затихли и начали аплодировать.

Боря самозабвенно играл «Караван» Дюка Эллингтона.

Взгляд лося

Немощный рассвет лениво заглянул в запотевшее окно охотничьего домика. Юрий Михайлович облегчённо вздохнул, надел длинный прорезиненный дождевик, взял ружьё и вышел из избышки. Простуженное бабье лето, весь сентябрь всхлипывающее робкой, но занудной моросью, к концу месяца пошло на поправку. В первых числах октября захлебнувшийся

было дождями лес начал подсыхать. Листья, избитые острыми каплями и изрядно исхлётанные ветром, спешно покидали озябшие ветки. Они стремились к земле, чтобы вскорости обрести покой, укутавшись в мохнатый снег.

Юрий Михайлович остановился. Тягучий туман волнистой пеленой поднимался к небу, освобождая зелёные кудлатые ели от своих объятий. Закованное в свинец солнце, вырываясь на свободу, дырявило мохнатые сизые облака скупыми осенними лучами, которые, коснувшись верхушек величественных сосен, преломлялись в невысохших дождевиках и усыпали просыпающийся лес восторженными блёстками.

Пора лосиного гона подходила к концу.

Юрий Михайлович направился к поляне, на которой провёл вчерашний день в ожидании лосей. Раньше ему не удавалось выйти на крупного зверя, но мелкой добычи у него было достаточно: глухари, зайцы и даже маленький кабанчик. Но хотелось именно лося, статного, с мощными рогами, уверенного в собственной силе. Юрий Михайлович видел много фотографий охотников, позирующих на фоне окровавленных животных, убитых в спину, но он хотел другого. Хотелось встретиться с лосем взглядом, пусть через оптический прицел, но глаза в глаза. Чтобы понять, что чувствует зверь, когда в него целится человек. Получится ли прочесть в глазах ужас, безразличие или мольбу о пощаде.

Стараясь не нарушить хрупкую тишину, охотник осторожно шёл по тропинке. Тупоносые непромокаемые ботинки на рифлёной тракторной подошве чуть проваливались в землю, покрытую почерневшими лежалыми листьями, слегка подёрнутыми седой плесенью. Дождевик длинными лапами цеплялся

за торчащие корявые сучки близко стоящих обнажённых деревьев и иногда с треском надламывал их. Торопливый ветер подхватывал этот хруст, унося его в сторону охотничьего домика.

Юрий Михайлович устроился на поваленной берёзе, изуродованной длинными извилистыми трещинами, метрах в двадцати от вытоптанной поляны. В ту же минуту появилась лосиха. Она подняла голову и гулко застонала. От неожиданности охотник вздрогнул. Лосиха на секунду замерла, посмотрела в его сторону и принялась бить копытами по земле. Вырванный дёрн неровными комьями разлетелся в разные стороны.

Выдолбив неглубокую яму, лосиха легла в неё и начала тереться о землю, словно собака, предвещающая непогоду. Юрий Михайлович затаил дыхание и медленно стянул с плеча ружьё. Из глубины леса раздался звук ломающихся веток: на поляну, гордо подняв голову, вышел лось. Это был настоящий красавец — высокий, с большущей мордой. Шкура поблёскивала буро-чёрным отливом, на длинных мускулистых ногах она была белой, словно зверь нарядился в праздничные высокие гольфы.

— Вот он! — прошептал Юрий Михайлович, вытирая со лба пот. — Вот тебя-то я и жду!

Он вскинул ружьё, но дрожь в руках и тревожные удары сердца мешали прицелиться.

Сохатый осторожно подошёл к лежащей в гонной ямке лосихе и призывно рыкнул. Лосиха поднялась и, недовольно мыча, принялась щипать траву. Приняв её ответ как отказ, самец отчаянно затрубил. Ему хотелось доказать ей, что он лучший из лучших. Но соперников рядом не было, и лось обрушил свою ярость на старую сосну. Он бил её огромными рогами, вырывая из дерева шербающую кору. Возбуждённые животные,

потеряв осторожность, не заметили, что человек подошёл совсем близко и бесцеремонно разглядывал их.

Тяжёлая туча медленно затянула небо, лёгкий ветер усилился и поменял направление. Лось замер, мясистая верхняя губа его приподнялась, ноздри расширились и заходили, жадно втягивая запах опасности. Он повернул голову в сторону охотника. Через мощный прицел Юрий Михайлович увидел его взгляд. И не было в этом взгляде ни ужаса, ни мольбы о пощаде. Лишь надменность, гордость и уверенность.

«Ну вот и всё!» — выдохнул охотник и нажал на курок. Потом ещё раз, и ещё, и ещё.

Юрий Михайлович сидел в первом ряду в зале дворца культуры и напряжённо смотрел на человека, стоящего на сцене. Тот распечатал большой конверт, наклонился к микрофону и торжественно произнёс:

— Итак, дорогие дамы и господа! По единогласному решению жюри первое место присуждается работе «Взгляд лося». Её автор — замечательный человек, фотоохотник и большой любитель природы Юрий Михайлович Колесников.

Зал зааплодировал.

Юрий Михайлович встал с места, застегнул пиджак, одёрнул его и быстро поднялся на сцену.

Где же ты?..

Пилот гражданской авиации Саша Птичкин всей душой мечтал о собаке. О маленькой и желательно беспородной, та-

ком гадком утёнке, который потерял веру в людей и был озлоблен на погрязший в равнодушии мир. Он во всех красках представлял себе картинку, как подбирает на улице грязного, измученного скитаниями пёсика и тащит к себе домой. А дальше всё как в кино: отмытая и накормленная собачка лежит на мягком ворсистом коврикe у кровати и в благодарность за свалившееся на неё счастье с преданностью взирает на нового хозяина.

Возможно, Птичкин ещё долго витал бы в мечтаниях, но почти месяц назад на площади перед аэропортом появился беспризорный пёс, похожий на болонку: небольшой, с пыльными длинными кудряшками, квадратной мордочкой, чёрным носиком и блестящими коричневыми глазками-бусинками. Он сидел у столба на автобусной остановке и печальным взглядом провожал людей, которые в суете встреч и провожаний даже не замечали его.

Саша назвал его Мотей. После каждого рейса пилот покупал в баре аэровокзала две баварские сосиски и подкармливал нового друга. Мотя оказался смышлёным, теперь его не интересовали другие люди. Выискивая в воздухе знакомый запах и завидев Сашу, прибывшего из рейса, он с весёлым твяканьем мчался к нему, подпрыгивал и лизал руки.

— Потерпи немножко, — пообещал Птичкин, почёсывая собаку за ухом. — Вот уговорю Катюшу и заберу тебя отсюда.

Но Катюша не уговаривалась. Год назад она перевезла вещи к Саше и только сейчас закончила наводить лоск в запущенной холостяцкой квартире. И одна только мысль о появлении дома бродячей собаки наводила на неё ужас.

— Нет, Санечка, категорически нет! — говорила она. — Нам надо детей планировать, а ты о какой-то Моте думаешь. Так что, дорогой, только через мой труп!

Из очередного полёта Птичкин возвращался в свой день рождения.

«Или сегодня, или никогда, — думал он, подлетая к аэродрому. — Мужик я или не мужик?! Куплю Катюше цветы, заберу Мотю и поеду домой. Сделаю себе подарок на днюху, и будь что будет...»

Саша стоял у входа в аэропорт. В одной руке он держал лёгкий пластиковый чемоданчик, в другой завёрнутые в пакет две баварские сосиски и небольшой букетик нежно-сиреневых роз с короткими стебельками. Моти не было.

— Ну где же ты? Прилетели по расписанию, я нигде не задерживался... — растерянно пробормотал он, посмотрел на часы и приподнял воротник форменного синего плаща.

Погода, словно почувствовав его настроение, начала портиться. Чернёное серебро вечернего неба затягивалось ночной сажей. Мягкие капли дождя, доверившись холодному изменчивому ветру, замерзали, превращались в снежинки и беспорядочно валялись вниз.

Саша встряхнул букет, положил его на чемоданчик и опять посмотрел на часы.

«Может, с ним что-то случилось?» — с тревогой подумал он, сунул сосиски в карман, вытащил телефон и нажал кнопку.

На экране высветился значок батарейки, перечёркнутый красной полосой. Телефон вздрогнул и, сыграв напоследок печальную мелодию, отключился.

Площадь перед аэровокзалом закуталась в темноту. Фонари на высоких столбах вспыхнули ярким бездушным светом. Снежинки, как ошалелые мотыльки, радостно бесновались в их холодных лучах.

Птичкин заходил из стороны в сторону.

«Не может быть, чтобы Мотя не пришёл! — в отчаянии размышлял он. — Такого просто не может быть! И в аэропорт не зайти. Ведь по закону подлости я уйду, а он прибежит».

Мёрзлая серая каша расплзлась по тротуару и пропитывала сыростью туфли. Носки промокли насквозь, и ногам становилось омерзительно зябко. Непогода продолжала зверствовать. Нежные, бесхарактерные снежинки наполнялись влагой, закалялись студёными вихрями, леденели и, едва коснувшись асфальта, с шелестом скользили по нему, подгоняемые неуютным ветром.

«Чёрт возьми! — подумал Саша. — Ладно если его кто-то забрал. А вдруг охрана его отловила или собаки задрали? А может, просто замёрз. Бедный мой Мотя! Это ведь всё из-за меня!»

Чемоданчик и букет покрылись тонким ледяным панцирем, робкие струйки талого снега вытекали из-под промокшего околыша фуражки, катились по коротко стриженному затылку и заползали за воротник.

— Всё, больше не могу! — прошептал Саша, потирая покрасневшие руки. — Уже полчаса тут торчу!

Он обвёл взглядом площадь и с нетерпением произнёс:

— Мотечка, родной, пожалуйста, приди! Я же околою тут. Ну где же ты?

Озябший пилот нетерпеливо пнул по чемоданчику, тонкая ледяная корка треснула и мгновенно осыпалась. Цветы смо-

трелись восхитительно: ранимые лепестки, подёрнутые ломкой наледью, поблёскивали на свету. Полузамёрзшие стебли, напитавшись морозцем, набухли и стали ещё ярче и сочнее.

Саша снова с тоской посмотрел на дорогу, махнул рукой и сунул сосиски в урну.

— Ну всё, теперь это дело чести! Впереди три выходных дня, буду тебя искать. И будь уверен — найду!

Птичкин зажал в руке букет, схватил чемоданчик и быстро пошёл к стоянке такси.

Водитель через зеркало взглянул на севшего сзади пассажира и покачал головой.

— Всё у нас разладилось, даже погода! — посетовал он. — Вы не волнуйтесь, сейчас печку на полную включу, вмиг согреетесь!

Таксист внимательно осмотрел букет, тяжело вздохнул и сочувственно спросил:

— Не пришла?

«Не пришла или не пришёл», — подумал Саша, кивнул в ответ и посмотрел в окно. — Я ведь даже не знаю, мальчик ты или девочка...»

Услышав звонок, Катя кинулась в коридор и открыла дверь.

— С днём рождения, Санечка! — воскликнула она. — Бог мой, что с тобой?! Ты что, из стиральной машины выпал?

— Почти, — грустно улыбнулся Саша и протянул ей розы.

— Какая прелесть! Спасибоочки! — Катя обняла мужа. — Ужас какой-то: ты как лягушка — мокрый и холодный! Я все телефоны оборвала: твой отключён, а в аэропорту сказали, что рейс прибыл вовремя.

Она положила букет на тумбочку и помогла Саше выбрать-ся из промокшего плаща.

— Где ты был?

— Мотю ждал, хотел его домой забрать. А он пропал. Сорок минут простоял, думал — в сосульку превращусь. С ним точно беда приключилась! Завтра начну его искать.

— Какой же ты всё-таки милый, Санечка! — Катя чмокнула его в щёку. — Принимай подарок, именинник!

Она открыла дверь, и в коридор, проскальзывая лапами по полу, вылетел Мотя. Саша схватил его на руки. От Моти пахло душистым шампунем. Высунув розовый язык, он радостно пощупывал и крутил мордочкой.

— Катька, ну ты даёшь! — воскликнул Саша. — Ты же сказала, что через твой труп!

— Ну мало ли что я сказала! Не смогла я смотреть на твои страдания. Приехала утром в аэропорт и забрала. Кстати, твой Мотя оказался девочкой. А теперь быстро иди в ванну греться! Я пошла ужин разогревать, будем день рождения праздновать.

— Девочка так девочка! — улыбнулся Саша, опустил Мотю на пол и, довольный, пошёл в ванную.

Целители

До перерыва на обед оставалось пять минут. Рома вытащил из кармана горсть смятых купюр, разгладил их на столе и пересчитал. «Да, негусто, — подумал он и с тоской взглянул на настенный календарь. — До зарплаты четыре дня и пятьсот тридцать три рубля на всё про всё. Жесть!»

Рома махнул рукой:

— А где наша не пропадала! Пора бы уже и привыкнуть, всё как всегда. Прорвёмся!

Он сгрёб деньги, сунул их в карман и вышел на улицу. Накрапывал лёгкий дождь. Солнце, задёрнутое занавесками рваных туч, вяло пробивалось сквозь дыры белёсыми лучами.

Обычно в дни перед авансом и окончаловкой Рома покупал беляши в кулинарии у ресторана рядом с офисом. Пары штук было достаточно, чтобы в животе появилась неуютная тяжесть, создававшая иллюзию сытости. И если не обращать внимания на изнуряющую изжогу, то до вечера можно было как-то протянуть.

Он уже потянул за истёртую ручку двери кулинарии, как услышал оклик:

— Ромашка, это ты? Ромка? Петров?

Рома оглянулся. Перед ним стоял школьный приятель Витька — отличник и победитель всевозможных олимпиад.

— Витька, ты?!

Друзья обнялись.

— Это сколько же мы не виделись? Лет пятнадцать-двадцать? — тараторил Витька. — Ты чего тут делаешь?

— Вот перекусить решил, — Рома указал на дверь. — Обед у меня.

Виктор поморщился.

— Отставить перекусы! Пошли в ресторан, — сказал он, а увидев Ромино смущение, обнял его за плечи и добавил:

— Не волнуйся, я угощаю!

Пока официант расставлял на столе тарелки со снедью, Рома разглядывал друга.

Ровные прилизанные волосы с пробивающейся сединой, сытый подбородок, резкий, уверенный взгляд. Пиджак из тончайшей чёрной кожи, белая рубашка с расстёгнутым на две пуговицы воротником. На шее массивная золотая цепь «а-ля девяностые», на запястье такой же мощный браслет. Безымянный палец украшала громадная печатка с перламутровым камнем.

— Судя по виду, у тебя всё прекрасно, — заметил Рома. — Отличником был и отличником остался.

Виктор захохотал.

— Ну ты и сказанул, Ромашка! Это всё в кошмарном прошлом. Институт окончил, остался преподавать, кандидатскую защитил, за докторскую взялся. А потом подумал: на кой чёрт мне всё это? Доктор наук, а носки заштопанные! Плюнул и подался в целители. Теперь я магистр магии. Денег — как грязи. В общем, живу не тужу..

Виктор налил в рюмки водку.

— Нет-нет, мне нельзя, — закрутил головой Рома. — Шеф учует — сразу уволит!

— Не смейся! — снова захохотал Виктор. — С шефом твоим договоримся, а если нет, то найду на него порчу или в жабу превращу.

Рома засмеялся и поднял рюмку.

— Прав ты, Витька, хрен с ним. Давай за тебя! За то, что смог изменить свою жизнь.

Друзья выпили и набросились на закуску.

Рома откусил кусочек тёплой гигантской креветки, покрытой хрустящей нежно-коричневой корочкой. «Да уж, в жизни такого не ел! — подумал он. — Это тебе не беляш».

Виктор вытер рот и сказал:

— Ну давай, Ромашка, рассказывай о себе. Как, что, с кем? Хотя нет! Давай ещё по одной, и я сам всё про тебя расскажу.

Они снова выпили, Виктор вытянул руку и начал водить ладонью у Роминого лица.

— Работаешь ты, Ромашка, с девяти до шести, в двух шагах от этого ресторана, работа сидячая, скорее всего офис. Карьерного роста нет, и начальник тебя не любит. Живёшь от зарплаты до зарплаты. Женат. Жена постоянно пилит, и ты понимаешь, что всё идёт к разводу.

— Витька! Как?! — изумился Рома. — Всё в точку, на сто процентов. Ну ты даёшь!

— Этим и зарабатываю, — ухмыльнулся Виктор. — Ты мне скажи, чем в офисе занимаешься?

— Втюхиваю стройматериалы. Тоска! Цены взлетели. Продаж нет, премий нет, сижу на окладе.

— Давай ещё по одной, — предложил Виктор, взял отплевший графинчик, бока которого облепили прозрачные капли воды, и недовольно поморщился. — Ау, любезный! — крикнул он официанту. — Поменяй-ка, дружок, нам водочку на ледяную.

Рома почувствовал, что его лицо, разгорячённое выпитым, запылало. Способности Витьки поразили его до дрожи в руках.

— А бросай ты, Ромашка, свою работу и давай ко мне. Я тебя всему научу. Первые пару месяцев большие бабки не обещаю, но потом десятку в день иметь будешь.

Рома выронил вилку, она со звоном ударилась о тарелку и упала на пол.

— Десять тысяч в день? — переспросил он, покрываясь красными пятнами.

— Легко! А дальше всё зависит от тебя. У меня сейчас сотка выходит, но я-то уже два года в бизнесе.

Официант принёс водку и поставил на стол плетёную вазочку с чистыми приборами.

— Горячее подавать? — спросил он.

— Тащи! — кивнул Виктор.

Рома ел, не ощущая вкуса. Мысли о скором богатстве распирала голову. «Первым делом куплю шубу Маринке, негоже жене помощника мага шестой год в пуховике ходить, — размышлял он. — Кредит за холодильник отдам, пиджак куплю, как у Витьки, квартиру в новостройке обязательно, мебель. А на будущее лето в Турцию на две недели, нет, на месяц: море, экскурсии и жрачка от пуза!»

Как ни силился Рома заглянуть в счёт, принесённый официантом, ему это не удалось. Виктор достал из кошелька карту и расплатился. Потом лизнул палец, вытащил три купюры по тысяче и небрежно бросил их на стол.

— На чай, — пафосно произнёс он и, подмигнув Роме, сказал: — Пошли!

Одноклассники вышли на улицу. Дождь закончился, наследив после себя серыми неподвижными лужами, которые быстро высыхали, оставляя на асфальте бесформенные чёрные пятна.

— Иди увольняйся! — скомандовал Виктор. — Я жду тебя в машине, подкину до дома.

Он нажал кнопку на брелоке. Стоящий поблизости белый мерседес с номером 666 откликнулся коротким сигналом и моргнул фарами.

Шеф прочитал в руках заявление об уходе, подписал его и откинул ручку в сторону.

— Фигнёй ты страдаешь, Роман! У нас, простых смертных, лёгких денег не бывает. Пахать надо, как папа Карло. Ты же продажник от бога, ленивый только! Надо бы тебе пендаля крепкого дать или встряхнуть хорошенько. Да так, чтобы мозги на место встали. Решил уходить — иди, а коль на новом месте не заладится — возвращайся, приму.

Мерседес, словно лайнер, уверенно идущий по волнам, плавно катил по дороге.

Виктор убавил музыку и включил кондиционер.

— Ну что, помощник мага, тире будущий миллионер! — торжественно произнёс он. — Расслабляйся и слушай внимательно. Контора наша принадлежит одному крутому экстрасенсу, ты его по телику не раз видел. В офисе он бывает раз в месяц, так сказать, для поддержания нашего боевого духа. В этот день он заказывает автобус и мы выезжаем за город жарить шашлыки. Там он устраивает «разбор полётов» и проводит тренинг. Ты как раз вовремя! Завтра освоишься, а послезавтра — выезд. Напитаешься от него энергией на свежем воздухе. Итак, в офисе два руководителя: я и ещё одна толковая баба. Под нами пятьдесят человек. Каждый выполняет свою работу и получает процент.

— А делать-то что? Я же ничего не понимаю в ваших делах!

Виктор захохотал.

— Так ничего понимать и не надо! Ты будешь продавать людям здоровье, а конкретнее — лечить их за очень большие деньги. Врубился?

— Нет, — смущённо ответил Рома.

Сытость погружала в сон. Он вытянулся на сиденье, закрыл глаза, но всё так же внимательно слушал.

Виктор продолжал:

— Чего больше всего на свете хотят люди? Думаешь, денег? А вот и нет! Девяносто процентов хотят здоровья и любви. Короче, лох видит рекламу, клюёт на фотку известного экстрасенса и звонит нам в центр. Помогите, орёт, за любые деньги! Рак, говорит, у меня или у кого из родни. Медицина не помогает. Спасите! Или тётка в слезах ищет любовь. Вся надежда, умоляет она, на вас и только на вас. Запомни: раз человек позвонил, значит он верит и готов платить. В двух словах он расскажет о заветной мечте. Ты должен за эту мечту ухватиться, все ниточки навязать на свои пальцы и сделать из пациента марионетку. Разбередить их проблемы так, чтобы кровоточило всё и они рыдали. И когда ты вынесешь им страшный вердикт, они должны бежать в банк, снимать бабло или брать кредит. Эти глупцы верят в родовые проклятия, в венец безбрачия и прочую хрень. Чем невероятнее причина несчастий, тем дороже стоит избавление от неё. Твоя задача — играть на чувствах. Сделать так, чтобы лох полностью поверил тебе и заглотил крючок. И тогда ты говоришь, что необходимо три сеанса для исцеления. А когда убедишься, что на наш счёт начинают переводить деньги, несёшь всякую ересь и говоришь, что вмешались нечистые духи и нужны ещё сеансы, а потом ещё и ещё. Пока полностью не выпотрошишь его.

— А сколько сеанс стоит и как его проводить? — тихо спросил Рома, переваривая в голове всё, что говорил Витька.

— О, вникаешь, молодец! За первые сеансы бери тысяч по сорок, а потом заряжай сколько хочешь. Я иногда и по две-три тысячи евро за раз срубаю. А обряды для исцеления завтра тебе на флешку скину.

— Витька, стой! — спохватился Рома. — Мы приехали. Только у меня ещё один вопрос. А тебе их не жалко?

Виктор включил поворотник и притормозил у автобусной остановки. Он посмотрел на Рома, нахмурил брови и спросил:

— Ромашка, а тебя кто-то жалеет? Шеф твой, когда недоплачивает? Жена, когда орёт, что не хватает денег? Торгаши или коммунальщики, когда повышают цены? Кто мы для них? Расходный материал, на котором они делают деньги. И самое печальное, что мы ничего не можем с этим поделать. А эти лопухи сами звонят нам и загоняют себя в яму. Это их выбор. Человек, как баржа, сам себя грузит, а когда начинает тонуть, готов платить за спасение. Так что о жалости забудь! В этой жизни есть только ты, а всё остальное — мусор, от сжигания которого тебе станет тепло. Понял? Пока! Жду к десяти в офисе.

Рома пожал Виктору руку и спросил:

— А как ты в ресторане про меня всё рассказал? Ты на самом деле маг?

Виктор закрыл ладонями лицо и захохотал.

— Ну, Ромашка, рассмешил! — вытирая слёзы, ответил он. — Ты что, Конан Дойля не читал? Дедукция, Ватсон, простая дедукция. Если у тебя обед с часу дня, значит работаешь ты с девяти до шести. Времени на обед мало, поэтому бежишь в ближайшую столовку, значит работаешь поблизости. Рукава твоего вышедшего из моды пиджака говорят о том, что ты трёшься локтями об офисный стол, а денег на новый пиджак нет. Женат, потому что носишь обручальное кольцо. Так что всё элементарно, Ватсон!

— Да, Витька, ну ты и жук! А то, что жена пилит и шеф не любит, как узнал?

— Наивный ты мужик! Если боишься, что шеф уволит за рюмку водки, значит не ценит он тебя. Ценным сотрудникам прощают почти всё. А пилить за маленькую зарплату и угрожать разводом любят семьдесят процентов баб. Всё, иди. Пора мне.

В десять утра Виктор встретил Романа у входа и провёл в большой зал, наполненный вязким гулом разгорячённых голосов. Люди сидели за длинными столами, разделёнными перегородками. Перед каждым стоял ноутбук и телефон. У некоторых лежали бубны, погремушки и свистки.

— Это твоё место, — Виктор указал на пустую ячейку. — Держи флешку, изучай материал. Сегодня осваивайся, знакомься с обрядами, ну и посмотри, как работают другие. Завтра на шашлык, а послезавтра под моим контролем сделаем первый звонок. Дерзай, Ромашка, и добро пожаловать в мир денег.

Виктор похлопал друга по плечу.

Рома сел за стол, включил ноутбук и вставил флешку. «Господи, что за бред? — подумал он, глядя на экран. — И люди этому верят?»

Схватившись за голову, он впился взглядом в монитор и продолжил читать. Что только целители не советовали своим пациентам: и поймать комара и носить его в кулаке три часа, и срезать клочок шерсти у бродячей чёрной собаки, и семь дней не смотреть в глаза кошке.

— У кого-то поехала крыша, — прошептал Рома. — Или у меня, или у них!

Он вытер пот и пошёл в комнату отдыха. Налил кофе и устроился в невысоком кресле. Рядом за столом сидели две

женщины. Не обращая внимания на новенького, они оживлённо болтали.

— Ну как? Додавила свою истеричку? — спросила одна.

— Ага, — хмыкнула вторая. — Шестьсот косарей вытянула.

И ещё бы забрала, если бы были. Но вздёрнулась она.

— Как? Откуда знаешь?

— Так она говорила со мной, рыдала и рассказывала, что верёвку привязала, что на шею её надела, а потом телефон обо что-то грохнулся — и молчание.

— Жалко...

— Не смеши, нисколько не жалко!

— Так я не про бабу, а то, что ты клиента потеряла.

— Забей! Другие будут.

Обе засмеялись, поднялись с места и ушли в офис.

Рома посмотрел им вслед.

«Неужели и я так смогу? — подумал он. — Это же какой тварью надо быть, чтобы вот так...»

До конца дня он просидел в своей ячейке, прислушиваясь к разговорам, доносившимся из-за перегородок.

— Светочка, Светочка! — тараторил в трубку длинноволосый парень, сидящий справа. — Сейчас нельзя всё прекратить. Мы же с Вами открыли канал со Вселенной. Чёрные силы не дремлют. Если сейчас остановиться, поток негативной энергии никто не остановит, и тогда она хлынет не только на Вас, но и на всю Вашу семью. Дети Ваши погибнут в страшных муках. Я вижу эти смерти, Светочка, вижу. Беспощадный огонь сжигает их, они кричат, им больно. Ой, даже мне страшно! Надо срочно перекрыть канал. Срочно! У нас от силы двадцать минут, чтобы успеть. Переводите деньги, и я начинаю работать. Сколько у

Вас? Всего четыреста тысяч? Ну что с Вами делать? Только ради Ваших детей! Правильно, моя хорошая, кредит — это выход. Самое главное, по дороге не смотрите никому в глаза и молчите. Это важно. Всё, перевод пришёл. До завтра, Светочка!

Парень бросил трубку.

— Есть! — радостно вскрикнул он, победно вскинул руки и взглянул на Рому. — Учись, студент, пока я жив!

Улыбнулся и пошёл в комнату отдыха.

Вечером Виктор подвёз Рому домой.

— Ну как тебе, Ромашка, наша каша? — с усмешкой спросил он.

— Не знаю даже, — тихо ответил Рома. — Как-то каша гнильцой отдаёт.

— Не обращай внимания, лохи любую схавают: и с гнильцой, и с кислинкой. Знаешь, сколько сегодня бабла подняли? Два с половиной ляма. Жирный был денёчек. Ты, главное, не дёргайся. Всё у тебя получится. Повторю ещё раз. Отбрось жалость и запомни: в нашей жизни или тебя имеют, или ты. Делай правильный выбор. Завтра пообщаешься с главным, он тебе быстро мозги на место поставит. Ну давай, пока! Утром в десять у офиса. Форма одежды — спортивная.

Поблёскивая на солнце мытыми боками, белоснежный экскурсионный автобус выехал за город. Экстрасенс сидел на месте экскурсовода. Несмотря на тёплую погоду, он был в длинном, до пят, чёрном плаще, широкополой фетровой шляпе и в высоких ковбойских сапогах со скошенными каблуками. Под одобрительные крики мэтр открывал бутылки с шампанским и передавал их по рядам.

Рома забился в конец салона и нахмурившись смотрел в окно. «Шабаш начался, — подумал он. — Это же нелюди! Ишчадьё ада. Нафига я с ними поехал? Хотя... Здесь собрались все. Приедем в лес, похожу, послушаю, запишу, что получится, на телефон, а вечером в полицию. Правда, с такими деньгами у этих убийц всё и везде куплено. Тогда в ФСБ».

От пришедшей мысли он улыбнулся.

— А теперь внимание! — сказал экстрасенс и взял микрофон. — Сейчас мы с вами заедем в новый строящийся микрорайон Благовест. Скоро наш офис переедет сюда. Новые, просторные помещения, новые компьютеры, новые люди. Наша фирма разрастается, и очень скоро мы будем управлять этим миром. Миром магии и вседоступности. Ведь об этом мы все мечтаем?

— Да! — заорал народ.

Автобус съехал с дороги и остановился на огромной строительной площадке.

— Выйду покурю, — сказал водитель и открыл переднюю дверь.

— Я тоже выйду, — крикнул Рома.

— А вы куда, молодой человек? — удивлённо спросил экстрасенс. — Вы что, не выпьете за наше будущее?

— Укачало, плохо мне, — не растерялся Рома и, протиснувшись между рядами, выбрался из автобуса.

К ним подошёл строитель в красной каске.

— Ребята, тут стоять нельзя! Опасная зона.

— Я человек маленький, сказали встать здесь, я и стою. Все вопросы к начальству, — ответил водитель и указал на открытую дверь.

Мужчина поднялся в автобус.

— Пожалуйста, переставьте автобус в другое место! Опасная зона, не дай бог, что случится, меня потом по судам затаскают.

— Уезжаем, уезжаем, — ответил экстрасенс и протянул рабочему пять тысяч. Хватит за парковку? Десять минут стоим, а ты делаешь вид, что нас не видишь.

Строитель сунул деньги в карман куртки, запрыгнул на подножку притормозившего грузовика и уехал.

Рома с водителем отошли к трассе.

— Уроды, — прошипел Рома, — от всего отмажутся!

— И не говори, — покачал головой водитель. — Весёлая у вас компания!

— Ага, веселее некуда! — ответил Рома.

— Целители? — поинтересовался водитель.

— Твари! — прошипел Рома и уставился вдаль.

Мощная стройка развернулась на месте старого аэропорта.

Рома огляделся. Серые, безликие многоэтажки, словно кладбищенские памятники, ровными рядами торчали из безжизненной рыхлой земли. Высоченные краны, как уставшие жирафы, со стоном и скрежетом ворочали стрелами. Рабочие в ярких касках издали были похожи на шустрых красных муравьёв, сосредоточенно занятых делом.

— Смотри! Смотри! — закричал водитель.

Рома поднял глаза и замер в ужасе.

Стрела крана у ближайшего дома надломилась под весом груза и медленно поползла вбок, увлекая за собой башню. Шестиметровая плита перекрытия болталась на тросах, за-

креплённых за крюк. Она несколько раз монотонно качнулась из стороны в сторону и вместе со стрелой рухнула на автобус. Осколки стёкол острыми брызгами осыпали Рому.

В автобусе не выжил никто. Водитель отделался лёгким испугом, а Рому увезли на скорой. Пролежав в больнице десять дней, он вернулся на прежнюю работу.

До перерыва на обед оставалось пять минут. Рома вытащил из кармана горсть смятых купюр, разгладил их на столе и пересчитал. «Да, негусто, — подумал он и с тоской взглянул на настенный календарь. — До зарплаты четыре дня, а денег триста рублей. Как всегда».

Рома махнул рукой:

— Надоело! Пора всё менять...

Случайное приключение

Неделя выдалась нудной, долгой, нагоняющей тоску. Казалось, что выходные никогда не наступят, хотя можно подумать, что именно в эти дни на меня само по себе нападёт безудержное веселье и радость. Но уж очень хотелось какой-то встряски! Пусть небольшой, но с яркой искоркой, способной оживить дремлющий организм. Однако матовое субботнее утро проглядывало в щель между задёрнутыми шторами ноябрьской серостью. Встать с кровати не хотелось, да и особой радости встречать пасмурный рассвет, стоя у окна, не было. Мысли о новом рассказе шныряли в голове, но они были настолько

хрупкие, что стоило ухватиться за одну из них, как она тут же рассыпалась и исчезала.

Я взял телефон. Первая появившаяся реклама настойчиво принуждала скачать звуки тревоги. Закрыв её, я зашёл на страницу «Фейсбука», и опять эта назойливая надпись: «Звуки тревоги: скорая, полиция, сирены спецтранспорта. Скачать». Сразу вспомнилась игрушка, которую давным-давно мне подарила мама: ярко-красная пожарная машина, работающая от большой плоской батарейки. Нажмёшь на рычажок, и она на огромной скорости мчится вперёд, а наткнувшись на препятствие, включает маленькие проблесковые огоньки, пятится, разворачивается и снова в путь, до очередного столкновения. Смотреть на это я мог часами, и как же я тогда мечтал, чтобы у этой машинки была сирена! Воспоминания сделали своё дело, приложение я скачал, и телефон мгновенно залился встревоженным сигналом скорой помощи.

По квартире струился запах сваренного кофе, и я вышел на кухню.

— Ты слышал? — спросила жена. — Наверное, что-то случилось, скорые гудят или полиция.

— Да-да, слышал, — ответил я, изобразив серьёзную озабоченность, хотя на самом деле я уже чувствовал, что где-то в глубине души начали просыпаться озорные чертята, ведь одного человека, пусть и случайно, мне уже удалось разыграть. Но ограничиваться единичной жертвой я не собирался. Мысли выстроились в очередь, предлагая различные варианты дальнейшего развития событий. Уплетая взбодрённую маслом кашу, я разгонял их, ведь все предложения были мелковаты, а хотелось масштаба. От желания вытворить что-нибудь этакое

по лицу расплзлась саркастическая улыбка. Захотелось заглянуть в паспорт или посмотретья в зеркало: надо было срочно убедиться, что мне именно шестьдесят лет, а не пять или семь, но мальчишеское дурачество победило разум и толкало на необдуманные поступки.

Я вышел на улицу, сел в машину и подключил телефон к магнитоле. Результат превзошёл всевозможные ожидания. Мощные колонки трещали от надрыва. Я включал то нервную сирену скорой, то беспокойную полицейскую, то зловещую пожарную.

В окнах замелькали взволнованные люди. Лица прилипали к стёклам, а носы и губы смешно расплющивались, превращая моих добрых соседей в мультяшных героев. Конечно, они и подумать не могли, что эти звуки разлетаются из машины такого серьёзного с виду дяденьки.

Домой я поднимался, перепрыгивая через две ступеньки, благо второй этаж. Такой прыти я уже давно за собой не замечал. «Ну точно впал в детство! — подумал я — А может, это побочка после прививки?..»

Отдышавшись, я уселся перед компьютером. Работы было много: до сдачи заказчику трёх новых рассказов остался месяц, и, как назло, ни одной зацепки по сюжетам. Но в таких ситуациях у меня есть проверенный метод — поездка за город. И неважно куда, главное — подальше. «Точно! Вот это идея! — осенило меня. — Поеду к Олегу».

Тут необходимо сделать маленькое, как говорится, лирическое отступление. Олег — мой друг, самый настоящий и надёжный. Человек с железным характером. От его грозного взгляда даже злобные бродячие собаки виновато опускают морды и,

в страхе прижимая уши, начинают поскуливать. Но при всей внешней суровости он невероятно душевен и отзывчив к любому нуждающемуся в его помощи.

Живёт Олег в тихой деревне под Краснокамском. От меня до его дома семьдесят четыре километра через Южный обход. Проехать такое расстояние туда и обратно, под тихую музыку да со стаканчиком кофе, купленным на заправке, одно удовольствие. Ну а нужные для рассказов мысли за три часа пути точно появятся.

Я поделился своей идеей с женой и, конечно, открыл тайну звучащих во дворе сирен.

— Ты представляешь, — азартно говорил я. — Тихо подъеду к забору его дома и врублю звук на полную мощность. Прикинь, какая будет у него реакция на вой под окнами пожарной или полицейской сирены! Ох и посмеёмся мы потом!

Во взгляде жены я прочёл искреннее беспокойство.

— Ты сейчас серьёзно? — спросила она. — Ради этого ты поедешь в такую даль?

— Конечно! — не сдавался я. — Это же прикольно! Олег точно заценит шутку.

— По-моему, в этом нет ничего смешного, — сказала жена и, увидев, что я начал одеваться, с улыбкой добавила: — Как был мальчишкой, так им и остался!

По её интонации было трудно понять, как прозвучала эта фраза — с сочувствием или с радостью.

Не доезжая до Краснокамска, я съехал с трассы. За окнами мелькал тихий пригород. Убогость невысоких домиков скрывалась нанесёнными сугробами, из которых торчали замёрз-

шие ветки затаившегося на зиму борщевика. Хвоя выстроившихся вдоль обочины сосен чуть прогнулась и едва сдерживала тяжёлый влажный снег. Через несколько километров началась просёлочная дорога, переметённая позёмкой, и уже через двадцать минут я был на месте.

К дому подъехал медленно, заблаговременно выключив фары. До кульминации осталось сделать пару движений: увеличить громкость магнитолы и запустить сирену. И в этот момент из-под капота повалил дым. Именно повалил, как из трубы разогнавшегося паровоза — огромными седыми клубами. В ужасе я заглушил двигатель и вылетел из машины. Пока открывал капот, дым начал рассеиваться, а у переднего колеса большущим красным пятном расплзалась вытекшая охлаждающая жидкость.

Приезд мой Олеганисколько не удивил. Он вышел из дома, быстро поздоровался, приладил ко лбу фонарик на широкой резинке и начал шуровать под капотом.

— Всё понятно! — глубокомысленно заявил друг, поправляя сползшую на глаза вязаную шапку. — Крепление шланга поддачи антифриза обломилось. Ехать нельзя. Нужен эвакуатор.

Должен признаться, что устройство автомобиля меня никогда не интересовало. За десять лет водительского стажа я разобрался с самыми важными моментами: куда вставляется шланг для заправки и в какое место нужно заливать незамерзайку для стёкол. Поэтому фраза о поломке какого-то непонятного крепления прозвучала как приговор. Но Олег уже звонил Сан Санычу.

Сан Саныч — директор автосервиса со странным названием «На-Рено». Мы познакомились случайно много лет назад,

и с тех пор и я, и все мои друзья обслуживают машины только у него. Причём неважно, «Лада» это или BMW. Такого мастера своего дела я ещё не встречал. Это настоящий автомобильный доктор, который может поставить диагноз даже по телефону. Бывали случаи, когда он надевал фонендоскоп и прослушивал машины, как живых людей, пытаясь найти у них проблемы в лёгких или сердце.

Сан Саныч, как и Олег, живёт по принципу «своих не бросаю». Однажды он примчался на помощь, когда я наглухо встал в трёхстах километрах от Перми.

Я с надеждой смотрел на Олега. Тот что-то быстро говорил в трубку, размахивая свободной рукой, и кивал головой. Наконец он сунул телефон в карман и обнадёжил:

— Есть две новости, и обе хорошие. Первая — у Сан Саныча сегодня выходной, но он выезжает в сервис. Хочет сам посмотреть, что к чему тут у тебя. Вторая — он вызвал эвакуатор, и тот уже едет к нам. Сейчас выгоню машину и поедом его встречать, чтобы не заплутал.

Эвакуатор не заблудился, мы перехватили его в двадцати километрах от деревни.

Когда моя машина была погружена, Олег скомандовал:

— Садись ко мне, поехали!

— Зачем тебе-то ехать? — удивился я. Потом же ночью возвращаться надо. Я и в кабине эвакуатора спокойно доберусь.

— Нет! — отрезал Олег. — Я тоже еду. Мало ли что ещё случится!

Зная его характер, спорить с ним я не стал.

Всю дорогу в город мы обсуждали ситуацию, если бы шланг оторвался раньше, например, минут на пятнадцать. Вот тогда бы всё могло закончиться намного хуже. Телефон там не ловит: ни связи, ни Интернета нет вообще. Надеяться на то, что в выходной день мимо проедет попутка, дело бесполезное, да и шанс, что в наше время на пустой дороге, ведущей через лес, кто-то решится остановиться, крайне мал. А дойти до деревни около десяти километров без шапки, в лёгких ботиночках и куртёшке, при минус семи, у меня бы не получилось. Ну как тут было не вспомнить о Боге!

Сан Саныч ждал нас в автосервисе. Он открыл крышку капота, заглянул под неё, что-то объяснил подошедшему механику, и машину загнали в бокс.

Я, Олег и Сан Саныч остались у входа. На улице уже совсем стемнело и пошёл снег. Я посмотрел на часы и изумился:

— Ничего себе! Выехал из дома в час дня, а уже девять.

— А ты вообще зачем приезжал? — спросил Олег.

Удивительно, что этот вопрос у него возник только сейчас.

— Хотел приколоться, — я достал телефон и включил сирену. — Представляете этот звук через колонки? Вся бы деревня всполошилась!

Сан Саныч прищурился.

— Вот только ради этого? — он медленно качал головой, с удивлением глядя на меня.

Потом он посмотрел на Олега, и оба захохотали. Задорно, от души. По-настоящему. А мне было не до смеха. Я прикидывал, во сколько мне обошлось это путешествие: эвакуатор, запчасти, антифриз и работа. Но глядя на них, сдержаться мне не удалось, и я тоже захохотал. Крупные снежинки залетали в рот

и шекотали холодом. От этого смеяться хотелось ещё сильнее.

— Просто признайся, что тебе захотелось приключений! — вытирая выступившие слёзы, сказал Сан Саныч.

— И он этого добился! — хмыкнул Олег.

Машину мне сделали через час. Сан Саныч остался в сервисе, Олег отправился в деревню, а я поехал домой. Проезжая по освещённым фонарями улицам, я подумал: «Пусть не получилось с сиреной, но зато в очередной раз убедился, что у меня есть настоящие друзья, с которыми можно искренне посмеяться, пусть даже над самим собой».

Я достал телефон и удалил скачанное утром приложение — вряд ли оно мне ещё понадобится.

И чудный аромат «Красной Москвы»...

Шелковистые лучи заспанного утреннего солнца упёрлись в задёрнутое шторами окно. Все попытки пробиться через них были напрасны, но выручил радостный мартовский ветер. Проскользнув в щель приоткрытой рамы, он рывком приподнял полотнище, и бледная, дрожащая полоса света на мгновение озарила комнату.

Полина Григорьевна проснулась давно, но открывать глаза ей не хотелось. Она надеялась, что прерванный добрый сон не растворился навсегда и если получится снова заснуть, то удастся ухватиться за него и досмотреть до конца. Последнее время ей снились родители. А сегодня она видела поезд, мчавшийся в тыл подальше от войны, от взрывов снарядов, от лая чёрных

овчарок. Мчавшийся туда, где нежно-голубое небо, кудрявые барашки облаков и душистые цветущие яблони. В дощатом вагоне никого, кроме них. Мама, совсем молодая, в ситцевом платье в синий мелкий горошек. Расчёсанные на прямой пробор длинные волосы собраны в тугий клубок на затылке. И чудный аромат духов «Красная Москва». Мама нежно смотрит на папу и поправляет на его кителе чуть покосившийся орден Красной Звезды. Папа подхватывает её руку, прижимает к губам и целует каждый пальчик. Родители смеются. Семилетней Полине интересно, хочется коснуться маминой щеки, но сон прерывается...

Полина Григорьевна подняла одну руку, потом другую, согнула и разогнула ноги. «Тут тянет, там ноет, — вздохнула она. — Значит, слава Богу, жива! Надо вставать».

Она медленно поднялась с дивана, одёрнула замятую ночнушку. Затем, опираясь на трость, подошла к шкафу и посмотрела в зеркало. «Да-а... — Полина Григорьевна покачала головой. — Как говорится, краше в гроб кладут! Ну что поделать, сегодня восемьдесят четыре стукнуло, а это тебе, дорогая, не сорок восемь. Ну всё, поговорила, и хватит, надо себя в порядок привести и приготовить что-то. Славочка с невесткой и внуком приедут, чем угощать-то буду? Одним бисквитом не отделаться».

Она грустно улыбнулась и зашла в ванную.

Во время завтрака зазвонил телефон.

Полина Григорьевна вытерла рот, поудобнее устроилась на стуле и взяла трубку.

— Привет, мама! Как дела?

— Привет, Славочка! Привет, сыночек! Как дела, ещё не поняла, но ты первый.

— Что первый?

— Первый звонишь поздравить.

Слава на секунду замешкался, кашлянул и сказал:

— Конечно, мама, первый. С днём рождения тебя!

— Спасибо, сынок! Вы во сколько сегодня заедете?

— Я вот что думаю, мам. Мы же работаем — и я, и Танька.

А у Серёги репетиторы. Может, я столик закажу в ресторане на субботу или воскресенье? Посидим, отметим. Нормально?

— Ресторан — это, конечно, хорошо. Ну а сегодня-то когда? Я курочку запеку, с картошечкой, как ты любишь. Чаю попьём. Я вчера бисквит приготовила, Танечкин любимый, и кленовый сироп купила для Серёженьки. Неужто после работы не приедете?

— Не обещаю, но постараюсь что-нибудь придумать. Пока!

Полина Григорьевна положила телефон и открыла холодильник. Достала из морозилки курицу, бросила её в большую кастрюлю и залила водой. «Приедут часов в семь, как раз всё успею», — рассудила она.

Слава сунул телефон в карман и зашёл на кухню.

Жена с сыном завтракали.

— У матери-то сегодня день рождения! Я совсем замотался и вообще забыл. Надо вечером к ней захватить поздравить.

— Как вечером? — удивилась Татьяна. — Я работаю во вторую, у Серёжки английский. Тоже забыл? Так что съезди один.

— Танюша, это нехорошо как-то. Мама всех звала. Там и курочка, и бисквит, и кленовый сироп.

— Кленовый сироп? Круто! — встрял в разговор сын. — Мама, давай забьём на английский и к бабушке поедем!

— Даже не думай! — возмутился Слава. — Ты к ней по полгода не ездешь и не звонишь, будто её не существует. А как репетитора пропускать, так сразу к бабушке захотелось. Так, давайте решим, кто когда может.

— Я в первой половине дня, — ответила Таня.

— Ну после школы могу, — нехотя сказал Сергей.

— А давайте сделаем так, — предложил Слава. — Съездим все. Ты утром, ты после школы, а я вечером. И друг к другу не привязаны, и мама довольна будет.

Он вытащил из кошелька деньги и бросил на стол.

— Цветы купите. Всё, я побежал!

Слава чмокнул жену в щёку, потрепал сына по волосам, оделся и вышел из дома.

Солнце постепенно набирало силу. Яркое, но ещё не окрепшее, оно едва нагревало слипшиеся за зиму сугробы. На первый взгляд, они по-прежнему смотрелись угрюмо, но первые весенние лучи сглаживали их края, отчего они покрывались лёгким блеском и становились мягче и добрее.

Полина Григорьевна чистила картошку. Это нехитрое дело давалось ей с трудом. Начавшийся артрит корёжил тонкие пальцы, нож постоянно вываливался из рук, да и картошка всё время норовила выскользнуть. Можно, конечно, было отварить рис, но уж очень Славочка любил курицу с картошкой, приготовленную по семейному рецепту.

В дверь негромко постучали.

Полина Григорьевна вытерла руки, взяла трость и кряхтя пошла в коридор. «Для моих вроде рановато, — подумала она. — А больше и прийти некому».

На пороге стояла соседка по площадке Маша, с которой Полина Григорьевна познакомилась лет десять назад.

Тогда Маше было чуть за тридцать и она после развода поселилась в этом доме вместе с двумя детьми, мальчишками-близнецами. Добрые отношения возникли сразу. А когда Полина Григорьевна узнала, что новая соседка воспитывалась в детском доме, то эти отношения переросли в нечто другое, понятное только им двоим, и через некоторое время Маша уже называла соседку «мама Поля». Полина Григорьевна не возражала. Она понимала, что заложенная Богом любовь к родителям, невостробованно хранившаяся в сердце много лет, дождалась своего часа и выплеснулась на неё.

Маша работала в нескольких местах, дети её часто болели и не ходили в садик. Полина Григорьевна с радостью принимала их у себя: кормила, поила, учила читать и считать. Мальчишки называли её бабушкой, а когда подросли, начали помогать ей: то гвоздь забить, то в магазин сбегать.

Маша протянула Полине Григорьевне букетик тюльпанов, обняла и поцеловала.

— С днём рождения, мама Поля! — сказала она.

— Ой, Машенька, спасибо! Проходи, чаем напою.

— Можно не сейчас? Мне скоро на работу. Мы с мальчишками хотели вечером зайти.

Полина Григорьевна задумалась.

— Ну заходите, конечно. Славочка с семьёй будет. Все вместе и посидим.

— Ой, спасибо, — обрадовалась соседка, — обязательно придём!

Она внимательно посмотрела на Полину Григорьевну.

— Мама Поля, а давай я тебя подкрашу: реснички, бровки нарисую, да и ноготочки можно лаком покрыть, — и не дожидаясь ответа, шмыгнула в свою квартиру.

Вернулась она с объёмным кейсом и начала выкладывать на стол кисточки, тени, лаки и прочую косметику.

Через двадцать минут Полина Григорьевна рассматривала себя в зеркале.

— Ну и ну! — воскликнула она. — Да ты, дочка, волшебница! Лет десять мне скинула. А ногти-то какие яркие, как рябина на снегу!

Маша замерла и поджала губы, руки затряслись, а глаза наполнились слезами. Ещё ни разу её никто не называл дочкой. Она скинула косметику в кейс, наклонилась, поцеловала Полину Григорьевну в темечко и быстро ушла.

Выпроводив сына в школу Татьяна позвонила подруге.

— Привет, дорогая, как дела? — спросила она.

— Ну ты, мать, даёшь! — засмеялась подруга. — Не поверишь! Только трубку взяла тебя набрать, а тут ты сама звонишь. Ты же сегодня во вторую? Приезжай, поболтаем. Мне какой-то чай энергетический привезли из Китая. Говорят, одной чашки хватает, чтобы неделю скакать как сайгак. Приезжай, попробуем вместе. Одной как-то страшновато. А потом от меня на работу и уедешь.

— Да не могу я, — ответила Татьяна. — Мне к свекрови надо, день рождения у неё.

— Вот житуха у вас! Посреди недели, да ещё с утра, гулянки устраиваете. Завидую!

— Нет-нет, — хмыкнула Татьяна. — Гулять будем в выход-

ные, сегодня просто заеду поздравить. Я утром, Сергуня днём, а Славка вечером.

— Офигеть! По-моему, это перебор! Доведёте бабуку до инфаркта заботой своей. Мне кажется, сына и внука вполне достаточно. Расчувствуется старушка и помрёт. Тебе это надо? Всё, дорогая, жду. Чмоки!

Татьяна откинулась на спинку кресла и задумалась: «А действительно, какого чёрта я должна одна поздравлять? Если бы все вместе поехали, то понятно. А тут... Позвоню и поздравлю, а цветы можно и в ресторане вручить».

Полина Григорьевна натёрла курицу приправами и положила на большую чугунную сковороду. Вокруг выложила картошку, посолила, намазала сметаной, затянула плёнкой и убрала в холодильник. «Вот времена настали — обычная сковорода кажется тяжелее гири! Прямо как в детстве, — подумала Полина Григорьевна. — Не зря говорят: что стар, что мал. Всё, устала. Пойду полежу».

Ей снился четырёхэтажный дом и новая квартира с большой, вытянутой пеналом кухней. Мама в самошитом фартуке поверх ситцевого платя в мелкий голубой горошек. У неё на шее ниточка бус из сочно-красного овального янтаря. Двухконфорочная газовая плита с высокими чугунными конфорками и маленькой духовкой, из которой сочится тепло.

«Тепло домашнего очага, — вспоминает Полина старую сказку. — Вот оно какое». Улыбающийся папа сидит с белым полотенцем на шее за длинным столом, накрытым клеёнкой в крупный цветок. Перед ним на деревянной подставке —

прямоугольное зеркало. Он взбивает помазком густую пену в маленькой алюминиевой чаше и собирается бриться. Полина подходит ближе. Очень хочется забраться к нему на колени, но папа подмигивает, грозит пальцем и неожиданно тыкает ей в нос намыленным помазком. Полина похожа на маленького поварёнка, упавшего лицом во взбитый яичный белок.

Все смеются, и мама тоже. Хотя ей некогда, она разделяет сизую длинношеюю курицу, с редко торчащими длинными перьями. Мама берёт куриную лапку с противными коготками, дёргает за торчащую жилку, и коготки начинают сжиматься и разжиматься, словно хотят схватить Полину и утащить в тридевятое царство к злым колдунам. Полина с хохотом пытается спрятаться под столом, но место там занято. Младшая сестричка Флора опередила её и, обхватив папины ноги, заливается звонким смехом. И чудный аромат «Красной Москвы»...

Полина Григорьевна открыла глаза и посмотрела на часы. «Ещё только три. Надо поставить будильник на четыре пятьдесят, — решила она. — В пять тридцать включу духовку, в шесть поставлю курицу. Как медленно сегодня ползёт время! Обычно только успеешь разложить таблетки на неделю, и вот она уже пролетела. Так и живу теперь от раскладки до раскладки лекарств. Почему всё время снятся родители? И не в зрелом возрасте, а совсем молодые. А может, это мне снится детство? Простое, небогатое, но очень счастливое, состоящее лишь из радостных моментов. Память — какая же она избирательная! Я совсем не помню плохого. Неужели в то время совсем не было зла?..»

Уроки закончились. Сергей сложил учебники в рюкзак и, расталкивая плетущихся по лестнице школьников, побежал в раздевалку. В дверях его перехватил одноклассник Лёха.

— Серый, ты куда? — удивлённо спросил он.

— Бабулю надо поздравить с днюхой. Предки приказали. А потом на инглиш. Хоть разорвись!

— Ты что, Серый, сдурел?! У нас игра с «бэшками»! Забыл?

— Блин! — Серёжка схватился за голову. — Забыл! Чего теперь делать?

— Чего? Да ничего! Играть. Мы что, без вратаря будем?

— А бабуля?

— Ничего с ней не случится! Позвони. А лучше закажи цветы с курьером и записку.

— Блин, меня дома убьют, если не поздравлю!

— Первый раз, что ли? — засмеялся Лёха и хлопнул друга по плечу. — Сколько раз убивали, и ничего, всё ещё живой. Хотя решай сам, от кого получать — от предков или от нас!

— Да фиг с ними! Вечером бабуле позвоню и объясню. Она поймёт. Пошли в раздевалку!

Поймать ускользнувший сон Полине Григорьевне не удалось. Теперь ей снился зелёный парк, что через дорогу от их дома. И толстенная продавщица газированной воды у входа. Две прозрачные длинные колбы с апельсиновым и клубничным тягучим сиропом. Тридцать копеек за стакан и пятьдесят за двойной сироп. Папа в широких льняных брюках и светлой рубашке с сиреневой вышивкой по воротнику. Мама тоже в светлом. Коричневые туфельки на низком каблуке и короткие белые носочки. Такие же носочки и у Полины, и у Флоры. Они

стоят в очереди за мороженым. Папа покупает всем эскимо, и они садятся на скамейку.

Но девочкам не сидится. Они рисуют мелом на асфальте большие клетки и играют в классики. На головах у Полины и Флоры огромные банты, но они не держатся на кудряшках и слетают. Полина наклоняется, чтобы поднять, и роняет мороженое. Обида и отчаяние, ещё чуть-чуть — и брызнут слёзы. Но мама, папа и Флора протягивают ей своё эскимо. Растерянность. У кого взять? Она откусывает кусочек от папиного, медленно глотает, потом от маминого. Смотрит на Флору и понимает, что малышке не хочется делиться, но и оставить старшую сестру в беде та не может. Полина обнимает Флору и, чтобы не обидеть, едва касается языком её порции.

Мама с любовью смотрит на папу. Папа улыбается и кивает головой. Какой же добрый взгляд у мамы! Сколько в нём любви, преданности и заботы. Как же вкусно пахнут мамины духи!..

Все идут на детские качели-лодочки. Полина с Флорой взлетают над землёй. Тёплый ветер треплет волосы, а подола коротеньких платьев развеваются парусами. Сверху родители кажутся маленькими. Папа придерживает маму за талию, а она поправляет ему воротничок рубашки.

Полина Григорьевна выключила будильник, взяла трость и пошла на кухню. Пока плита нагревалась, она выпила чая с бутербродами. Наедаться перед приходом гостей не хотелось. Да и вообще, чувство голода появляется всё реже и реже. Наготовить еды не было сил, да и много ли одной надо. Запросто можно жить на бутербродах, а если уж и захочется разнообразия, то Машкины сыновья пиццу помогут заказать или полу-

фабрикат в ближайшем магазине купить. «Совсем я разленилась! — хмыкнула Полина Григорьевна и поставила сковороду с курицей в духовку. — Надо Славочке позвонить».

Она набрала номер.

«Абонент временно недоступен, — монотонно проговорил оператор. — Попробуйте позвонить позднее».

«Наверно, не может говорить, — подумала Полина Григорьевна. — Бедняга, сколько же он работает! А эти бесчисленные командировки! Мотается по стране, а ведь уже не мальчик. Как сложно в наше время жить...»

Слава зашёл в приёмную директора фирмы.

— Шеф у себя? — спросил он у грудастой секретарши Лены.

— Да, проходите, — ответила та, едва шевеля накачанными недавно губами.

Слава громко постучал в дверь.

— Разрешите? — спросил он, заглядывая в кабинет.

— Чего тарабанишь, как неродной? — отозвался шеф. — Конечно, разрешаю. Присаживайся! Чего пришёл? Уже сообщили?

— О чём? — удивился Слава, усевшись за приставной стол.

— Учредители приехали. Поэтому сегодня гуляем по полной программе: ресторан, баня и все вытекающие из этого последствия. Так что звони своей Татьяне и предупреди, что увидит она тебя нескоро. Если хочешь, могу сам с ней поговорить.

— Паша, я не могу, — напрягся Слава. — Сегодня день рождения у мамы. Я как раз зашёл, чтобы отпроситься и пораньше уйти. Мне надо у неё быть обязательно.

— Ты что, с ума сошёл? Ты не хочешь моим замом стать? Так

и будешь начальником отдела сидеть до скончания века?! Сегодня, можно сказать, твоя судьба решается. Второй возможности не будет. Я твою кандидатуру месяца два уже продавливаю. Доказываю, что ты лучший. Славка, подумай! День рождения не похороны. Это на кладбище нельзя опоздать, а поздравить и завтра можно. В конце концов, позвони. Подумай, как дальше будешь жить. Зарплата у зама в два раза выше, и премии. А это и новая машина, и квартира. И вообще другой уровень. Неужели мама не поймёт? Она только счастлива будет. Всё! Иди одевайся. Кабак заказан, сауна тоже. Через двадцать минут выезжаем.

Слава вышел из кабинета, достал телефон, который включился и тут же погас.

— Чёрт! — воскликнул он.

— Что-то не так? — спросила Лена.

— Сдох! — Слава потряс трубкой. — Есть зарядка?

— Зарядки нет. Позвоните с моего.

— Точно, — Слава взял у секретарши телефон. — Ага, а как звонить-то? Номеров не помню! Ни мамы, ни жены, ни сына. Вот так история!

— Подвели новые технологии? — сочувственно спросила Лена.

Слава молча махнул рукой и вышел из приёмной. «В конце концов, ничего страшного не произойдёт, — подумал он. — Маму утром поздравил, приехать не обещал, да и Танька с Серёжкой уже поздравили. Так что всё норм. Переживём и это». Он снова махнул рукой и пошёл одеваться...

Запах запечённой курицы медленно заполнял всю квартиру. Полина Григорьевна вытащила сковороду, поставила на

плиту и улыбнулась. «Какая красота! — подумала она. — Как в ресторане. Сейчас немного остынет, и посыплю чесночком. Славочке точно понравится! На кухне все не поместимся. Когда приедут, нужно будет стол-книжку вытащить, а табуретки у Машеньки возьмём. Может, салатиков каких-то надо было сделать? Да ладно уже, может, Славочка привезёт, или потом ребят Машенькиных попрошу в магазин сбегать».

Полина Григорьевна, держась за спину, наклонилась и достала из серванта тарелки, которыми пользовалась только по праздникам. Перемыла их, протёрла и поставила на кухонный стол. Туда же поставила бокалы, припасённую заранее бутылочку креплёного вина, бисквит и кленовый сироп. Положила мельхиоровые ножи и вилки.

— Так, всех приборов по шесть, а нас, Бог даст, будет семеро. Ну ничего, я и из обычной посуды поем, — сказала она, посмотрела на часы, пошла в комнату и встала у окна.

Хотя солнце уже померкло и плавно опускалось к земле, на улице было ещё вполне светло. Люди возвращались с работы. Из каждого подошедшего к остановке автобуса выскакивала кучка пассажиров. С высоты многоэтажки она была похожа на капельку ртути, которая, стукнувшись обо что-то твёрдое, рассыпалась на маленькие юркие шарики, катящиеся в разные стороны. Так и люди спешили домой по протоптанным зимой тропинкам, покрывшимся в первые тёплые весенние дни тонкой наледью. Люди скользили и смешно размахивали руками, пытаясь устоять на ногах.

В дверь позвонили.

Полина Григорьевна вздрогнула и закричала:

— Иду, иду, Славочка!

Она открыла дверь. В квартиру зашла Маша и двое её сыно-вей. Они были обвешаны пакетами.

— Мама Поля, мы не рано? — спросила Маша. — Ваши уже тут?

— Заходите, дорогие, — засуетилась Полина Григорьевна. — Я вам всегда рада. Моих пока нет, но мы их ждать не будем. У Славочки много работы. А что вы тут такое принесли?

Парни на кухне разбирали пакеты.

— Ба! Дай нам тарелки! Тут салаты, нарезки рыбы и мяса, пирожные и фрукты. Стол-книжку вытаскивать?

— Конечно, дорогие, праздник же! — ответила Полина Григорьевна и принялась мыть фрукты.

На кухню вошла Маша.

— Так, мама Поля, иди в комнату, будешь там руководить. Я сама тут всё устрою. Ты уже сегодня, наверное, наволновалась.

— Спасибо тебе, доченька! — Полина Григорьевна обняла соседку.

Мальчишки принесли ноутбук с колонками и включили музыку. Все сели за стол.

Маша подняла бокал.

— Мама Поля, мы поздравляем тебя! Дороже и любимее тебя у нас никого нет на свете. Помнишь, примерно полгода назад ты сказала, что тебе очень хочется почувствовать один аромат?

Полина Григорьевна прикрыла лицо рукой и тяжело выдохнула.

— Не может быть! «Красная Москва»? — прошептала она.

— Да, мамочка Поля! Ребята нашли в Интернете и заказали для тебя. Держи!

Маша протянула Полине Григорьевне маленькую красную коробочку с нарисованными жёлто-золотыми треугольниками и незамысловатыми витиеватыми узорами.

— Ба! И это тебе! — наперебой закричали мальчишки. Они сбежали в коридор и притащили огромный букет белых хризантем.

— Как же я вас люблю! — сквозь слёзы улыбнулась Полина Григорьевна и открыла духи.

Под потолком повис шипрово-цветочный запах с нотками бергамота, кориандра и апельсинового цвета.

За столом сидели долго. Полина Григорьевна украдкой поглядывала на часы.

— Мама Поля, наверно, они уже не придут, — сказала Маша, перехватив её взгляд.

— Наверное, — вздохнула Полина Григорьевна. — У него всё работа да работа.

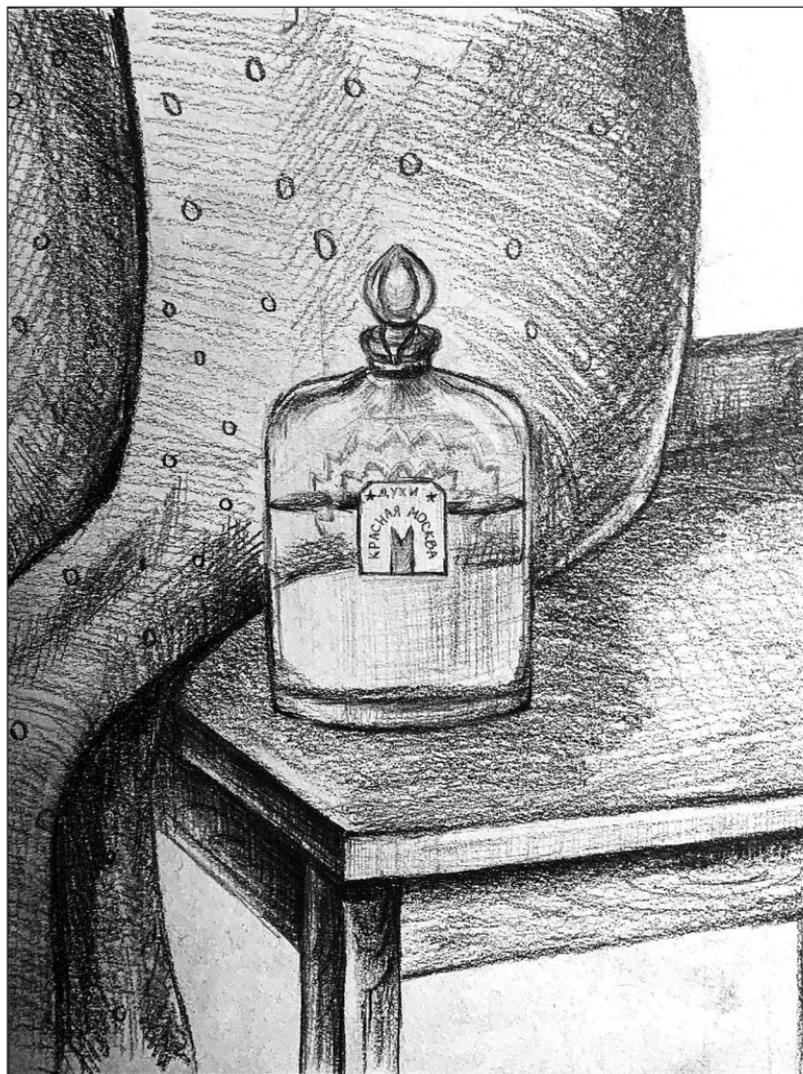
— Не понимаю, как так можно? — вставил один из парней. — Жить с мамой в одном городе и в день рождения не заскочить поздравить, хотя бы на минуту!

Он хотел ещё что-то сказать, но Маша гневно зыркнула на него, а брат с силой пнул его под столом.

Спohватившись, мальчишка добавил:

— Хотя он, ба, у тебя бизнесмен, а им, наверное, прости-тельно...

Маша перемыла и расставила по местам всю посуду. Мальчишки убрали стол и вынесли мусор. Полина Григорьевна умылась и легла на диван. Ей снились родители и чудный аромат «Красной Москвы».

ИЗ ЖИЗНИ ВЕЩЕЙ

Судьба

Мягкие домашние тапочки разрывало от злости. Спрятавшись в шкафу, на нижней полке для обуви, они молчаливо страдали. Понимание того, что любимые, ухоженные ножки хозяйки кто-то обижает, пришло внезапно. От неожиданно ворвавшейся мысли тапочки постарели на глазах и потеряли былую привлекательность: розовые ворсинки приплюснула печаль, а кожа, казалось бы, намертво пришитой стельки покрылась глубокими морщинами. Теснота на полке усугубляла никудышное настроение. Тапочкам приходилось делить жилплощадь с неприятными соседями: старыми зимними полусапожками и пафосными сланцами для гостей. И те, и другие имели бурное прошлое. Тапочки хорошо помнили, как пару лет назад полусапожки приехали из магазина в шикарной люксовой коробке. Как они блестели от счастья и важно задирали носы. А как они цокали по ламинату наборными каблучками!..

Полусапожки частенько надолго уходили в загул. Каждый раз, бросив всё, они мчались на встречу со свежим снегом, поверив его словам, что он вернулся навсегда, напрочь забыв о его гнусном характере, пропитанном дорожным реагентом. Как ни старались полусапожки предохраняться, обмазываясь водостойким кремом, коварный снег обволакивал, а холодная влага вскоре основательно подмочила их репутацию. Измученные снежурой и изнурённые перепадом температур, потасканные полусапожки возвращались домой, но излить душу им было некому. Только старая чугунная батарея, в последнее

время отдающая тепло своей души лишь застиранным носкам, с радостью принимала их, чтобы выслушать массу интересных историй, происходящих за пределами квартиры.

Истории, рассказанные носками, она уже выучила наизусть. Да и о чём таком сногшибательном они могли рассказать? О том, как порой бывает страшно в тёмных, неприятно пахнущих кроссовках? Или о том, как ловко они пробираются в штанины потерявших рассудок спортивных брюк, пока те, обняв футболку, кружатся в барабане стиральной машинки. А может, о том, как они проводят время со швейной иглой, на время сбежавшей из шкапулки, и какая эта игла искусница, если за десять минут может затянуть прочной ниткой все рваные раны на их изношенной душе? Батарея настраивалась на долгий разговор: по опыту она знала, что прислонённые к ней на пару часов полусапожки простоят тут не меньше двух недель. Про них просто забудут, потому что до следующей зимы они будут никому не нужны.

Сланцы с тремя белыми полосками, стоящие на полке, всегда старались повернуться к гостям боком, на котором красовался большой трилистник. Прибывшие из Восточной Азии, благодаря сноровистым торговцам они быстро сменили гражданство. Штампик на подошве «Made in China» был умело заклеен этикеткой с надписью «Produced by Germany». Сланцы настолько быстро вжились в роль, что вскоре и сами поверили, что приехали из Германии. В отличие от другой обуви, проживающей в доме, они часто принимали водные процедуры и поэтому считали себя элитой, сравнимой по чистоплотности только с литыми цветными резиновыми сапогами. Но, как они ни старались «косить под фирму», добиться уважения от собратьев им не удавалось. Обитатели обувной полки давно простили сланцам

и зазнайство, и противный химический запах, испускаемый ими, но падение моральных устоев прощать не собирались. Ведь ни зимние полусапожки, ни домашние тапочки не могли позволить себе даже подумать об измене любимым ножкам, а сланцы, по их мнению, погрязли в порочных связях. Ведь они комфортно чувствовали себя на любой ноге: и у хозяйки, когда она мыла в них пол, и у её друзей, которые забегали на чай, и у сантехника, чинившего кран, и у врача — в общем, у всех, кто бывал в доме. Распушенность сланцев не знала предела, им было всё равно, мужские это ноги или женские.

Несмотря на неприязнь к соседям, тапочки решили заключить перемирие. «Да, — подумали они. — Потерпим, но ножки хозяйки в обиду не дадим!»

Гневно шевеля лопнувшими торчащими нитками, тапочки поделились своими наблюдениями:

— Наши ножки в беде! Чулочки на пальчиках пускают стрелы, а над пяточкой вообще кровавые следы от натёртостей. Надо что-то делать!

— Как я их понимаю, — кивнули голенищами полусапожки, заскрежетали молнией и с горечью вспомнили, как таял обнимавший их снег, оставляя на нежной коже белёсые разводы реагента.

— Мы знаем, кто обижает наши ножки, — заскрипели сланцы. — Это новые красные туфли. Видели их, когда гуляли по квартире. Красивые! У нас от восторга даже подошву выгнуло.

— Это от старости выгнуло, — съязвили полусапожки, упёршись каблуком в бок сланца.

— Потом поспорите! — крикнули тапочки. — Что делать будем?

Сланцы оттолкнулись от полусапожек и вывалились из шкафа на пол.

— Только кот Васька сможет помочь, — пробормотали они.

Огромный рыжий кот не заставил себя ждать. Услышав дождёшшиеся звуки, царапая когтями ламинат, он рванул в коридор. Понюхав сланцы, котяра громко фыркнул, чихнул и уселся на них.

— Помоги нам! — взмолились тапочки. — Убей красные туфли, спаси хозяйку!

Оскалив клыки, Васька зевнул, поднял пушистый хвост и замер. Звонкий ручёек побежал по полу быстро превращаясь в большую лужу. Кот протяжно мяукнул, выгнув спину и воинственно отправился в комнату.

— М-да-а, — пробормотали сланцы. — Незапланированные водные процедуры. Где мы только в этой жизни не побывали!..

Хозяйка пришла к вечеру. Увидев лужу, она сняла с шеи длинный вязаный шарф и намотала его на руку.

— Васька, Васечка! Где ты, мой проказник. Иди сюда. Сейчас я тебе устрою. Скотина!

Женщина зашла в комнату и ахнула: новые красные туфли были растерзаны.

— Как же я забыла их убрать? — прошептала она, села на диван и заплакала.

Быстро сообразив, что сейчас ему не поздоровится, Васька мигом взобрался по шторе к гардине, запрыгнул на шифоньер и уселся, прижав уши.

Утерев слёзы, хозяйка взяла мешок для мусора и собрала туда разорванные туфли. Выйдя в коридор, она двумя пальцами взяла сланцы и отправила их туда же. Посмотрев на

обувную полку, хозяйка швырнула в мешок старые тапочки и потёртые зимние полусапожки.

— Давно собиралась выбросить к чёрту это старьё, — проговорила она, оделась и вышла на улицу.

«Вот и делай после этого добро», — подумали домашние тапочки, глухо шмякнувшись на дно пустого мусорного бака...

Жизнь покрышки

Автомобильная покрышка шипела:

— Ну что за жизнь такая: крутишься, крутишься, а ощущение, что стоишь на месте! А ведь как хорошо всё начиналось: завод, склад, магазин. И везде говорили: не волнуйтесь, вас всех когда-нибудь заберут! Вас будут любить и лелеять. Познакомят с диском, прочным и надёжным. Он станет для вас настоящей опорой. А если с ним что и случится, не волнуйтесь: вам обязательно подберут другого достойного спутника жизни. У вас будет прекрасное будущее. И делать-то вам ничего не надо, главное, следовать принципу: хочешь жить — умей вертеться!

Я, конечно, молодая была, доверчивая. Вот и развесила протекторы! Всё ждала своего счастья. И казалось, что оно свершилось. В магазин пришёл мой будущий папа. С виду мужик нормальный. Здоровенный такой, в клетчатой рубашке. Сразу ко мне подошёл. Улыбается. На ценник посмотрел и вообще растёкся. «Какая прелесть!» — говорит. Я-то думала, что он обо мне, а он, гад, о цене. Но тогда я этого не знала. Взял он меня на руки, несёт и нащёптывает: «Сейчас-сейчас, заждалась нас мамка уже!»

Вынес на улицу. Смотрю я, а мамка-то — «Лада-Калина», да ещё и с чёрными шашечками по бокам, и далеко не первой свежести. Надо же было так вляпаться! Та ещё семейка: папа — таксист, мама — «Калина». Ну ладно, думаю, родителей не выбирают. Что случилось, то случилось! Счастливой можно быть в любой семье, главное — не унывать и верить в себя.

Приехали мы в гараж. Сейчас, думаю, начнут меня с дисками разными знакомить, а я выбирать буду. Фиг вам — выбирать! У них в семье традиции оказались, как в старину на Кавказе: кого родители выбрали, с тем и живи. Смотрю я на будущего спутника и прямо чувствую, как протекторы напряглись. Мало того, что он штампованный, так ещё и старый. Лет на двадцать меня старше. Ржавый-прержавый!

Вот тебе и родители! Могли бы хоть для первой встречи его подготовить, почистить — так нет. Да ладно, чего теперь говорить! А сколько же на нём вмятин? Сразу видно — побила его жизнь по бордюрам, и я у него совсем не первая. И ещё один момент! Конечно, об этом не принято вслух... Но когда я увидела его маленький, изношенный ниппель, то окончательно поняла, что счастливой жизни у меня не будет. Не мой вариант!

В общем, начал папашка меня к старикашке этому прилаживать. Но я же молодая, упругая! Спротивляюсь. Так он схватил монтировку и встал на меня обеими ногами. Долго он меня гнул. Сдалась я, не выдержала боли лютой. А диск довольный такой! Плюхнулся с грохотом на пол, а я, естественно, за ним — он же во мне! Пыль с пола всколыхнулась, закружилась и осела на меня толстым слоем, словно посыпала голову пеплом. А диску хоть бы что! Лежит гад, старым железом воняет. Наверное, закурил бы ещё, если бы мог.

А папашка тем временем взял насос и подошёл к нам. После того, что я уже натерпелась, насосом меня было не испугать. Всю жизнь меня обманывали, ну надуют ещё раз! Но если честно, то было больно. Моя резина, простояв на полке магазина, потеряла былую гибкость. Оказалось, что зачерствела я душой. Холодный воздух наполнял меня резкими толчками. Я думала только об одном: хорошо, что насос, а не компрессор! Тот бы вообще разорвал меня на клочки. Папашка увидел, как я напряглась, и пнул меня, да так сильно, что я гулко зазвенела. Но, видимо, отцовские чувства на минуту взяли верх. Он наклонился, покрутил ниппель и чуть-чуть скинул давление. Стало намного легче.

А вообще он после этого часто меня бил. Припаркует мамашу, выйдет из-за руля и как пинанёт со всей силы! Я только потом поняла, что так он проверяет, надо меня подкачивать или нет. Цивилизованные люди заезжают на шиномонтаж и измеряют давление манометром. А этот всё пинал и пинал. Но я терпела боль. Я не обижалась, а сочувствовала ему. Не от хорошей жизни всё это. Ну нет денег у человека! Всякое бывает, не ко всем судьба благосклонна.

Думаю, если бы у папашки были деньги, он давно бы избавился от своей «Калины». С каждым днём она всё больше теряла лоск. И видимо, начала попивать. Я сама слышала, как отец кричал на заправке: «Ну ты даёшь, овца! Жрать стала, как лошадь». Но с зарплатой таксиста у него сто процентов не получится поменять боевую подругу. Шикарная машина денег требует немерено, у неё другие запросы. На одну косметику сколько надо: на крутую мойку, на шампунь для блеска, на полироль, на покрытия разные противогрязевые. Ой, что-то меня понесло! Вернёмся к гаражу.

Короче, крихтит папашка и пытается нацепить диск на шпильки поднятой на домкрате мамки. Поняла я тогда, что это последний шанс сбежать. Сорвалась со шпилек и покати́лась к выходу. Жаль, не получилось их обломать, крепкие оказались. Я бы, конечно, сбежала, но этот старикашка-диск впился в меня изнутри мёртвой хваткой, и не избавиться от него никак.

Поймал меня батя, напрягся, приподнял и пришпилил одним болтом. А потом ещё тремя. Взял ключ и давай крутить! С каждым оборотом угасала моя надежда на свободу. Ну это, как говорят у людей, закрутили гайки! Четыре проржавевших болта намертво связали меня с семьёй. И началась взрослая, серьёзная жизнь. Куда только нелёгкая не заносила папашу с мамкой, каких дорог я только не навидалась!

Как-то на заправке я увидела свою подругу. Мы познакомились давно, ещё в магазине. Классная девчонка, правда покрупнее меня и помягче характером. Если честно, так по мне — слишком мягкая. Да и социальная оценка у неё низкопрофильная. На любой диск готова залезть, лишь бы был он литой или кованый. Как я и думала, ей повезло гораздо больше, чем мне. Ведь как резину назовёшь, так она и устроится в жизни. Её называли «Мишлен-премиум»! Тут одному имени обзавидоваться можно! А меня зовут (так, на понимание) «Нижекамская-Кама». Ну как? Есть разница? Вот так бывает. Она уже с рождения обречена на удачу. И жизнь её удалась! Мамаша — шикарная «Мазда Коэру», а папка уж точно не таксист!

Подруга моя поблёскивала чернением и крепко обнимала блестящий хромом кованый диск. Она даже не глянула в мою сторону. Мне стало так обидно, что я решила, не дожидаясь старости, покончить с собой. Случай представился быстро.

Как-то будучи на кладбище, в двухстах километрах от города, я познакомилась с шикарным парнем-гвоздём. Ему несказанно повезло. Во время похорон он ухитрился вырваться из рук кладбищенской мафии. Если бы не этот счастливый случай, то палач-молоток заколотил бы его в крышку гроба, а подельник-лопата с превеликим удовольствием зарыла бы его в землю. Я рассказала ему о своём желании, и он вызвался мне помочь. Гвоздь не был настойчив, просто я не сопротивлялась, и он с лёгкостью пронзил мне душу.

По дороге из области я почувствовала, что теряю силы, испуская дух. Но это заметил и папаша. Он быстро свернул в шиномонтаж. Мастер покрутил меня, осмотрел, но гвоздя не обнаружил. Этот паршивец не доделал своего дела и сбежал. Он воспользовался мной и на халяву доехал до города. Меня опять надули. Сначала залатали, а потом в наказание посадили на компрессор. Мы продолжили путь. Я услышала лёгкое постукивание и вибрацию. Меня охватила дрожь, постепенно она передавалась матери, и вскоре её затрясло.

Папашка ничего не замечал и крутил баранку. Наверное, он подсчитывал, во сколько ему обошёлся шиномонтаж. Я увидела, как из моего диска вывалился один болт, за ним второй. Третий и четвёртый срезало как ножом. Папашка начал тормозить, но было уже поздно. Бросив к чертям семью, я с дикой скоростью катилась вперёд, наслаждаясь свободой. Потом был сильный удар о лобовое стекло встречной машины. Больше я ничего не помню.

Когда я очухалась, светило солнце. Мне было хорошо. Оглядевшись, поняла, что лежу на огороде чьей-то дачи. Меня больше не растягивал диск и не раздирал воздух. Во мне была

земля, из которой к небу тянулись очень красивые ароматные цветы. Меня покрасили в зелёный цвет и превратили в клумбу. «Как же здорово! — подумала я. — Зачем я всю жизнь куда-то мчалась, завидовала и хотела жить лучше? Ведь всё это закончилось, и мне хорошо. Я свободна и счастлива!»

Из приёмника, стоящего на скамейке, раздавалась песня: «Тихо, как в раю... Я себе пою, я себе пою...» Я узнала голос Розенбаума, он часто звучал в салоне папкиного такси...

«Непара»

Молоденькая китайка Суин работала на носочно-чулочной фабрике. Нудный конвейер монотонно выплёвывал на ленту два ряда красных проглаженных носочков с вышитыми жёлтыми смайликами: печальными и весёлыми. Суин подхватывала их, складывала парами, просовывала под стрекочущую иглу, сшивала и укладывала в красочный пакет. Главное было — не перепутать: печальный с печальным, весёлый с весёлым. А Суин решила перепутать просто так, ради шутки. Она взяла носочки из разных рядов и сложила их вместе.

— Прикольно: Улыбка и Угрюмый! Интересно, как вы уживётесь? — усмехнулась Суин и сунула «непару» в пакет. Смена приближалась к концу, и уставший контролёр ничего не заметил. Позёвывая, он привычным движением поставил на упаковку маркировочный штамп, и «непара» отправилась в путь.

Судьбу молодых решила фирма «Али Экспресс», большой специалист по передаче вещей в надёжные руки. И хотя «непаре»,

скорее, требовались надёжные ноги, но права голоса они не имели. Их отправили на Урал.

— Ну вот, мёрзни теперь круглый год! — ворчал Угрюмый.

— Всяко лучше, чем в Африку! — отвечала Улыбка. — Представляешь, потеть целый день? Лучше помёрзнуть, зато вечером — в горячий душ.

Их разговор никто не слышал, уж очень громко шуршала упаковка.

Дорогу они перенесли хорошо. Сдавленные плотным пакетом носочки постепенно притёрлись друг к другу, понимая, что раз уже судьба связала их, то теперь во имя любви придётся становиться мягче.

Получив посылку, хозяйка вскрыла упаковку, кинула носочки в пластиковый таз, сыпанула щепотку стирального порошка и включила воду. Плотная струя взбила густую ароматную пену.

— Это прекрасно! — кричала Улыбка, задорно извиваясь. — Теперь я знаю, что такое джакузи.

— Жест! Мне жарко! — возмущался Угрюмый.

Улыбка нырнула, обвила Угрюмого плотным тельцем и выдернула из-под струи, прибившей его ко дну таза.

— Так лучше? — заботливо поинтересовалась она.

— Да, — коротко ответил Угрюмый. Он даже хотел улыбнуться, но гордость и вышитый грустный смайлик не позволили этого сделать.

Хозяйка простирнула носочки, слегка отжала, повесила на спинку стула и включила вентилятор.

— Прохлада! — восторгалась Улыбка. — Это же настоящие воздушные ванны!

— Так и простыть можно! — недовольно отзывался Урюмый. Его раскачивало из стороны в сторону и потряхивало.

Когда носочки высохли, хозяйка скрутила их в клубочек и сунула в ящик комода.

Обитатели ящика: носки, гольфы и колготки — приняли новых постояльцев с настороженностью. Кто знает, какой характер у иностранцев? А может, они из «Триады»? Да и яркий цвет мог говорить о том, что хозяйка, считавшаяся «синим чулком», сменила курс и вскорости безликие серые и чёрные носки отправятся в мусорный бак. Поднялся тревожный ропот. И только маленькие Стринги, по случайности оказавшиеся в ящике, встали на защиту новосёлов. Ведь именно они знали хозяйку совсем с другой стороны. Чтобы разрядить обстановку, они рассказывали истории о своих полётах на люстру, на стол, на подоконник и даже о неожиданном приземлении на голову рыжего кота.

Спор в ящике постепенно угас. Но «молодожёны» ничего этого не слышали. Впервые скрученные в клубок, они наслаждались теплом и любовью.

Утром их подняли ни свет ни заря, хорошенько встряхнули, натянули на ноги и сунули в душные кроссовки. В кроссовках было темно и страшно.

«Придётся привыкать! — подумала Улыбка. — В любой обстановке надо уметь расслабляться. Шнуркам ведь ещё хуже — они в постоянной завязке».

Она нежно прильнула к ноге и кокетливо подмигнула ухоженному Ноготку. Ноготок зарделся блестящим лаком и в знак приветствия кольнул новую подружку острым уголком. Увидев крошечную зацепочку, он деликатно извинился и сообщил,

что в ближайшее время обязательно сходит на педикюр, чтобы психолог Пилка умело сгладила острые углы их будущих отношений.

Угрюмый страдал. Ночь в клубке оставила на его теле неизгладимые отметины. Конечно, сейчас бы ему не помешал уют, который своим душевным теплом мастерски избавлял вещи от подобных проблем, но времени на это не было. Ютясь в тёмной кроссовке, Угрюмый яростно отбивался от прилипчивой Стельки, которая бесстыдно прижималась к нему, склоняя к тесным отношениям. Спротивляясь, он морщился и сползал. Думы об Улыбке не покидали его. И хотя она была в одном шаге от него, Угрюмый скучал и хотел поскорее увидеть её.

Рабочий день закончился, носочки выбрались на свет и полетели в корзину с грязным бельём. Сколько же тут было разных вещей, волей или неволей запятнавших свою репутацию: и видевшие немало слёз наволочки с разводами от теней, и тряпичные жирные салфетки, не раз истисканные грязными руками, и дурно пахнущие футболки, отвергнутые чистым телом, и даже маленькие носовые платочки, с детства вовлечённые в различные грязные истории.

— За что с нами так? — проворчал Угрюмый.

— Не унывай, прорвёмся! — утешала Улыбка, прижимаясь к нему. — Нам главное быть вместе и не потерять друг друга в этом кошмаре.

Но кошмар ещё был впереди...

Урчащий двигатель безжалостно раскручивал барабан стиральной машинки. Потоки горячей воды лились со всех сторон. Как ни пытались носочки держаться рядом, вероломная центробежная сила раскидала их в разные стороны. Угрюмый

кричал и изо всех сил рвался к Улыбке. Центрифуга выжала из них все силы. Тяжело дыша, Угрюмый и Улыбка валялись на груди бездыханных футболок.

— Вот видишь, всё хорошо закончилось! — прошептала Улыбка.

— Ага, очень хорошо! Посмотри на мою рваную рану! — простонал Угрюмый.

— Нашёл от чего расстраиваться! — ухмыльнулась Улыбка. — Это всего лишь маленькая дырочка на теле. Душа-то твоя осталась целой и, посмотри, какой чистой!

Но без врача обойтись не получилось. Доктор Нитка, хотя и была мала, но дело своё знала туго. Вооружившись иглой, она мгновенно залатала раненый носочек. Внимательно осмотрела его и сказала:

— Жаль, что приходится вас огорчать, но выхода нет. Вы родились в Китае, и так уже сложилось на генетическом уровне, что у всех ваших вещей предрасположенность к быстрому травмированию: у обуви отрывается подошва, чайники сгорают, не успев приступить к работе, а носочки часто рвутся. Нежные вы очень! Родились бы в России — тогда другое дело. У наших с рождения твёрдый характер. Пусть нож наш не режет и не точится, но зато он никогда не сломается. А в чулках наших вообще можно по пять килограммов лука держать, и ничего. Правда, вешаются они потом, но не от плохой жизни. В общем, берегите себя! Стирка только ручная, соблюдайте температурный режим и постарайтесь сильно не надрывать. В отличие от мужчин, шрамы не украшают носки.

Жизнь пошла своим чередом. Каждое утро два часа носочки проводили в кроссовках, потом принимали душ и коротали

время, болтаясь на змеевике в ванной комнате. Вечером, свернувшись в клубочек, они возвращались в ящик комода. Если Угрюмого всё устраивало, то Улыбке с каждым днём становилось всё скучнее и скучнее. Ей хотелось острых ощущений. Этим и воспользовался коварный Ноготок. Он так и не сходил на педикюр. Уголок его стал ещё острее, и теперь он, впиваясь в Улыбку, оставлял глубокие зацепки, от которых тянулись длинные стрелы. Доверчивая Улыбка принимала их за стрелы Амура и даже не понимала, что попала на крючок. Угрюмый сразу почувствовал измену. Сначала он хотел отомстить и прилепиться к Стельке, но она к тому времени изрядно поизносилась и утратила прежнюю привлекательность. Один только её запах отбивал охоту к общению.

— Мы должны пожить отдельно, — сказал он Улыбке. — Мне надо о многом подумать.

Улыбка промолчала.

Угрюмый спрятался под простыней и, когда хозяйка меняла бельё, незаметно свалился за диван.

От накатившего отчаяния Улыбка завела дружбу со старым вязаным носком. Когда-то он тоже жил в паре, но его половинка связалась с лукавой Молью, которая обосновалась в ней и жила за её счёт, пока не извела совсем, превратив в горстку изъеденной трухи. Старый носок предложил Улыбке жить вместе, и она уже было согласилась, но в дело вмешалась хозяйка. Она покрутила Улыбку в руках и швырнула в пакет для мусора. Угрюмый, свалившись ниже плинтуса, ничего об этом не знал. Покрывшись пылью, он пролежал за диваном долгое время, пока энергичный следователь Пылесос в рамках оперативных мероприятий не обнаружил его там.

Оказавшись на свалке, Угрюмый впервые в жизни возликовал. Он решил посвятить остаток дней поискам Улыбки. Чтобы начать всё сначала...

Молоденькая китайка Суин бросила работу на носочно-чулочной фабрике. Она выучилась и устроилась в гражданскую администрацию небольшого городка. Теперь Суин регистрировала браки. Каждый день она с восторгом глядела на сияющие лица молодожёнов и искренне радовалась за них, словно это был её праздник. Ей очень хотелось, чтобы эти люди с разными характерами были счастливы. Поговаривают, что ни один брак, зарегистрированный с лёгкой руки Суин, ещё не распался.

На веранде

Дачу продали. Старые вещи, давно позабыв, что такое настоящее человеческое тепло, с радостью прижимались к потным телам грузчиков, кидавших их в кузов самосвала. Своенравный дождь наплевал на синоптиков и, вопреки их прогнозам, опустился на землю тяжёлым занавесом. Рабочие заскочили в кабину, и машина, подминая вмиг промокшую некошеную траву, выехала с участка. Впопыхах грузчики и не заметили, что в углу покосившейся веранды осталось потрёпанное кресло, на сиденье которого устроился старый ботинок.

— Ну вот, — проскрипело кресло, — опять мы никому не нужны!

— А может, это и к лучшему? — прошамкал ботинок, стараясь просунуть язычок сквозь проволоку, заменившую

шнурок. — Можно подумать, ты раньше не понимало, что старики никому не нужны!

— Понимало, но принять этого не могу, — ответило кресло. — Всё равно обидно!

— Понятно, это деменция! — быстро поставил диагноз бо́тинок, часто бывавший в поликлинике. — Соберись, а то, смотрю, ты совсем расклеилось!

— Ну а что ты хочешь? Возраст! Кожа в морщинах, да и прожжавевшие пружины нет-нет да и кольнут воспоминаниями душу. А вспомнить-то нечего, только обиды! Все всегда поворачивались ко мне спиной да местом, откуда ноги растут.

— Цыц! — клацнул оторванной подошвой ботинок. — Про ноги ни слова! В ногах правды нет, это я знаю точно.

— Вот видишь, — скрипнуло кресло, — и ты обиду затаил! Хотя тебе, наверное, есть о чём вспомнить. Много видел, не то что я.

— Хватит стонать! Ничего я не затаил. Я просто во всём ищу хорошее. Конечно, мы, вещи, не можем изменить свою судьбу, но не замечать приятных мелочей не имеем права. Послушай, нас забыли на даче, вряд ли за нами вернуться. Это же прекрасно! Значит, мы проживём дольше других. И жизнь у нас была неплохая.

Кресло затрещало от возмущения.

— Это у тебя неплохая! Путешествовал и многое видел. Ты был в постоянном движении. А я? Представь, на протяжении восьмидесяти лет передо мной одни задницы!

— Зато они мягкие! — парировал ботинок. — На тебя же ногами не вставали. Вот тогда-то давление зашкаливает! Ты всё скрипишь и скрипишь. А как хозяйева из-за тебя спорили, кому

на тебя усесться и телик смотреть? И после этого ты говоришь, что тебя не любили! А твой дружок пылесос? Не любил ли он тебя? Наблюдал я, как он на свиданку собирался, насадочку специальную, как корону, нацеплял — прихорашивался. Видел я, как он к тебе цеплялся, не оторвать. Гудит, пыхтит, но не отпускается. А про ухажёра своего китайского, с идиотским названием «пипидастр» — забыло? Яркий такой, ворсистый! Как он тебя обхаживал? Я-то помню! Нежный такой, наэлектризованный, всё пылинки с тебя сдувал. А ты стоишь довольное, ножки свои кривенькие в пол упёрло, подлокотники развернуло и млеешь. И так всю жизнь, несмотря на возраст. И после этого ты ещё чем-то недовольно? Молчало бы лучше!

Потёртая кожа на сиденье напряглась и лопнула. Тонкая пружина с треском вырвалась наружу. Ботинок вздрогнул и свалился на пол веранды. От удара его подошва отошла ещё сильнее, показав маленькие гвоздики, похожие на мелкие ровные зубки.

— Ты душу-то себе не рви! — прошептал он. — А то, гляди, совсем рассыплешься.

— Попробуй обратно забраться! — скрипнуло кресло. — Я к тебе уже привыкло, как к коту.

— Не получится теперь, — оттопырив подошву, улыбнулся ботинок. — А про кота — это ты хорошо вспомнило! Вот он-то тебя любил до беспамятства. Вскочит на сидушку и давай лапками нежными тебя наминать. А сам язычок розовенький выпустит и мурчит, как невменяемый, аж заходится! Потом в клубочек свернётся и греет тебя всю ночь. Короче, жизнь у тебя была полна нежности и любви. Было бы повнимательней, не скрипело бы сейчас: всё не так да не эдак! Вот я уж точно

могу пожаловаться на судьбу, но не буду. Потому, что считаю, прекрасных моментов всегда больше. Просто мы их воспринимаем как должное и не замечаем. А случись неприятность, вершим: беда, беда! А ведь это не беда вовсе, а очередной урок, чтобы не повторять ошибок.

— Может, ты и прав, — согласилось кресло, кивая торчащей пружиной. — Судя по твоему виду, судьба изрядно тебя потрепала, а ведь, помню, было время — блестел ты, как начищенный самовар!

— Да, жизнь моя была полна неожиданностей, — задумчиво ответил ботинок. Он наконец-то полностью вытащил язычок и облегчённо вздохнул.

— Вот теперь можно нормально поболтать! Ты знаешь, когда я был молодым и жил в коробке, то всегда думал, что я свободен и предо мной открыты все пути, а я могу выбрать свою дорогу. Но я попал и понял, что был неправ.

— Куда попал? — удивилось кресло.

— Попал на ногу. Наглая ступня влезла в меня без предупреждения! Я сопротивлялся и сжимал её так, что трещали швы. Тогда она пошла на хитрость. В меня влили водку и натолкали старые газеты. Как же меня мутило! Читать я, конечно, не научился, но алкоголем пропитался полностью и, естественно, стал мягче и уступчивей. Тогда я понял своё предназначение и начал во всём искать радости. Первое время хозяин был ласков и делал мне массаж. Намажет, бывало, кремом, и растирает мягкой бархатной тряпочкой. Я тебе скажу: незабываемое ощущение! Но и гонял он меня будь здоров! И туда, и сюда. В любую погоду — и в сухую, и в мокрую. Кстати, на обивной полке всегда полный бардак. Но я был в авторитете. Всех

спорщиков всегда по углам распинывал. Бывает, сцепится тоненькая босоножка со старым валенком и давай спорить. Она пищит: жизнь прекрасна! Всегда тепло и сухо. А он своё доказывает, аж войлок дыбом: жизнь — это сплошное ненастье и холод. Не понимают неучи, что всё в этом мире относительно.

— Чего-то ты не о том рассказываешь! — перебило кресло. — Поговаривают, что все ботинки те ещё ходоки, особенно левые. Это правда?

— Нет, конечно! Я вот левый, но всегда держался своей пары, а если и было что-то, то не по моей вине.

— Ха-ха! — скрипнуло кресло. — Все вы так говорите!

— Ну вот слушай! Прицепилась ко мне как-то жвачка. Горячая штучка оказалась! Весь день на нагретом солнцем асфальте провалялась. Увидела меня и прилипла. Ну погулял я с ней по улицам. Так она не отстаёт. Домой ко мне припёрлась. Ох и разговоров потом на полке было. Хозяин её два часа от меня отскребал.

— Понятно, — сказала кресло. — А ещё говорят, что ты с самой батареей дружил?

— Было дело, — ответил ботинок. — Только не с батареей, а с масляным радиатором. Вот он уж очень влиятельный! Всю температуру в комнате под контроль взял. Они с поддельником-электросчётчиком даже хозяина порой в долги загоняли. Крутые ребята! Как-то попал я под дождь, промок сильно и, естественно, подмочил честное имя нового носка. А он, в свою очередь, очернил ногу нестойкой краской. Скандала было не миновать. Вот я и кинулся тогда к радиатору, чтобы он высушил меня. Мол, я не при делах!

— Ужас какой! — воскликнуло кресло.

— Ужас, конечно. Горячая была ночка. После этого у меня и появились первые морщины и белые разводы. А шнуры вообще свернулись в спираль.

Вещи притихли. На участок приехал новый хозяин дачи. Он поднялся на веранду и огляделся. Увидев кресло, он чертыхнулся.

— Ну и работнички! Сказал же всё увезти! Нет же, что-то да не доделают! Придётся сжечь эту рухлядь.

Он махнул рукой и пошёл разводить костёр.

— Ну вот и всё! — заскрипело кресло. — Теперь уже не отвертеться!

— Похоже, ты право! — подтвердил ботинок. — Но, может, ещё не всё потеряно?

Дождавшись, когда огоньки пламени обхватили мелкие щепки, хозяин вернулся на веранду и взял кресло за подлокотники. Поднял его перед собой, сделал шаг вперёд и наступил на ботинок. Нога его подвернулась, и хозяин вместе с креслом рухнул на пол.

— Тьфу ты, значит не судьба! — пробормотал он, потирая ушибленный локоть.

Дачу перестраивали целый год.

В углу новенькой веранды, пахнувшей свежей краской, стояло отреставрированное старинное кресло. Оно сияло новой кожей и отполированными гнутыми ножками. Рядом, под самым потолком, на ярко-красном шнуре, привязанном к деревянной балке, висел рваный ботинок: облагороженный, покрашенный и покрытый лаком. Маленькая лесная птичка устроила в нём своё гнездо.

Светлое семейство

Чтобы занять высокое положение в просторном кабинете, изящному потолочному светильнику пришлось проделать долгий и нелёгкий путь. А ведь когда-то он был набором обычных чёрных трубок и горсткой проводов. И не попади этот никчёмный набор на китайский завод по производству осветительных приборов, ещё неизвестно, как сложилась бы судьба. Ведь оказавшись в руках какого-нибудь умельца в глубинке России, можно было запросто превратиться в самогонный аппарат и встать на преступный путь тайного производства алкоголя. А исход этого пути известен заранее: или, окончательно прожавев, отправиться в холодный сарай и гнить там до скончания века, или попасть под конфискацию и провести остаток дней за суровыми замками и прочными решётками в складе вещественных доказательств местного отделения полиции.

Но набору повезло: учителя были хорошие. Они грели трубки, паяли их, прикручивали провода, цоколи и даже красили. И вскоре на свет появился прекрасный трёхрожковый потолочный светильник с дымчатыми жёлто-коричневыми плафонами. Ему тут же дали временное жильё — просторную картонную коробку. Через некоторое время у светильника появилась жена-иностранка, — круглобокая милая бра, и симпатичная дочка, настольная лампа с тонкой шейкой и точно таким же, как у папы, плафоном.

В коробке было ещё достаточно места, и светильник уже начал подумывать о сыне. Он даже имя ему придумал — торшер, но опять вмешалась судьба. Неожиданно, как вспыхнувший в тёмной комнате свет, в коробку приехала тёща-люстра—

тарелка устаревшей модели. Судя по прихваченным с собой проводам, клеммам, вилкам и креплениям тёща приехала навсегда.

Светильник возмущённо позвякивал плафонами и, как ни прокладывали его пенопластом, успокоиться не мог. Для устранения никому не нужного негативного перезвона прибыл скотч, большой специалист по заклеиванию ртов неудобным. Поговаривали, что его липкий криминальный след остался несмываемым почерневшим пятном на телах многих предметов ещё с девяностых. Подсохший скотч из последних сил приклеил этикетку «Набор светотехники», обмотал коробку и отправил её на торговый склад.

Сдавленный со всех сторон обстоятельствами светильник не отчаивался, а его желание избавиться от тёщи нарастало с каждым днём. Изловчившись, он прорвал бок коробки и вступил в сговор с Али Экспресс, порой не брезгующим разводом и фальсификаций. Недолго думая, Али оторвал этикетку и наклеил новую. Теперь на ней было написано «Набор светотехники для кабинета». Светильник облегчённо звякнул. Он понимал, что заказавший посылку человек вряд ли захочет увидеть у себя в кабинете вышедшую из моды люстру.

Так всё и вышло.

По прибытии на место трёхрожковый светильник занял долгожданную должность на потолке. Бра, заручившись поддержкой двух вертлявых шурупов, трудоустроилась на стену, рядом с окном, прямо над широким кожаным креслом для отдыха. Скрипучий письменный дубовый стол с радостью приютит у себя настольную лампу с тонкой шейкой и очаровательным плафоном.

Старый ловелас вообще любил молодых. Сотни канцелярских скрепок разных размеров побывали на его столешнице, а когда подружки надоедали, он без раздумий сбрасывал их на пол. Хотя не всех. Особо податливых и гибких стол удачно выдавал замуж за листы бумаги, познавшие грамоту и получившие образование в цветном принтере.

Что касается люстры-тарелки, то её публично повесили на кухне. Она не ожидала такой участи и всячески сопротивлялась ей: кренилась то вправо, то влево и хотела сорваться с креплений. Чтобы утихомирить ослушницу, вызвали отвёртку, которая имела ту ещё репутацию: во-первых, она без разбора отдавалась в любые руки, во-вторых, умела ловко вскружить голову любому саморезу, а войдя в неистовый раж, вообще свернуть её. Сколько же юных, незакалённых саморезиков, умеющих выкручиваться из любых ситуаций, заплатились жизнью из-за этой несчастной любви. Отвёртка сделала своё дело, и люстра была надёжно прикручена.

Окно в кабинете было всегда наглухо задёрнуто плотными коричневыми шторами, поэтому работы потолочному светильнику хватало. Понимая всю ответственность, он трудился без устали целыми днями, а порой и ночами. Иногда хозяин кабинета усаживался в кресло для отдыха, брал книгу, включал бра и давал светильнику выходной. Круглобокая милая бра, уставшая от яркого света мужа, любила эти моменты. Её мягкий блеск чуть разбавлял темноту, словно жёлтый струящийся луч оседающего за морской горизонт солнца.

Настольная лампа оказалась дамой своенравной и капризной. Попав под влияние стола, она совсем разболталась и частенько проявляла характер: не хотела включаться, а иногда

настолько замыкалась в себе, что лампочки, доверившие ей свои цоколи, мгновенно сгорали, так и не познав всех прелестей яркой жизни. Да и стол, любивший покорных, утратил к ней всякий интерес. Вот и оставалось ей лишь собирать пыль и коротать время с подставкой для карандашей, в которой хранились старые, непишущие ручки с высохшими стержнями. К каким только специалистам не таскал её хозяин кабинета, но те, бросив мимолётный взгляд на китайянку, только разводили руками. В итоге настольная лампа попала в мусорный контейнер и была увезена на свалку.

Потолочный светильник помрачнел и начал устало гудеть. Он пережил гарантийный срок ровно на один день. То ли от непомерной нагрузки, то ли от тоски он задымился и окончательно выгорел внутри.

Из всего светлого семейства старость не задела только круглоблочную бра, которая оставалась милой и привлекательной. Возможно, это произошло потому, что после смерти мужа она поверила кожаному креслу, от которого исходило настоящее человеческое тепло. Бра нежно касалась его своим проводом, а кресло тихонько поскрипывало в ответ.

Шторы раздёрнули, и кабинет наполнился мягким уличным светом...

По понятиям

Лекарства, приговорённые к большим срокам хранения, были надёжно заперты на замок и коротали тягостные дни в темноте за прочными стенами большого сейфа, установлен-

ного в кабинете старшей медицинской сестры районной больницы. Честно говоря, не все препараты заслуживали крытой тюрьмы. Многие, согласно предписанию, могли спокойно находиться в зоне стеклянного шкафа, пусть и запёртыми на ключ, но в условиях более комфортных, нежели сейчас.

Заключённые пытались достучаться до заведующего отделением, но тщетно. Да и что ждать от человека, который незаконно отправил в казённый сейф собственную Виагру, несмотря на то, что их взаимоотношения основывались на личных тайных связях во время дежурства. И долго бы ещё лекарства терпели и помалкивали, но вчерашнее событие не оставило равнодушным даже самого спокойного узника по кличке Феназепам. Под вечер громко лязгнули запоры и в сейф закинули белую коробочку с голубыми полосками и таким же голубым кружочком в верхнем правом углу.

Ампула морфина, постоянно находившаяся под кайфом, лениво приоткрыла глаза и, медленно растягивая слова, спросила:

— Как звать-величать тебя, бродяга?

— Я Спутник Лайт — вакцина!

От такого беспредела закашлял сам Бромгексин.

— Они что, с ума сошли? Это же даже не лекарство! — задыхался он. — Да и цвет упаковки какой-то подозрительный.

— Ничего подозрительного! — возмутился Спутник. — С ориентацией у меня всё в порядке. Я однокомпонентный!

Препараты, вставшие вокруг новичка, расступились.

В центр камеры вкатилась пузатая бутылка. Это был самый авторитетный сиделец Спирт. О его способностях ломать даже самых стойких ходили легенды. Он был настолько жесток, что

любого мог довести не только до белого каления, но и до белой горячки.

— Тихо, братва! — гаркнул он. — Отставить базар! Ясно, что не по понятиям в такую коробку одеваться, но что-то мне подсказывает, что не его вина в этом.

И обдав всех перегаром, спирт вежливо добавил:

— Держи базар перед братвой и поведай нам, чьих будешь и какие жизненные испытания прошёл. Может, маляву с тобой кто заслал?

— Зря вы, братки, на меня таблетки крошите! — ответил Спутник. — Безосновательно это. По старым понятиям живёте. Испытаний я никаких не прошёл, и поэтому связываться со мной нет вам резона. Ещё неизвестно, какие последствия будут.

Лекарства неодобрительно зашумели.

— Спокойнее, братва! — крикнул Парацетамол. — Понизьте градус!

— А ты, дружок, не так уж прост! — хмыкнул Спирт. — Так кто же за тобой стоит, что борзый ты такой?

— С этого и надо было начинать! — дерзко ответил Спутник. Он уже отлично понимал, что переломил ситуацию в свою сторону.

— Ты прав, Спирт, — продолжил Спутник. — Я не какой-то босяк с улицы. За мной сам центр Гамалеи, и скажу вам, братва, бригада эта мощная и на весь мир известная.

— Погодите, погодите, — проскрипел фольгой Глицин. — Что-то я такое припоминаю. Где-то я про эту бригаду слышал. Вроде и крыша у них крутая: то ли менты, то ли фээсбэшники...

— Верно базаришь, — подтвердил Спутник. — И те, и другие помогают, но это мелочи. Главная крыша — это Минздрав.

Так что если хотите лишиться лицензий и остаться не у дел на всю жизнь, можете рискнуть и вскрыть меня прямо сейчас. Только зря, мы же с вами по одну сторону, и враг у нас общий — COVID-19 и вся его родня.

— Ты прав, — заметил Спирт. — С Ковидом надо что-то решать! Он, мразь, сам себя короновал, а это уже полный беспредел. Чем мы можем тебе помочь, брат?

— Мне надо отсюда выбраться любым путём. Срок годности мой заканчивается, — ответил Спутник. — Но как?

— Я знаю! Я знаю! Надо устроить бунт! — закричала Виагра. — Мы как один должны подняться и пойти против беспредела администрации больницы.

— И надолго нас хватит? — спросил Спирт.

— Пусть ненадолго, но нам бы ночь простоять и день продержаться.

— Ты чего это, Виагра? Гайдара начиталась? — шёпотом спросил Морфин.

— Нет, — ответила та. — Свою инструкцию изучила.

— Тихо! — заорал Спирт, и воцарилась тишина. — Ну что, братва, поддержим Спутника?

— Да-а-а! — единодушно завопили лекарства...

— Пётр Васильевич! Пётр Васильевич! Просыпайтесь! — старшая сестра трясла за ногу спящего на диванчике в её кабинете заведующего отделением. — Через десять минут линейка у главного врача. Вставайте!

Заведующий открыл глаза, резко подскочил, сел и недоумённо посмотрел вокруг.

— Лида, где последняя вакцина?

— Что случилось, Пётр Васильевич? У Вас дежурство тяжёлое выдалось? Вот же она, — и старшая сестра, открыв сейф, указала на ампулу.

— Ты с ума сошла! — рыкнул заведующий. — Быстро в холодильник её! Просрочим — нам головы моментально поотрывают. И вообще, сегодня же наведи тут порядок. Какие препараты положено в сейфе хранить, оставь. Остальные — в шкаф. Неделю назад его поставили, а ты всё ещё не можешь разобраться. Смотри у меня! Вечером проверю.

Пётр Васильевич сунул упаковку Виагры в карман халата и вышел из кабинета.

«Да уж, приснится же такое! — усмехнулся он. — Видимо, совсем заработался».

ПО ГОРОДАМ РОССИИ

(Проект «Это моя земля»)

Копровский колодец. Легенда

Давно случилась история эта, так давно, что и не помнит о ней никто. Вроде поначалу пересказывали её из поколения в поколение, а потом в суете мирской забывать стали. А погнавшись за благами личными, и вовсе позабыли.

Во времена старинные, когда солнце ещё не сжигало землю лучами палящими, а лишь ласкало её, когда травы зелёные подпевали ветру тёплому шелестом нежным, когда люди меж собой жили в мире и полном согласии, бродил по земле русской мастер Ефрем. Наградил его Господь даром плотницким, да умением прекрасные колодцы складывать. Но велел при этом денег больших с людей не брать, а лишь толику малую, чтобы на жизнь хватало. Но послушался Ефрем — пожадничал. И постигла его кара небесная. Из красавца круглолицего да розовощёкого превратился он в уродо страшного, да такого, что звери лесные от него шарахались. Даже волки шерстью щетинились и, как собаки дворовые, поджав хвосты, в чашу густую убегали. Закручинился Ефрем да взмолился, подняв руки к небесам:

— Прости меня, Всевышний, сними с меня проклятье, испкуплю вину свою делом добрым!

Услышал его Господь и сказал:

— Ходить тебе по земле, Ефрем, в обличию этом до тех пор, пока не встретишь ты людей добрых, которые примут тебя

таким, какой ты есть. И не испугаются они тебя, а накормят, напоят и на ночлег определят. А за это ты выроешь им колодец глубокий да выложишь его бревном ладным. И наполнится колодец водицей прозрачной да целебной. И смоет она уродство твоё. А людей предупреди о чудотворстве воды. И тогда каждый, у кого сердце чистое и душа беззлая, напившись из него, избавится от недугов разных, а если умоется, то и ликом краше будет. Но ежели человек живёт корысти ради и наживы, или завистью мучается чёрной, или злобу затаил на ближнего, то быть ему уродом и снаружи, и изнутри. Не поможет ему вода.

И принял слова Божьи Ефрем. Нарядился в рубаху холщовую праздничную, подпоясался кушаком, вязью расписанным, сложил в мешок лаптей на замену да онучей охапку. Наточил до востра топор, закинул на плечо лопату и отправился искать место, где добрый люд живёт.

Непростой оказалась задача. Встречал его народ криками да палками и разбегался, пугаясь лица его страшного.

Долго шёл Ефрем. Плутал меж берёз высоких да раскидистых, тонул в болотах чёрных, клокочущих, петлял в полях густых пшеничных и вышел он на место дивное на реке широкой Волге. И встретила ему старуха старая-престарая, со взором, слепотой помутневшим.

— Здравствуй, бабушка, — сказал Ефрем.

— Здравствуй, сынок, — ответила старуха.

— Чего не гонишь меня прочь, бабушка? Ведь страшен я ликом своим.

— А чего мне твой лик? — усмехнулась старуха. — С лица водицы не пить. Чую я, что чист ты душой и помыслами сво-

ими. Издалека, видать, идёшь, устал небось, пойдём со мной. Накормлю тебя, напою, а коль надобно — на ночлег оставлю.

— А все ли в этих местах сердечные такие? Неужто злых людей тут нет?

— Как нет, сынок! Зла везде хватает, но у нас таких мало, не приживаются они, уходят.

— А как зовётся сей город удивительный? — спросил Ефрем.

— Город наш поставил князь Роман Угличский и посвятил его своему небесному покровителю. Так и зовётся он с тех пор — Романов. И стоит он на семи холмах, на семи оврагах и семи ключах. А народ у нас добрый, работающий. Ладно, пойдём уже.

Старуха схватила Ефрема за локоть, и они отправились в город.

Выбрав место в овраге, что на Первой овражной улице, Ефрем на рассвете принялся за работу без устали. Перво-наперво крутую лестницу смастерил и нарубил в лесу дубов статных да прочных. Ловко орудуя топором, превратил их в брёвна ровные и сложил венцы ладные. Вырыл яму в шесть локтей московских и присел отдохнуть, утерев пот пробившийся.

Суетливые длиннохвостые сороки-белобоки мигом разнесли по дворам слух об уроде, копающем колодец. Отбросив дела, потянулся народ поглазеть на него. Мужики опасно переглядывались, шептались, но близко не подходили. Бабы причитали, крестились и угощали Ефрема снедью разной. Кто хлеба фунтовую краюху даст, кто репку душистую запаренную, а кто молока парного кувшин. Всех благодарил Ефрем, и

душа его от доброты людской наполнялась светом лучистым, радужным, а руки наливались силой могучей божественной. И работал он до ночи чёрной, до звёзд мерцающих да луны растущей.

Через три дня забурлила вода барашками серебристыми и наполнился колодец аж до венца верхнего, прям от края плещется, хоть ладонями черпай. Скинул Ефрем рубаху взмокшую и окатил себя водой чудодейственной. Обомлел народ, стоящий поблизости, заахал и заохал. И давай креститься да Бога поминать. Сошло с лица Ефрема проклятье небесное, и вернулся ему облик прежний. Налились щёки вновь румянцем сияющим, выгнулись брови дугой гордой, в глазах молнии счастливые заиграли. Девки молодые рты поразевали да украдкой прихорашиваться начали: кто платочек на голове поправит, кто сарафан одёрнет. Каждой хочется Ефрему приглянуться. И поведал Ефрем людям слова Господние о чудных свойствах воды колодезной. Струдился народ и давай воду черпать. Кто рукой, кто ковшом глиняным, а кто и вовсе кадкой. Но не всем вода помогла. Правдивыми слова Божьи оказались: кто душой и помыслами чист был, тот и лицом ещё краше становился. А кто желчью наполнен да злобой дьявольской, тому и святая вода красоты не придала...

Остался Ефрем в Романове. С помощью людской дом двухэтажный поставил. И начал народ со всей округи на колодец по воду ходить да в хозяйстве её пользоваться. Уж очень она вкусная оказалась да мягкая, без осадка и привкуса. С годами позабыли люди историю эту и считали Ефрема земляком своим. А название к колодцу приклеилось на века — Копровский, по фамилии знатного плотника.

Много воды утекло с той поры, город Романов сменил своё название, и теперь он Тутаев, но Копровский колодец, вырытый Ефремом по настоянию небес, дожил до наших времён. Осталось только проверить на себе его свойства. А для этого надо избавиться от дурных мыслей и просто поверить в чудо.

Олень-гора

История эта произошла много столетий назад, вблизи Железногорска, на том самом месте, где ныне раскинулся посёлок Подгорный, недалеко от озера рукотворного да студёного.

Легенду эту помнят звери да птицы, и лишь человек, с памятью короткой на добро и милосердие, позабыл о ней.

В те времена далёкие на берегу речушки Кантат около леса дремучего проживал стойбищем оседлым народ тихий да мирный — енисейские остяки. Роста невысокого и лицом мрачные, словно из грубого камня иссечённые. Но при суровости видимой были они характером мягким, незлобным и с сердцем лёгким.

Жили меж собой ладом и с природой в согласии полном. В тайгу густую ходили по грибы-ягоды да охоты ради. Жизнь лесную били без жадности, лишь бы на прокорм хватило да на одёжку нехитрую. Рыбачили тоже без страсти, рыбку среднюю и мелочь разную обратно в реку бросали.

И благодарила их природа по-своему. В морозы лютые от ветра пронизывающего защищала она енисейцев деревьями с ветвями раскидистыми да плотными, а в жару летнюю деревья те прикрывали кроной от солнца палящего.

Нашли как-то в лесу охотники оленёнка раненого. То ли волк-бродяга его подрал и полакомиться не успел — спугнул, видать, кто. А может, и медведь сонный лапой когтистой зацепил. Принесли оленёнка в селение и давай всем сходом решать, как дальше быть: то ли съесть его, то ли шаману отдать для обряда тайного.

А во времена те, объезжая земли сибирские, гостил у енисейцев митрополит Савелий. Со всей горячностью своей сердечной обращал он остяков в веру христианскую: проповеди читал долгие, разговоры вёл праведные. И молвил Савелий с ходу:

— Коль живность оная Богом послана и усилий людских на добычу её приложено не было, следует выходить оленёнка, выкормить и к сородичам в лес отпустить.

Прислушались остяки к возваниям митрополита, занесли оленёнка в чум, шкурами обложили и давай травами целебными выхаживать, с заботой и любовью. Даже имя ему дали — Митра, что от христианского Дмитрия произошло. Но не идёт на поправку Митра: стонет, что дитя малое, дрожит да взглядом беспомощным, молящим по сторонам водит. Третьего дня не выдержал оленёнок мучений — издох.

Пришли енисейцы к митрополиту, вовсе они к православию прониклись и вопрошают: мол, попадёт ли оленёнок в Царствие Небесное, ведь какая-никакая, а тварь Божья?

— Нет у меня ответа на это, — сказал Савелий. — Да и среди других богословов тоже нет. Но схоронить его надо по-христиански, в земле.

Вырыли могилку остяки, положили туда Митру, земелькой закидали да камнями сверху заложили. Ночью всполошилось стойбище. Разбудил людей рёв громогласный, словно десяток

охрипших могучих туб загудели разом. Выскочил народ на улицу и замер. В мягком свете круглобокой луны стоял огромный олень. Задрав морду к небу, он мычал яростно и тоскливо. Увидел олень людей да склонил голову, упёршись мощными рогами в землю. Будто не зверь он лесной, а человек, застывший в благодарном поклоне. И поняли енисейцы благодарность эту, и приняли её.

— Господи Иисусе! — перекрестился митрополит. — Воистину мир Божий превыше всякого ума!

Поглядели остяки на Савелия, зашептались и, неумело повторяя его движения, тоже начали креститься.

С того времени повадился олень к могиле приходить, но приходил тихо, не тревожа людей.

А через время малое собрал митрополит Савелий сход и обратился к остякам.

— Привиделся мне наемни сон вещей, что не олень это все, а посланник небесный. И велел он мне поведать о следующем. Коль проявили вы милосердие к твари Божьей, коль заботились вы о ней, как о сыне родном, коль вера православная по душе вам пришлась и приняли вы её, то будет вам подарок Господний. С сего дня надлежит вам собирать камни и класть их на могилу оную до той поры, пока не появится на месте этом возвышенность подоблачная и не покроется она травами зрелыми. А зваться ей «Олень-гора». И всяк, кто поднимется на неё, силу получит духовную да веру обретёт в Бога и себя самого.

И принялись остяки исполнять волю Всевышнего да таскать камни тяжёлые. Уходили дни, годы, столетия, и выросла Олень-гора и крепла. И начали люди на ней фигуру оленя

из камней выкладывать, да зачастую и с оленёнком, и в цвета броские выкрашивать, чтобы видна она была с берега дальнего.

Но со временем выдули безжалостные ветры перемен мысли о главном: забывать начали люди о милосердии, добре, сострадании. А без этого не будет жизни на земле.

А может, собраться в дорогу, приехать в Железногорск, в посёлок Подгорный, и подняться на Олень-гору? Прислушаться к лёгкому шуму воды в прозрачном озере, нежному шелесту ветвей и посмотреть на небо с плывущими по нему рваными облаками. Вдохнув полной грудью, вспомнить слова митрополита Савелия и пустить Бога в сердце, а значит — обрести духовную силу да веру в себя самого!

Кухни мира

Эта незатейливая история приключилась в 1962 году на Верхнем рынке города Пятигорска. Предприимчивые граждане Страны Советов бойко торговали овощами и фруктами. За прилавками под дощатым навесом из сезона в сезон стояли одни и те же люди из далёких и близких южных республик. Все друг друга знали, а некоторые и вовсе дружили. Двое молодых парней — Карен из Армении и Ваню из Грузии — были знакомы давно. Каждое лето они привозили в Пятигорск сладкие круглобokie помидоры, которые лихо распродавались к середине августа. Торговали они мастерски и, расхваливая свой товар, умело заманивали покупателей.

Карен и Ваню дружили по-настоящему, по-мужски, но как только речь заходила о родных краях, парни превращались

в разъярённых бойцовских собак, готовых разорвать натянутые поводки и устроить потасовку. Спор вспыхивал мгновенно, как пучок сухой соломы, от мимолётной искры, и темы для этого находились самые разные. Где ярче светит солнце, в Грузии или в Армении? Что крепче — арцах или чача? Где крупнее и слаще виноград?

Спор, возникающий на ровном месте, прекращался так же резко, как и начинался. Друзья пожимали руки, обнимались и клятвенно обещали приехать друг к другу погостить. Но стычка, произошедшая в конце того лета, на рынке запомнилась всем. В этот раз причиной раздора стал шашлык, вернее способ его приготовления. Ваню, отчаянно жестикулируя, доказывал, что вкуснее, чем в Грузии, это блюдо не готовит никто. Раскрасневшийся Карен утверждал, что лучше армянского в мире нет. Он бил себя в грудь и орал, что сам слышал, как королева Елизавета Вторая говорила об этом в шашлычной на улице Ленина в центре Еревана.

Вокруг спорщиков собралась толпа зевак. Парни уже были готовы схватиться за ножи, лежащие под прилавками, но вмешались старейшины. Их решение оказалось настолько простым, что спор мгновенно стих: завтра утром и Ваню, и Карен готовят шашлык по своему рецепту. Чей окажется вкуснее, тот и прав. Посовещавшись, старейшины выбрали жюри, в которое вошли директор рынка, главный бухгалтер и представители диаспор.

На следующий день рынок не работал: раз в неделю его закрывали на генеральную уборку. Народу собралось человек пятнадцать. По распоряжению директора неподалёку от складов установили два высоких мангала, длинные металлические

столы позаимствовали у мясников, натаскали канистры с водой и притащили дрова. Соревнование началось.

Вано и Карен работали как заправские повара. Их ножи плавно входили в нежную мякоть свиной шейки, опоясанной тонким слоем бледного сала. Мясо с витиеватыми прожилками, разрезанное поперёк волокон, было похоже на куски розового мрамора. Полукольца лука поскрипывали, отскакивали от острых лезвий и укладывались в ряд на разделочной доске, моментально покрываясь капельками терпкого мутного сока. Какие приправы добавляли парни к блюду — никто не видел, но их обворожительный аромат почувствовали все...

Сок с мяса робкими каплями падал на поседевшие угли, которые тут же вспыхивали тревожными огоньками. С каждым поворотом шампура кусочки мяса становились всё румянее и румянее, они покрывались маленькими пузырьками, взрывающимися шипящими брызгами. Когда кусочки затянулись тонкой золотистой корочкой, шашлыки сняли с мангала и разложили на два блюда. Все захлопали в ладоши и сели за стол.

В этот момент к складам прибежала секретарша.

— Товарищ директор, беда! — закричала она, тяжело дыша. — Звонили из горкома партии! К нам едет первый секретарь горкома и заместитель министра торговли СССР. Представляете, из Москвы!

— Из Москвы?! — повторил директор, медленно поднимаясь из-за стола. Лицо его побагровело и покрылось испариной.

— Этого ещё не хватало! — пробормотал он и заорал: — Быстро всё в склад, или в подсобку, или... не знаю куда! Спрятать всё быстро!

Но убрать ничего не успели.

Прямо у мангалов остановилась блестящая чёрная «Чайка». Из неё вышли двое. Оба в серых костюмах, белых рубашках и, несмотря на жару, в шляпах.

Прячась за спину московского гостя, первый секретарь, оглядев всех гневным взглядом, зыркнул на директора и прорычал:

— Что здесь происходит?

Замминистра, не оборачиваясь, поднял руку.

— Здравствуйте, товарищи! У вас, наверное, обеденный перерыв?

Не в силах проронить ни единого слова, все нервно закивали.

— Вы садитесь, товарищи, продолжайте. Я не с официальным визитом. Нахожусь в Пятигорске на отдыхе. Может, и нас покормите? Обед-то я свой в санатории пропустил, да и представитель горкома, думаю, от шашлыка не откажется.

Директор рынка шикнул на бухгалтера, та слетела с места и убежала на склад. Через минуту она вернулась с двумя чистыми тарелками, вилками и ножами.

— Прекрасно живёт советский человек! — продолжил замминистра, глядя на первого секретаря. — А до меня доходят слухи: якобы мяса в стране не хватает. Вы каждый день так обедаете, товарищи?

Бухгалтер хмыкнула. Она хотела что-то сказать, но директор рынка легонько пнул её под столом, и та сразу заткнулась.

— Понимаете, товарищ заместитель министра, — широко улыбаясь, ответил директор. — Спор у нас вышел, чей шашлык вкуснее, армянский или грузинский.

Замминистра снял шляпу, положил её на соседний стул и вытер лоб салфеткой.

— Так это что-то вроде социалистического соревнования получается? Ох молодцы, ох молодцы! Ну что, товарищи, начнём пробовать, — предложил он и взял с блюда зажаренный кусок.

Все сидящие за столом переглянулись и потянулись к мясу.

Примерно через полчаса заместитель министра поднялся, за ним встали остальные.

— Ну что сказать, товарищи? Шашлык превосходный! И тот, и другой. И почин вы придумали замечательный. Надо бы нам на вашем рынке построить павильон общественного питания. Чтобы собрать под одной крышей кухни всех пятнадцати советских республик. Так сказать, для обмена опытом. Вернусь из отпуска, зайду к Анастасу Ивановичу Микояну. Думаю, он согласится и поддержит идею. Всего доброго, товарищи!

«Чайка» уехала, а работники рынка ещё долго стояли молча.

С тех пор Ваню и Карен больше никогда не спорили. Поговаривают, что их дружба протянулась через всю жизнь, а их дети и внуки до сих пор ездят друг к другу в гости, хотя делать это стало значительно сложнее.

На приём к Микояну замминистра не попал. Четырнадцатого октября шестьдесят второго года начался Карибский кризис, а партийная элита усиленно готовилась к «дворцовому перевороту». Про рынок в городе Пятигорске больше никто не вспоминал.

Возможно, в этой истории не было ничего удивительного, но она всё-таки получила своё продолжение.

В июне 2019 года на территории верхнего рынка в Пятигорске, в том самом месте, где Ваню и Карен жарили шашлыки, появился уникальный гастромакет «Кухни мира», собравший под одной крышей уйму кафешек, в которых сегодня можно насладиться необычным вкусом еды из разных стран: суши, пирогов, сладостей и множества других блюд. А к приготовлению шашлыков тут относятся с особым трепетом.

Неужели мечта заместителя министра торговли СССР, проделав путь во Вселенной, вернулась на Землю через пятьдесят семь лет и осуществилась? Как после этого не верить в чудо и, побывав в Пятигорске, не посетить это замечательное место...

Флоатинг

Как и многие, Наташа никогда не слышала слова «флоатинг», а тем более не знала, что это такое. И удивляться тут нечему. Сколько иностранных слов заблудилось и прижилось в русском языке за последние годы! Флоатинг — это процедура релаксации, во время которой человек парит на поверхности воды при полном отсутствии раздражителей. Но история эта вовсе не о толковании слов, и поэтому лучше обо всём по порядку...

Успешная, как принято сейчас говорить, бизнесвумен, Наташа Листикова к тридцати пяти годам имела всё, к чему стремилась: квартиру в центре Пятигорска, машину и небольшой магазин сантехники, как ни странно, приносящий неплохой доход. Тяга к смесителям, раковинам и мойкам ей передалась от отца, работающего водопроводчиком в управляющей компании.

— Учись, дочь! — частенько говаривал он. — А то будешь, как я, каждый день по уши в дерьме по унитазам лазить.

Почему папаша готовил ей именно такую незавидную участь, Наташа не понимала, но уже в десять лет могла легко поменять кран-буксу и даже поставить смеситель. И когда она задумалась об открытии магазина, то выбор пал не на продажу нижнего белья или одежды, а именно на магазин сантехнических товаров.

Но не это важно в нашей истории...

Важно то, что Наташа была одинока.

Проводя в магазине шесть дней в неделю с десяти до восьми, она просто физически не имела времени на поиски любви. Иногда в выходной Наташа встречалась с подругами в ресторане «Колхида» и за чашечкой кофе с грустью выслушивала восторженные рассказы о круговороте бабочек в животе, но представить себе этих бабочек она не могла: перед глазами кружились фитинги, отводы, вентили и эксцентрики. Но и эти посиделки вскоре закончились. Подруги повыскакивали замуж и оградили себя неприступными заборами, чтобы чья-нибудь зависть не разрушила обретённого счастья.

Наташа затосковала.

Желание любить набирало силу, и справиться с ним становилось всё труднее. Чтобы хоть как-то утихомирить свой пыл, она купила дымчатого короткошёрстного кота и назвала его Степаном. Какой-никакой, но всё же мужик, нуждающийся в домашнем уюте. Для него и готовить в радость, да и помолчать есть о чём. Но и Степан через полгода, до полусмерти измученный заботой, недовольно колошматил по полу хвостом и укоризненно смотрел на хозяйку.

«Ну что ты? — читала Наташа в его чёрном гневном взгляде. — Когда у меня уже появится соперник? Я же должен рвать чью-то обувь и метить чьи-то тапки!»

«Действительно, когда? — думала она, глядя в зеркало. — Морщинки уже появились и пара седых волосков, а взгляд вообще как у затюканной монашки...»

Осознав, что жизнь со скоростью ветра пролетает мимо, Наташа спохватилась и взяла на работу продавца.

От свободного временихватило дух, но ни сочная зелень, ни дурманящий воздух не возвращали её к жизни. Она бродила по городу и понимала, что проходящие мимо мужчины больше не провожают её желанным взглядом, да что там желанным — они не смотрят на неё вообще!

Наташа, как раньше, зашла в «Колхиду», села за столик у окна. Пробежав по меню, она заказала чай, три шоколадных пирожных и огромную порцию мороженого. Съесть всё ей было, конечно, не под силу, но очень хотелось душевную горечь утихомирить приторной сладостью во рту.

Наташа грустно смотрела в окно. «Это всё из-за работы, — решила она. — Огрубела, забросила себя и разлюбила. А если сам себя не любишь, кто же тебя полюбит? Что же делать?»

Взгляд, наполненный слезами, ползал по вывескам дома напротив: «Университетская, 4», «Аренда», «Продукты», «Низкие цены»...

— А это ещё что такое? — прошептала Наташа. — Какая невесомость?

Она промокнула глаза и прищурилась.

Над высокими узкими пластиковыми окнами было написано «Ощущи невесомость». Ничего особо привлекательного

в баннере не было, но эта голубая табличка показалась ей проблиском бирюзового неба, а расплывшиеся сквозь слёзы белые буквы — нежными облаками с прожилками.

Так и не прикоснувшись к заказу, Наташа резко поднялась, положила на стол деньги, вышла из ресторана, перешла дорогу и открыла дверь спа-центра Grand Float.

— Ух ты! — воскликнула она, прочитав крупные надписи на стенах: «Отпусти ситуацию» и «Счастье любит тишину». — Это как раз то, что мне нужно.

— Простите, — обратилась она к администратору за стойкой, — я хочу ощутить невесомость.

— Отлично! — приветливо ответила девушка. — Вы хотите записаться на флоатинг, да?

— Флоатинг?.. — растерялась Наташа. — Наверное. Я не знаю, что это такое. Вам виднее...

— Обычно у нас предварительная запись, но вам повезло. Недавно позвонила клиентка и отказалась от назначенного времени. Так что можно прямо сейчас. Устроит?

В камере флоатинга было темно. Подсвеченная густым синим светом вода в огромной, во всю комнату ванне переливалась причудливыми бликами. Она казалась космически бездонной и притягивала неизвестностью.

Наташа осторожно села и почувствовала, что солёная вода, вступив с ней в борьбу, выталкивает её, не давая коснуться дна. Она подчинилась.

Её тело, ощутив лёгкость, словно зависло в невесомости, как изящный поплавок, у которого никак не получается уйти на дно. На черноте потолка вспыхнули бессчётные звёздочки, разбросанные мелкими золотистыми искорками. Свет от

них не тревожил, не бил в глаза, а успокаивал и расслаблял.

Час пролетел незаметно.

Наташа сидела в кресле и пила чай. «Что со мной произошло? — подумала она. — Прожить в Пятигорске всю жизнь и не знать об этом великолепном салоне?! Господи, как хорошо! Жалко, что у меня нет крыльев. Сейчас бы взлететь!» Наташа вышла на улицу, зажмурилась и подставила лицо мягким солнечным лучам, пробивающимся сквозь зелень деревьев.

— Всё, — громко сказала она, — больше никакой сантехники! Магазин продаю со всем барахлом и еду в отпуск! А там уж подумаю, что и как. Может, займусь косметикой...

Наташа шла по аллее и улыбалась. Ветер трепал непросохшие волосы и теребил лёгкую блузу. Прохожие с интересом поглядывали на неё: женщины — с лёгкой завистью, мужчины — с улыбками.

На перекрёстке притормозила машина. Водитель открыл окно и крикнул:

— Девушка, вас подбросить? То есть подвезти?

Наташа рассмеялась:

— Спасибо, меня уже подбросило!

Она помахала ему рукой и медленно направилась дальше, мечтая о новой интересной жизни.

Клюквенный морс

Светлана Сергеевна жила в чудом сохранившемся местечке неподалёку от Ростова Великого. Каждый год в начале октября,

закончив сбор урожая и накрутив невероятное количество банок с разносолами, она, оставив на мужа нехитрое хозяйство, уезжала в город к сыну, чтобы отдохнуть от работы на огороде и побродить с невесткой по магазинам. Везла она и гостинцы: пару трёхлитровых банок собранной в болотистых лесах свежей отборной клюквы.

Бабушкиного приезда ждали не только сын, невестка и десятилетняя Алинка. Её ждал похожий на хитрого лисёнка, игривый шпиц Скай, и на то у него были веские причины: Скай любил бабушкину клюкву. Как-то раз, когда Светлана Сергеевна готовила клюквенный морс, несколько ягод скатились со стола. Проскальзывая лапками по полу, шпиц рванулся к ним, понюхал, подцепил одну языком и, закинув в рот, начал быстро жевать. Потом покрутил мордочкой, громко чихнул и принялся за остальные.

Светлана Сергеевна с интересом смотрела на Ская, который, усевшись на полу, призывно буравил её чёрными глазами.

— Ещё хочешь? — спросила она.

Скай тихонько гавкнул, подбежал к бабушке, упёрся в её ноги передними лапами и, поскуливая, начал быстро перебирать ими, цепляясь за полу халата маленькими коготками.

— Смотри, смотри! — закричала Алинка. — Он даже не морщился, когда эту кислятину ел! Дай мне немного ягодок, я его дрессировать буду.

С тех пор и Алинка подросла, и Скай поумнел, но при запахе свежей клюквы приходил в полный восторг. За ягодку он был готов выполнять любые команды: ложился, садился, кружился раскрученным волчком и подавал голос. А за ложку

клюквенного морса мог подолгу стоять на задних лапах и в задумчивости завывать печальную мелодию.

Но не любую клюкву предпочитал Скай. Он был настоящим ценителем и любил только отборную, которую привозила бабушка. Сколько раз ему подсовывали ягоду, купленную на рынке, но шпиц, повозив её лапой по полу, презрительно фыркал и уходил в сторону. А уж морс, сваренный кем-то другим, и на дух не принимал: чихал, недовольно крутил мордой и ожесточённо тьякал.

— Вот не верили вы мне, — сказала Светлана Сергеевна, — а лучшая клюква растёт только у нашей деревни! И нет таких мест больше. Собака не дура, её не проведёшь!

— Да верим мы тебе, — Алинка обняла бабушку. — И морс у тебя самый лучший. Сколько мы с девчонками в кафешках ни пробовали, такого нигде нет.

Погода тоже радовалась приезду Светланы Сергеевны. Пасмурные дни с надоевшим накрапывающим дождиком закончились. Тёплый ветер разогнал остатки туч, и по-летнему встрепнулось солнце. Утром Алинка вышла гулять с собакой, а Светлана Сергеевна принялась за блины. За шумом скворчащей сковороды она едва услышала, как на кухню влетела внучка.

— Бабушка! — сквозь слёзы закричала она. — Скай потерялся! Он без поводка был.

— Буди родителей! — скомандовала Светлана Сергеевна, скинула фартук и побежала на улицу.

— Вы не видели тут шпица, маленького, рыжего? — кидалась она от одного прохожего к другому.

Но все только разводили руками. Да и спрашивать было особо не у кого: раннее утро, выходной день, — и бабушка

вернулась домой. Собравшись за столом на кухне, решили так: папа с мамой обходят дворы соседних домов, Алинка пишет и распечатывает на принтере объявления, а бабушка помогает разрезать их, чтобы каждый мог оторвать клочок с номером телефона.

Девочка прислушивалась к каждому шороху, доносящемуся из подъезда, глаза её покраснели, веки набухли. Она постоянно шмыгала носом и вытирала слёзы.

— Это я виновата! — всхлипывала Алинка. — Надо было на поводке его вести. Он эту стаю собак увидел и как рванул за ними! Я кричу: «Скай, Скай!» А он даже не оглянулся. Бабушка, они теперь разорвут его?! Он же такой маленький!

— Найдётся твой Скай, — успокаивала Светлана Сергеевна. — Он умный. Глядишь, нагуляется и сам придёт.

Родители вернулись через пару часов. Алинка с надеждой посмотрела на них, но папа растерянно развёл руками.

— Сейчас позавтракаем и пойдём объявления клеить, — предложил он.

— Я не буду есть! — решительно заявила дочка. — Я сейчас пойду!

— Алина! Ты одна не пойдёшь, — ответил папа. — Не хватало нам потом тебя разыскивать по всему городу!

— Папа!

— Нет! — отрезал отец.

— Дорогие, не надо спорить, — вмешалась Светлана Сергеевна. — Вы завтракайте, а мы с Алиночкой пойдём, чтобы время не упустить. Объявления наклеим, вернёмся и перекусим, а вы ешьте блинчики, пока горячие. Я варенье клубничное открыла, сметанку на стол поставила.

Полдня бабушка с внучкой бродили по близлежащим улицам. Когда объявления заканчивались, они возвращались, распечатывали новые и снова шли расклеивать.

Алинка плакала. Светлана Сергеевна пыталась отвлечь её разговорами. Девочка на секунду успокаивалась, но крупные слёзы вновь и вновь катились по щекам.

— Ну где ты, Скай? Миленький, пожалуйста, вернись! — бормотала она.

Но ни в одном дворе шпица не было, да и телефон молчал. Домой они вернулись только к обеду.

— Мы сделали всё, что могли. Теперь остаётся только ждать, — вздохнул папа. — А это самое тяжёлое.

— Бабушка, давай поедим и ещё поищем! — попросила Алинка.

— Конечно, чуть-чуть отдохнём и пойдём, — согласилась Светлана Сергеевна.

День подходил к концу. Предвечернее солнце медленно пряталось за домами, нехотя уступая место сумеркам.

Светлана Сергеевна и Алинка сидели на лавочке у дома. Девочка, уткнувшись в бабушкино плечо, всхлипывала, а Светлана Сергеевна, приобняв её, молча гладила по голове.

— И что у нас стряслось? — около них остановился пожилой мужчина. Он выжидающе облокотился на трость, словно приготовился к долгому разговору. — Что вызвало такие страдания у столь юной леди?

Светлана Сергеевна тяжело вздохнула, ей было не до шуток.

— Собачка у нас потерялась. Шпиц рыженький. С утра ищем, но, увы... Умчался с бродячими собаками!

— Так, понятно. А какие ещё приметы имеются?

— Да вроде никаких.

— Есть! — Алинка подняла глаза на мужчину. — Ошейник чёрный и глаза добрые.

— А я, по-моему, видел вашу собаку недавно. В арке, у кафе «Аппетит».

— Где?! — встрепенулась Светлана Сергеевна.

— Кафе «Аппетит». Тут недалеко, на Соборной площади. Кажется, Соборная площадь, дом два. Отсюда минут десять ходьбы.

— Я знаю, где это, бабушка! — закричала Алинка и поднялась с лавочки. — Побежали!

— Спасибо Вам огромное! — на ходу поблагодарила соседка Светлана Сергеевна и поспешила за бегущей впереди внучкой.

У входа в кафе, под навесом, за столиками сидели посетители.

Сквозь гул голосов доносилось негромкое тьяканье. Скай метался от стола к столу, глядя в лица людей. Иногда он останавливался, задирая морду вверх и настороженно прищипывался, выискивая знакомый запах.

— Скай! — закричала Алинка. — Скай!

Шпиц замер, оглянулся и тут же с визгом бросился к хозяйке.

Девочка подхватила его и прижала к себе.

Скай лизал ей лицо и пытался вырваться, чтобы успеть лизнуть и Светлану Сергеевну. Его пушистый хвост ходил ходуном.

— Всё, больше не могу! — сказала бабушка и плюхнулась на стул. — Давай посидим, у меня сейчас сердце выскочит, да и родителям надо позвонить.

Алинка, не выпуская из рук собаку, села за стол.

К ним подошёл молодой улыбающийся официант и протянул меню.

— Нет-нет, — отмахнулась Светлана Сергеевна, — нам только попить.

— Конечно! — улыбнулся паренёк. — Вода? Сок? Клюквенный морс? Кстати, он у нас самый вкусный в городе!

— Да? Вот так прямо, самый вкусный? — Светлана Сергеевна приподняла брови. — Сомневаюсь, но давайте попробуем. Принесите нам, пожалуйста, два стакана и блюдечко.

— Зачем блюдечко? — шёпотом спросила Алинка.

— Для нашего эксперта! — подмигнула бабушка и посмотрела на Скаю.

Через несколько минут официант поставил на стол запотевшие стаканы с морсом. Алинка сделала два больших глотка и улыбнулась.

— Вкуснятина! — с восторгом произнесла она.

— Осторожно, он же холодный! Горло заболит, — спохватилась бабушка, попробовав напиток.

— Похоже, из наших мест клюква, — задумавшись сказала она, причмокнула и сделала ещё один глоток. — Действительно прекрасно! Замечательный кисло-сладкий вкус, освежающая терпкость и никакого привкуса воды.

Светлана Сергеевна взяла блюдец, налила в него немного морса и подвинула Алинке.

— Дай Скаю попробовать.

Шпиц уже почувствовал аромат и тянул морду к столу. Добравшись до блюда, он мгновенно вылизал его, призывно уставился на Светлану Сергеевну и требовательно гавкнул.

— Бабушка! — засмеялась Алинка. — Он всё выпил! Значит, морс настоящий!

— Да, — согласилась Светлана Сергеевна. — Собака не дура, её не проведёшь. В этом кафе действительно превосходный морс! Мне кажется, что они даже лучше меня его готовят.

Она допила напиток, позвала официанта и рассчиталась.

— Дайте, пожалуйста, жалобную книгу, хотим отзыв написать.

— Вам что-то не понравилось? — насторожился паренёк.

— Нет, что Вы! — успокоила Светлана Сергеевна. — Наоборот, очень понравилось!

Когда книгу принесли, Светлана Сергеевна взяла ручку и написала:

«Большое спасибо, кафе «Аппетит»!

Самый вкусный клюквенный морс в городе Ростове Великом только у вас! Спасибо!

С уважением, Светлана Сергеевна, Алиночка и Скай».

Она поднялась из-за стола и сказала:

— Ну вот и всё, Алиночка! Пошли домой, а то скоро родители развезят по городу объявления: потерялась девочка с очень уставшей бабушкой.

Пирамида

После летних каникул в гимназию привезли бактерицидные рециркуляторы.

Директор вызвала к себе школьного мастера по обслуживанию техники.

— Ну что, Дмитрий Андреевич, как говорится, получите и распишитесь! Слышала, что рециркуляторы самые лучшие. Сейчас ребята их к Вам в кабинет переташат. Изучите инструкцию, проверьте, соберите и расставьте по классам. Только сделать всё надо очень быстро. А то, не дай бог, примчится проверка, а у нас в разгар пандемии помещения не обработаны. И тогда — прощай, моя премия, и Ваша, кстати, тоже.

Дмитрий Андреевич распаковал первую коробку и по привычке сразу же посмотрел на шильдик, приложенный к задней стенке прибора двумя металлическими заклёпками. На шильдике, кроме различной информации, была изображена маленькая пирамида.

— Не может быть! — прошептал он, опускаясь на стул. — Неужели отец не выдумал эту историю и пирамида на самом деле существует?..

В детстве, как и большинство мальчишек, Дима любил разбирать игрушки, но, в отличие от других, он мог запросто собрать их обратно, причём так, что они продолжали работать. Заметив это, папа подсовывал ему старые, сломанные предметы: то вышедший из строя фотоаппарат, то застывшие, казалось, на века настенные часы. И что удивительно, сын разбирал их по винтику, интуитивно находил поломку и возвращал вещи к жизни.

— Он определённо гений! — часто говаривал отец. — У него дар от бога! Ну скажи, мать, честно, при рождении у него в руках не было отвёртки или плоскогубцев? Может, ты не заметила?

— Это ему от тебя передалось, — смеялась мама, — ты же у нас мастер на все руки!

Димин отец часто ездил в командировки, порой его не было дома по несколько месяцев. Мама говорила, что он знаменитый инженер, который мотается по миру и обучает специалистов в развивающихся странах. И только в начале восьмидесятых, когда тот вышел на пенсию, Дима узнал, что его папа — полковник КГБ, специалист промышленной разведки.

В день окончания механического техникума родители подарили Диме электробритву. Сын улыбнулся, ведь такой подарок подтверждал его взрослость. Он провёл рукой по подбородку, ощупал редкий пушок и включил прибор в розетку. Бритва гудела как трактор, но суперсовременные плавающие ножи не крутились.

— Как всегда, новое достижение страны! Даже скопировать у буржуев нормально не могут, — покачал головой отец. — Ну-ка, семья, отгадайте загадку: что такое — не жужжит и в дырочку не лезет?

И не дожидаясь ответа, выпалил:

— Правильно подумали! Советская машинка для жужжания в дырочке. Не зря в мире говорят, что часы, сделанные в СССР, самые быстрые часы на свете.

— Почему так, папа? — спросил Дима и выключил бритву. — Я, конечно, смогу её отремонтировать, но на ней же стоит знак качества!

Отец хмыкнул и обнял сына за плечи.

— Ты уже взрослый парень. Пойдём, я тебе кое-что расскажу, и ты всё поймёшь.

Они зашли на кухню и сели за стол.

— Сынок, — начал отец, — мы самые крутые в мире по производству космических ракет, авиадвигателей и вооруже-

ния. Но скажу тебе по секрету, что почти вся бытовая техника в СССР — это копии заграничных оригиналов. И поверь, я это знаю точно. Множество технологий мы просто украли у Запада, а вот довести до ума не смогли. Даже знак качества, появившийся в шестьдесят седьмом году, и тот возник не на ровном месте. На первый взгляд, он похож на стилизованную пятиконечную звезду, но если внимательно приглядеться к рисунку, то будет видно, что каждый его элемент похож на искривлённую пирамидку. А пирамида, как знак на товаре, придумана за десять лет до этого и, конечно же, не у нас. Я тебе поведаю историю, которая, возможно, тебе пригодится, но учти — никогда и никому о ней не рассказывай.

Япония после Второй мировой была сильно разрушена, а сброшенные на неё атомные бомбы окончательно добились её. Но уже к середине пятидесятых страну было не узнать. Она преобразилась и воспрянула. Тогда в мире впервые заговорили о японском чуде. И вот, втайне от других стран в Японию приехали представители двенадцати государств. По моим данным, этот съезд охранял преступный синдикат «Якудза». При полной секретности, через несколько дней переговоров они утвердили международный знак качества — пирамиду, как символ божественного развития и стремления вверх. А ещё они решили, что этот знак можно ставить только на оборудовании, прошедшем испытание во всех странах, представители которых были на этой встрече в Японии. Вот так, сынок!

Но за все годы работы в промышленной разведке я так и не встретил пирамиду ни на одном изготовленном в мире товаре. Может, тебе повезёт, сынок, и если ты увидишь этот знак на

этикетке какого-нибудь прибора, то можешь смело доверять ему. Он означает стопроцентное качество...

Дмитрий Андреевич много лет проработал в мастерской по ремонту бытовой техники. А окончательно устав от общения с клиентами, вышел на пенсию и устроился в ближайшую к дому гимназию. Всю жизнь, беря в руки любой прибор, он сразу разглядывал маркировку, выискивая пирамиду, хотя со временем где-то в глубине души уже перестал верить в историю, рассказанную отцом...

Дмитрий Андреевич внимательно рассмотрел рециркулятор.

— Да уж, собрано на отлично, докопаться не до чего. Кто же тебя сделал? Посмотрим!

Он надел очки, провёл пальцем по шильдику и прочитал: «ООО „ЗНГА Анодь“, г. Пермь».

«Ну что ж, будем искать. Всё равно докопаюсь до истины!» — решил Дмитрий Андреевич и включил ноутбук.

Через минуту он набрал номер телефона и, барабанив пальцами по столу, ждал ответа.

— Добрый день! Завод нефтегазовой аппаратуры, — раздался голос из трубки.

— Здравствуйте! Простите за беспокойство, — вкрадчиво произнёс Дмитрий Андреевич, хотя от волнения его сердце готово было выпрыгнуть из груди. — На рециркуляторе вашего производства нарисована пирамида. Что означает этот знак?

— Наш завод — производственное подразделение корпорации «Пермснабсбыт». Думаю, по этому вопросу вам лучше обратиться туда. Удобно записать номер?

— Да, конечно, — ответил Дмитрий Андреевич, хлопая себя по карманам в поисках ручки.

Утерев выступивший на лбу пот, он набрал записанный номер. Трубку взяли после второго гудка.

— Добрый день! Корпорация «Пермснабсбыт», Ольга. Слушаю вас!

— Здравствуйте, простите за неожиданный вопрос: вы имеете какое-то отношение к Японии?

Судя по затянувшемуся молчанию, вопрос был и правда неожиданный.

— Скорее всего имеем, если учесть, что корпорация работает по японской системе «Кайдзен».

— Спасибо, Ольга! А ещё скажите, пожалуйста, почему на ваших изделиях изображена пирамида?

— Пирамида — это зарегистрированный товарный знак корпорации, наш логотип.

— Большое спасибо! — выкрикнул Дмитрий Андреевич и отключил телефон.

Он подошёл к окну, посмотрел вдаль и подумал: «Конечно, возможно, это и совпадение, но чего только не бывает на белом свете! А вдруг это именно они?..»

Дмитрий Андреевич улыбнулся и принялся распечатывать остальные коробки.

НЕМНОГО О ВОЙНЕ

Я обязательно тебя найду...

Музей Холокоста на окраине Берлина был переполнен. Группа туристов тянулась по залу, рассматривая выставленные на стеклянных полках документы. Огоньки зажжённых свечей, словно понимая речь экскурсовода, тревожно дрожали. Низкий бетонный потолок, похожий на большую кладбищенскую плиту, давил угрюмостью: казалось, ещё чуть-чуть, и он рухнет, погребя под собой всех, кто находится тут. У стены из матового гранита, сверху донизу исписанной именами и фамилиями уничтоженных фашистами евреев, стояла стройная высокая женщина лет восьмидесяти. Возрасту все ещё не удалось изломать её тело: прямая спина, развёрнутые плечи и высоко поднятая голова. Сквозь роскошные пепельные кудри пробивались ниточки тёмных волос, не тронутых сединой. Позолоченная оправка изящных очков сползла и, зацепившись за небольшую горбинку, повисла на середине прямого восточного носа. Большие дымчатые стёкла скрывали подёрнутые слезами чёрные, как маслины, глаза. Женщина, словно не доверяя зрению, водила пальцами по стене, ощупывая выбитые в граните буквы...

Фира устала плакать. Она отодвинулась от заплесневелой стены старой конюшни, крепко прижала Соню к груди и прошептала:

— Спи, фэйгалэ моя, спи, птичка. Всевышний услышит нас и спасёт, он не бросит. Я знаю точно.

«Сколько нас здесь? — подумала Фи́ра. — Человек пятьдесят? Сто? С трёх деревень согнали женщин и детей. А где мужики? Что теперь с нами будет?»

Она подняла голову и, раскачиваясь, словно читающий молитву раввин, начала укачивать дочку. Сквозь дыры в крыше конюшни Фи́ра рассматривала звезды.

«Почему в конце сентября ночное небо не такое, как обычно? — подумала она. — Кажется, что звёзды, выстроившись в ряд, медленно двигаются вперёд. В черноту, в неизвестность... Что ждёт их там? Погаснут или будут ещё долго светить, помогая людям найти нужную дорогу?.. А может, они, гонимые всеми, ищут свой дом, чтобы наконец обрести свободу и покой?»

— Мамочка, — Соня посмотрела на Фи́ру слипающимися глазами. — Пойдём домой, мамочка. Я хочу домой.

— Тише, тише, — прошептала Фи́ра. — Видишь, все спят. Наступит утро, и пойдём. Спи, птичка, спи.

— А папа уже дома? — не унималась Соня.

Фи́ра до боли закусила губу и, чтобы не расплакаться, крепко зажмурила глаза. Но сдержать слёзы не получилось. Прощальный взгляд мужа навсегда застыл в памяти: сколько в нем было любви и боли! Как же он крепко прижимал к себе Сонечку, пытаясь защитить её, когда фашисты вломились к ним в дом. Ей показалась, что она вновь услышала хруст пальцев Мойши, когда немцы ломали их, разжимая его руки.

— Я не знаю, Сонечка, где папа, но мы его обязательно найдём. Спи.

Соня причмокнула губами, уткнулась носом в мамино плечо и негромко засопела.

Звёздное небо быстро затянулось тучами. Напористый ве-

тер со свистом прорывался в щели конюшни, безжалостно выгоня тёплый воздух. Крупные, как горох, капли застенчиво, по одной, посыпались сквозь прорехи крыши, но вскоре потоки ливня обрушились на сидящих в сарае людей.

Стоны, вздохи, причитания послышались со всех сторон.

— Идите сюда! — крикнула Фира. — Здесь меньше льёт!

Она могла этого и не говорить. Чтобы не промокнуть, женщины и так начали перебираться, выискивая сухие места. Они рассаживались, плотно прижимались друг к другу, вцепившись в сумочки и узелки. Ливень закончился. Мутная промозглость заставляла людей прижиматься всё плотнее и плотнее. Души женщин не находили покоя, но тела, как свечи зажжённой Ханукии, ещё излучали лёгкое тепло. Женщины молились и верили в чудо...

Ранним утром всех вывели на улицу и построили в колонну. Псы свирепели. Они вставали на задние лапы и рвались вперёд. Охранники, едва сдерживая их, натягивали поводки. Псы падали, но тут же поднимались и продолжали надрывно лаять. Соня закричала и закрыла руками глаза.

— Тише, фэйгалэ, — испуганно прошептала Фира.

— Где папа? — всхлипнула Соня. — Я хочу к папе. Домой.

— Сейчас, сейчас. Найдём папу и пойдём домой. Только не плачь.

Колонна двинулась по широкой дороге вдоль лугов. Грунт, прибитый ночным дождём, подсыхал на солнце. Под ногами идущих он превращался в пыль и висел в воздухе бурым туманом. Фира прижала Сонечку к груди и шла, глядя в затылок ковылявшей перед ней старухи.

«Они нас точно убьют, — подумала Фира. — Убьют просто так, ни за что. Просто потому, что мы евреи. Господи, чем разгневал тебя мой народ? В чём повинна я? Мойша? А Сонечка?.. Что плохого сделала тебе она? Этот маленький человечек. Моя птичка. Ответь! Не можешь сказать — дай знак, я пойму.. Молчишь. Сам не знаешь? Тогда забери меня, а её оставь. Заклинаю! Оставь. Сожги меня в аду, а её спаси. Умоляю!..»

Колонна замедлила движение. Впереди слышался истошный лай и автоматные очереди.

Запряжённую в телегу с сеном тощую лошадь, стоящую на обочине, Фира увидела издалека. Женщина лет сорока, в белой косынке, держала её за вожжи и пережидала идущую колонну. Она вглядывалась в лица гонимых людей и не переставая крестилась. У Фиры тревожно заколотилось сердце. Она оглянулась. Автоматчиков рядом не было. Поравнявшись с телегой, она быстро поцеловала спящую Соню и протянула её женщине.

— Умоляю спрячь её, — затараторила Фира. — Я вернусь за ней. Не знаю когда, но вернусь. Запомни: Соня Лейтман, три года. Запомни! Ты ей так и скажи: «Я её обязательно найду!» Да! Ещё...

Фира вытащила из глубокого кармана широкой юбки мятый носовой платок. Быстро развернула его и протянула испуганной женщине золотой магеновид, висящий на потёртой сапожной нити.

— Это моё наследство от прабабушки. Нужда будет — продай...

Соня открыла глаза и закричала. Женщина с силой прижала её ртом к груди, девочка всхлипнула и замолчала. Фира,

заткнув уши, встала в ускорившую шаг колонну. Подошедший автоматчик подозрительно оглядел женщину, переворошил рукой сено, громко выругался и погрозил пальцем.

Около леса был выкопан неглубокий ров. Рыдания вырывались из толпы. Стоны и мольбы обречённых на гибель людей поднимались ввысь, но не доходили до Бога.

Голая Фи́ра стояла на краю рва и смотрела в небо. Кусочки земли из-под ног посыпались вниз. Фи́ра пошатнулась, посмотрела им вслед и увидела Мойшу.

«А может, это не он? — подумала Фи́ра. — Нет, нет. Конечно, он: его горбинка на носу, его кудрявые волосы. Я же не могу ошибиться».

Мойша лежал на спине, раскинув сильные руки, словно ждал, когда она придёт к нему, чтобы обнять. Обнять нежно и трепетно, как раньше.

Фи́ра услышала выстрелы и почувствовала жалиющие удары в спину. Она вскинула руки и полетела вниз. Упала и открыла глаза: мутно-белые волнистые облака неповоротливо плыли по небу..

— Господи! Я жива, — прошептала Фи́ра.

Она глубоко вздохнула, но выдохнуть уже не смогла.

В музее Холокоста на окраине Берлина, у стены из матового гранита, сверху донизу исписанной именами и фамилиями уничтоженных фашистами евреев, стояла стройная, высокая женщина лет восьмидесяти. Она, словно не доверяя зрению, водила пальцами по стене, ощупывая выбитые в граните буквы. Рука её на мгновение замерла. Женщина сделала шаг назад, поправила оправу и прочитала: Эсфирь Лейтман, СССР.

— Ну вот, мамочка, я тебя и нашла, — сказала она, подняла руку и зажала в кулак золотой магендовид на потёртой сапожной нити, висевший у неё на шее.

Ефремыч

Дожидааясь окончания погрузки, Ефремыч раз за разом обходил прибывшую после ремонта полуторку. Осматривал он её с прищуром, придиричиво, проглатывая горечь ревности, словно и не машина это была вовсе, а загулявшая жена, вернувшаяся под утро: вроде своя, родная, но в то же время чужая и неприступная.

Ефремыч снял варежку и провёл ладонью по доскам кузова, пахнувшим свежей краской. Он нахмурился, покачал головой и ощупал наспех выправленные вмятины на капоте. Пнул по переднему колесу, махнул рукой и сказал:

— Да чего уж там, прощаю! Не виновата ты, всё фашист проклятый! Досталось тебе от него, но мы ещё повоюем. Не дрейфь, не брошу тебя!

Он поднял воротник полушубка и подошёл к грузчикам.

Погрузкой каравана, готовящегося пересечь Ладогу, руководил молодой лейтенант. Увидев водителя, он улыбнулся и спросил:

— Как здоровье, Ефремыч? Говорят, потрепало тебя на днях. Тяжко ездить-то у же?

— Было дело! Меня-то не задело, а вот ласточку мою — да. А на здоровье не жалуюсь, не боись. Я за рулём с пятнадцати годов, значитя уже сорок пять лет шофёрю. Мне в кабине, как

у мамкиной титьки, спокойно. Сразу все хвори проходят. Чего везём сегодня?

— Мука. Ещё пять мешков осталось закинуть. Инструкцию напомнить?

— Не смей, лейтенант! — Ефремыч поправил ушанку. — Мы твои инструкции назубок помним.

— Всё! Отставить разговоры. Езжай! — скомандовал лейтенант, протянул Ефремычу документы и козырнул.

— Есть! — ответил Ефремыч. — С Богом!

— Отставить с Богом! — нахмурился лейтенант. — Ты же коммунист! Значит — за Родину и за Сталина.

— Эх, сынок! На Ладогe атеистов не бывает! Как бомбы поваляются, так и политруки креститься начинают. Уж поверь мне! Сталин-то где? В Кремле, а Бог — он рядом, он поможет.

Ефремыч сел за руль, завёл двигатель и выехал на ледовую переправу, покрытую утрамбованным снегом.

Глухая темнота затянула небо над Ладожским озером. Отблеск блёклой луны, словно луч умирающего маяка, скитался в ночной черноте, пытаясь пробиться сквозь беспросветные мрачные тучи.

Фара полуторки, закреплённая на побитой осколками рядов дуге, была наклонена. Её слабый свет позволял видеть дорогу не больше чем на метр. Караван ехал медленно: гнать по ледовой дороге запрещала инструкция, да и приближаться к идущей впереди машине было небезопасно.

Ефремыч крутил баранку и поглядывал на небо. После прошлой бомбёжки он не мог избавиться от появившегося страха.

Это ноющее чувство застряло в груди часа через два после атаки немцев. Сначала, когда он услышал треск разлета-

ющегося кузова и грохот скрежещущих по капоту осколков, страха не было. Он выпрыгнул из кабины, откатился в сторону и прикрыл голову руками. Тогда он думал только о том, что правильно сделал, держа дверь открытой всю дорогу: так делали многие, ведь это был единственный способ выскочить из машины во время бомбёжки. Пусть мороз выжигает лицо, пусть снег залетает в кабину, пусть ноги пронизывает холод, будто валенок и вовсе нет. Всё это мелочи по сравнению с заклинившей дверью полыхающей машины, когда пути к спасению просто нет.

А вот потом, когда всё закончилось и он узнал, что от каравана из тридцати машин осталось только две, то впервые за шестьдесят лет понял, что боится. Боится по-настоящему, до дрожи в коленях, до головокружения.

«Ну а как ты хотел? — спрашивал он себя. — Война!»

Страх ненадолго отступал, а скорее затаивался, чтобы подкопиться силы и наброситься снова. Тогда Ефремыч вспоминал кадры из документального фильма, который показывали водителям перед первым рейсом. Фильм о кошмаре, происходящем в блокадном Ленинграде. Он вспоминал измождённых от голода детей, трупы, лежащие на улицах города, и людей, безучастно проходящих мимо, шатающихся и падающих за смертью. И никто из прохожих даже голову не поворачивал в их сторону. Люди привыкли к смерти, но к голоду привыкнуть нельзя. Он хорошо запомнил их почерневшие от горя лица, по которым невозможно было понять, ребёнок это или проживший долгую жизнь старик. Запомнил ввалившиеся скорбные глаза, впалые щёки и тончайшую посеревшую кожу, обтягивающую торчащие скулы.

«Вот видишь, — опять говорил он себе, — ты их единственное спасение! Они ждут тебя, и без тебя им никак. Так что не дрейфь, Ефремыч, прорвёмся!..»

Вдоль тёмной дороги мерцал свет — это женщины-регулюровщицы указывали путь. Они стояли в линию, метрах в пятистах друг от друга и держали в руках зажжённые фонари. Если под какой-то из машин начинал трещать лёд, регулировщицы моментально отходили в сторону, чтобы обезопасить караван от затопления и направить его по другому пути.

Водители боготворили их и называли богинями, хотя напоминали они огромных снежных баб. Стоять на трескучем морозе всю ночь было невыносимо. Если тело защищали ватные штаны, телогрейка, натянутый поверх неё тулуп и плотный белый маскировочный костюм, то ноги и лица раздирали мороз. Ни валенки, ни намотанные до глаз шарфы не мешали пронизывающему ветру испытывать женщин на прочность. Куржак оседал на их бровях и ресницах, обмороженные носы чернели и становились похожи на дряблую запечённую картошку.

— Бедные мои, — глядя на регулировщиц шептал Ефремыч. — Как же вам трудно, милые.

Проезжая мимо них, он кричал:

— Держитесь, девчонки! Нам без вас никак!

Он не ждал ответа, понимая, что от усталости у них не было сил даже просто кивнуть.

— Чёртова война! — заорал Ефремыч, страхнул застывшие на щеках слёзы и заколотил по рулю. — Жаль, на фронт не взяли! Рвал бы сейчас гадов зубами, ох бы рвал!

Он прислушался: издалека потянулся нарастающий тревожный гул. Мгновенно включились прожекторы. Яркие широкие полосы заметались по небу в поисках немецких самолётов. Гул становился всё громче, и машины прибавили скорость. В острых лучах прожекторов Ефремыч увидел летящие бомбардировщики: чёрные, страшные, как огромные вороны, они кружили над дорогой, разрывая ночную тишину рокотом моторов. Загрохотали зенитки. Окутанные дымом гильзы вываливались на снег и стукались друг о друга с тревожным звуком набатного колокола. Но заградительный огонь не принесил нужных результатов. Меняя высоту, самолёты начали бомбёжку.

— Господи, пронеси! — прошептал Ефремыч, перекрестился и вдавил педаль газа в пол.

Один за другим гасли фонари регулировщиц. Изуродованные тела женщин разбрасывало в разные стороны, белые маскировочные костюмы пропитывали тёмно-бурые пятна.

— Господи, Господи! — шептал Ефремыч, ожесточённо выворачивая руль.

Едкая копоть от горящих машин и зениток врывается в кабину через открытую дверь и щипала глаза. Колючие слёзы текли по не чувствующим мороза, красным, обветренным щекам. От яркого пламени стало совсем светло. Ефремыч взглянул в треснувшее боковое зеркало: позади полыхала разбитая техника. Казалось, что огонь охватил дорогу со всех сторон.

Удар по кузову был такой силы, что Ефремыч выпустил руль и вылетел из машины на снег. Задние колёса с грохотом лопнули. Полупорка замерла, как вздыбленный конь, задрав капот к

небу. Постояв секунду, она завалилась набок, и тут же прогремел взрыв взорвавшейся бомбы...

— Живой, — прошептал Ефремыч.

Он не услышал себя: его голос растворился в протяжном звоне, наполнившем голову. Кровь сочилась из ушей, и капли её рубинами замерзали на воротнике полушубка. Встать не удалось, раздробленных ног он не чувствовал. Ефремыч попробовал пошевелить ими, но из этого ничего не вышло. Ватные штаны, разодранные осколками снаряда, медленно пропитывались тёплыми липкими подтёками. Ефремыч выдернул ремень, перетянул им одну ногу и огляделся. Метрах в трёх от него, у разбитой зенитной установки, широко раскинув руки, лежал мёртвый военный. Ефремыч подполз к убитому, снял с него портупею и перетянул вторую ногу.

Голова кружилась, он лёг на живот, закрыл глаза и потерял сознание. Неуёмный ветер срывал с дороги снежную крупу, поднимал, закручивал и снова швырял вниз, словно пытался затушить бушевавшее вокруг пламя. Но огонь не унимался. Топливо, выливающееся из взорванных машин, подхватывало его и разносило всё дальше и дальше.

Минут через двадцать Ефремыч очнулся. Он поднял голову, размазал по щеке набежавшую кровь и посмотрел по сторонам: рядом валялся присыпанный снегом мешок с мукой, уцелевший после бомбёжки. Ефремыч снова вспомнил кадры из фильма: измождённые серые лица детей и стариков, умирающих от голода в блокадном Ленинграде.

«Сдохну, но дотащу! — подумал он. — Пока есть силы, нужно выбираться».

Откинув варежки, он ухватил мешок за углы, подтащил его к себе и разжал покрасневшие руки. Опираясь на локти, он немного прополз вперёд и вновь подтянул мешок к себе. Снег набивался в рукава, ветер хлестал в лицо. Валенки давно сползли с обездвиженных ног. Пропотевшие, застиранные портянки примёрзли к ступням, но Ефремыч не чувствовал ни боли, ни изнуряющего мороза. Он полз к берегу, оставляя после себя красные извилистые полосы.

Его нашли утром в ста метрах от оборонительного рубежа. Солдаты долго не могли разжать окоченевшие чёрные руки, обхватившие серый мешок с подмокшей мукой...

Содержание

Житейские истории

На рыбалку	5
Искусство жить вдвоём	24
Докопаться до сути.....	31
Цена мечты	39
Круговорот проблем.....	48
Добрые dranики	53
Чахохбили по-грузински	59
С Новым годом, соседи!.....	71
Форель в духовке	83
Экстрим	91
Женщина в окне автомобиля.....	101
Любовь с первого взгляда	104
Лепёшки из тандыра	107
Волшебная луна	119
Привычка	127
Караван.....	130
Взгляд лося	138
Где же ты?	141
Целители.....	146
Случайное приключение	159
И чудный аромат «Красной Москвы»... ..	166

Из жизни вещей

Судьба	182
Жизнь покрышки.....	186

Непара	191
На веранде	197
Светлое семейство.....	203
По понятиям	206

По городам России.

(Проект «Это моя земля»)

Копровский колодец.....	211
Олень-гора.....	215
Кухни мира	218
Флоатинг	223
Клюквенный морс	227
Пирамида.....	234

Немного о войне

Я обязательно тебя найду.. ..	240
Ефремыч.....	245

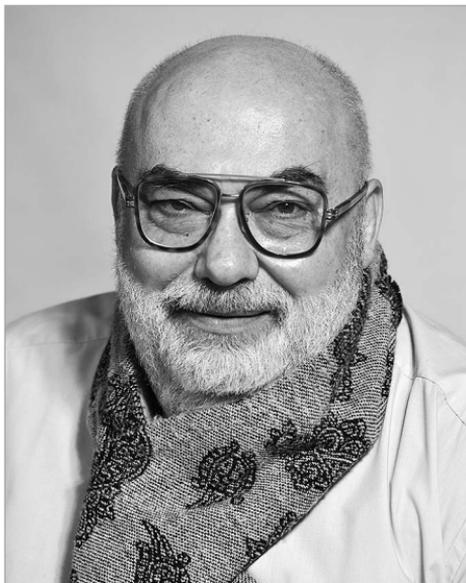

Фото: Владимир Бикмаев

Олег Аронович ЧЕРНЯК

Родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум. В 1980-м принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Трудился на промышленных предприятиях города Перми. Работая, продолжал учиться. Получил образование по специальностям «экономист» и «психолог». С 2004 года перешёл на работу в систему образования. Корреспондент литературно-публицистической

газеты «Пермский писатель». Дипломант литературного конкурса «Новые имена» (2016), Международного конкурса «Вся королевская рать» (2016), литературных конкурсов «Жизнь — игра» (2017) и «Самый яркий праздник» (2017, за оригинальный сюжет). Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2019), премии имени А. Ф. Мерзлякова администрации г. Перми (2019). Публикуется в журналах «Чешская Звезда», «Московский Bazzar», «Директор школы», альманахе «Литературная Пермь». Член Союза писателей России (2018), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018). Живёт в городе Перми.

Краткая библиография

Птица вольная: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2016. — 232 с.

Случайная закономерность: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2016. — 278 с.

Время свободы: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2017. — 320 с.

Будем жить! Повесть. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2017. — 304 с.

А раньше она умела летать...: Рассказы. — Пермь: Изд-во «ОТ и ДО», 2018. — 352 с.

Голос парящей души: Рассказы. — Пермь: Пермский писатель, 2018. — 352 с. — (Антология пермской литературы; т. 26).

Разговор, которого не было: Рассказы. — Пермь: Пермский писатель, 2019. — 240 с. — (Антология пермской литературы; т. 30).

Ненаписанный портрет: Рассказы. — Пермь: Пермский писатель, 2020. — 240 с. — (Антология пермской литературы; т. 33).

Урал. Это моя земля: Литературный путеводитель / Олег Черняк, Эльдар Маматов. — [В. М.]: Издательские решения, 2021. — 158 с.

Литературно-художественное издание

антология
пермской
литературы
том 35

Олег
ЧЕРНЯК

ДОКОПАТЬСЯ ДО СУТИ

сборник рассказов

Художник *Наталья Лежнёва*

Автор проекта *В. Якушев*
Корректор *А. Ощепкова*
Дизайн серии,
вёрстка *С. Неведомская*

Пермская краевая
общественная
(профессиональная)
организация
Союза писателей России,
ПКОО «Пермский писатель»
614000, г. Пермь,
ул. Сибирская, 30
permsprouii@rambler.ru

Подписано в печать 13.04.2022 г. Формат 70x108^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура NewtonC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,2. Тираж 300 экз.
Заказ № 15455.

Отпечатано в соответствии с предоставленным
оригинал-макетом в ООО «Универсальная
типография «Альфа Принт», www.alfaprint24.ru,
тел. 8-800-300-16-00.

«Счастье в мелочах»,
2017 г., холст, масло. —
работа Наталии Лежнёвой

35

антология
пермской
литературы

ISBN 978-5-6044740-9-9

9 785604 474099